

Год назад Олег Игоревич Валериус прислал нашему сайту свои воспоминания. Немало страниц в них посвящено **Новограду-Волынскому**. Написанные с оттенком юмора - живым, ярким и самобытным языком - воспоминания сами по себе представляют интерес для читателя. В силу ряда причин , мы только сейчас публикуем этот материал. Выражаем О.И. Валериусу искреннюю благодарность за предоставленную возможность.

www.zviahel.ucoz.ru

КНИГА ВООК

В тексте, содержится малая толика ненормативной лексики. Проявляйте сдержанность при чтении детям на ночь

Немного об истории моей семьи	6
Дальний Восток.....	26
Ленинград.....	37
Украина.....	41
Москва.....	87
Армия.....	96
Институт.....	124
Минфин.....	142
Проверки.....	170
Специальный факультет.....	203
Начало аудита в России.....	286
Эрнст.....	305
Послесловие.....	319

Предисловие ко второму изданию

Я долго просил отца написать воспоминания. Он отнекивался, но написал в конце - концов.

Когда мне стукнуло как стукнуло и я пришел к возрасту, когда сподручней думать, чем прыгать, я стал думать. Думается почему-то сподручнее по ночам. Видимо думы мои ночные сопровождались кряхтением и верчением, и жена сказала, что вместо того, чтобы вертеться и кряхтеть, встал бы и начал писать. А что писать? Вот пиши про себя. Я долго сомневался и пытался уснуть. А потом попробовал ...

Писал, писал, потом иссяк. Так как я всю жизнь был читателем, и никаких навыков писательского ремесла у меня нет, получилось то, что получилось - поток памяти.

Когда иссяк, я показал это людям, мнение которых мне обо мне не безразлично. Отзывы удивили: некоторые, участвовавшие в описанных событиях хотели бы, чтобы их имена

появились в тексте, другие - наоборот, третьи вообще обиделись.

Кое - что я подправил, остальное не хочу в силу того, что я так помню или просто из – за авторского гонора. Кто не согласен, пусть пишет свою версию.

Так что, если кому-то это все понравилось, благодарите мою жену Надю, которой это все и посвящается.

Намеренно не писал о личной жизни.

Итак.

www.zviahel.ucoz.ru

Немного об истории моей семьи

Здесь я буду писать, в основном, о событиях и старшем поколении, поэтому других родных и близких прошу не обижаться – пусть о нас напишут наши дети.

Мой отец, Валериус Игорь Викторович, кадровый военный, пошел на фронт в 1943 году и закончил службу полковником Генерального штаба. Я долго просил его написать воспоминания о войне, он также долго отнекивался, но потом втихую написал. Я прочел их уже после его смерти. Там не было ни слова о том, как он воевал. Уже в конце своих записей отец вскользь заметил, до какой степени он устал от войны. И я понял, что человеку эта война настолько опротивела, что и вспоминать о ней не хотелось. Представьте: мальчишка 20-ти лет от роду, старший лейтенант, командир артиллерийской батареи и почти два года на передовой. Кем мы были в 20 лет?

Вообще-то война началась для него в 16 лет, когда он с матерью и маленьким братом бежали под бомбежкой из Белостока – его немцы начали бомбить в первые часы. Как писал отец, у него было единственное желание:

убежать подальше от дороги, которую постоянно бомбили и обстреливали. Но это значило попасть к немцам, а мама – член ВКП (б). Расстрел. Потом они были эвакуированы в Курган. Там отец работал на железной дороге, а когда ему стукнуло семнадцать, они в сговоре с мамой, которая была врачом призывной комиссии, приписали ему год и он пошел на войну. Окончил краткие курсы младших командиров и начал воевать командиром батареи сорокапяток Сорокапятка – это такая маленькая пушечка, которая выкатывалась на прямую наводку против танков. Когда моему сыну было лет десять, я показал ему эту пушку в музее под открытым небом. Пушечка стояла рядом с танком как велосипед рядом с КамАЗом. Сын не поверил, что так можно было воевать и остаться живым.

Войну закончил в Румынии. Оттуда 176 гвардейский стрелковый полк 119й ордена Суворова I степени стрелковой дивизии был передислоцирован в Молдавию.

Отец как-то мимоходом обмолвился, что пожалел, что не дошел до Берлина. Уже когда его не было, я сбежал с обязательного приема и взял такси до Рейхстага. Видел его каждый день, когда был в

ГДР, но – граница. Сейчас приехал, походил, потрогал колонны. В память об отце.

Там два фронтовика, отец и мой будущий дядька Саша встретили двух сестер – красавиц – мою маму и ее сестру, потом мою тетку. Это были очень красивые женщины с ярко голубыми глазами, на них оглядывались, даже когда я уже был взрослым. Родом они были с Полтавщины и звали их Зинаида и Таисия. Для меня остается загадкой, почему сельские родители девочек называли старшую Зинаидой, а младшую – Таисией. Греция, какая – то.

Отца их звали Митрофан, маму – Вера. Они тоже бежали от немцев, но не убежали. Дед Митрофан был большой статный дядька с ухоженными усами и хитроватыми глазами. Работал он главным бухгалтером земельного отдела района. Баба Вера уже после рождения дочерей развелась с мужем и жила потом в семье младшей дочери. Папа часто вспоминал тестя по простому мужскому поводу: дед всегда носил в левом кармане грецкие орехи, а в правом – стаканчик для вина.

Дядя Саша был военным комендантом Тирасполя. Мне всегда нравились воспоминания за столом о том, как дядя Саша,

раздобыв бутылку вина, арестовал папу, посадил на гауптвахту, где они эту бутылку и выпили в интересах службы.

Потом стали у них рождаться дети: я, Вита, Юра, Ириша, потом наши дети: Машка, Гошка, Алена, Димка, потом внуки и внучки.

И образовался «клан». Старшие были нашей крышей, мы, младшие, успешно множились под ней, под нашими крыльями множилось наше богатство, и чувствовали все мы себя великолепно. Потом передняя линия обороны в течение нескольких лет стала рушиться. Я это воспринимал как естественный ход событий, даже не задумываясь о возрасте «крыши». И когда умер дядя Саша, последний из старших, я понял, что следующая очередь – моя. Сейчас можно было бы завернуть близким – эх, никто этого не понимает! Я не понимал, будучи во второй очереди, и это естественно. Иначе детям жить невозможно, они всегда будут корить себя за то, что не всегда позвонили, не всегда приехали, да мало ли причин. Я не знал и знать не хочу человека, который бы заявил, что он сделал для родителей все, что мог. Все, что мы можем для них - это такой максимальный минимум: успеть сказать, что мы их любим.

Уже, будучи совсем взрослым, я поехал отдохнуть на мамину родину – в село Головач, где еще оставались не то дальние родичи, не то подруги детства. Настоящее гоголевское село: беленые хаты, вокруг прозрачный сосновый лес, в десяти минутах хода – речка Ворскла. Хозяева тоже из гоголевских рассказов. Абсолютный командир жена, но коль ты ей понравился, можно вить веревки. Мужа зовет не иначе, как Хозяин, но пукнуть самостоятельно не дает – хозяин попивает. Кормят гостей, особенно в ночь, с явным намерением зарезать к утру. В хозяйстве есть все: куры, гачки, индюшки, кролики, вместе с соседкой выкармливают трех свиней. Огород соток десять и приусадебный участок с пол - гектара. Растет все, за исключением яблонь – почва песчаная. Хозяин счастлив – в доме гости и можно без особого повода дерябнуть. Важно ходит по подворью в хлопковых чешских шароварах с коленками, голый торс в виде пуза и хвалится хозяйством. Обожаю такие штаны, правда их сейчас купить трудно и производят их только в Белоруссии. У меня есть такие, купленные на рынке, но жена их почему-то не любит. Так вот, ходит хозяин по двору, потом вдруг в загончике для курей хватает

молоденького петушка и очень быстро его на колоду. Хозяйка варит из куренка борщ. Знатный борщ получается из куренка!

Полтавский вечер, сидим за столом во дворе, уже стемнело, вверху купол из звезд, стрекохут цикады и благоухает табак. Это цветы такие, пахнут только ночью. Попиваем «женскую» самогонку, градусов двадцать и едим борщ из того самого петушка. Хозяин явно мается - выпить то по-настоящему хочется. Бормочет:

- Вот сейчас Галка с Полтавы приедет, интересно, какие конфеты они сейчас выпускают?

Я совсем ничего не понимаю. Галка – это жена сына, невестка. Сын – красивый парень с телом Шварцнегера, доставшимся ему просто в силу природы, еще дежурит в депо в Полтаве. Хозяин вдруг взбадривается. Во двор заходит Галка с большим полиэтиленовым пакетом. В пакете орешки, какао, кофе, специи, и главное – бутылка «Буратино». Хозяин быстро откупоривает ее, разливает по стаканам – ром! Галка работает на конфетной фабрике, где в этот день на конвейер поставили конфеты с ромом. Допиваем ром. Через час появляется сын. Быстро перекусил и – вперед, на рыбалку! Идем в ночи минут десять. Подходим к протоке,

где стоит човен. Попробую объяснить. Ворскла течет в песчаных берегах в километре отсюда. Река спокойная, рыбная, вода имеет целебные свойства. По весне разливается очень широко, а когда вода спадает, образуются многочисленные ставки, иногда соединенные протоками. И там застрявшей рыбы видимо – невидимо. Вот на такой ставок мы и пришли в ночи.

Шварцнегер в полнейшей темноте запрыгивает в човен и приглашает меня. Вообще-то човен - это как индейская пирога. Только индейцы делали их из столетних деревьев, из чего делают их на Полтавщине, не знаю, но диаметр – сантиметров сорок. Верткий такой, будто сидишь на узкой доске. Я вперед попой вползаю в пирогу, хочется просто лечь на дно.

Много-много лет спустя мы с женой отдохали в Кении. На пляж приплыла аналогичная пирога, управляемая прямостоящим тощим полуголым негром. Я поманил его рукой, и мы стали грузиться. С трудом поместил жену на единственную лавочку в этой неустойчивой посудине, сам сел на дно в воду и дал знак – трогай. И тут хозяин этой пироги вдруг замотал головой и на африканском языке заявил: папа сюда, показал рукой на лавочку, мама – сюда,

на дно. Я тоже на африканском – нет, это неправильно. Тогда капитан на хорошем английском сказал, что у мусульман положено так. Он никого не хочет обидеть, но так положено. Мама села на дно в теплую воду, я как падишах - на трон, и мы поплыли. Вот такие правила безопасности мореплавания.

Плывем в човне на рыбалку чопом. Это значит, что сначала мы раскидываем сеть - путанку, а потом загоняем в нее рыбу чопая чопом. Чоп – это приделанная к концу длинного шеста резиновая штука для прочистки засоров водопровода. Если резко ударить ею по воде, раздается звук «чоп». Рыба, наверное, боится, что реку сейчас будут спускать и в панике бежит в сеть. Вся процедура занимает минут двадцать и к столу готово килограмма три разнообразной рыбешки. Еще двадцать минут, и рыба почищена и жарится на сковороде. По времени как в Москве сходить в гастроном, но результат

Потом, дня через два, со Шварцнегером и его друзьями пошел «тралить» ставок. Мы с ним тащим бредень вдоль, скажем, правого берега. Тащить надо, прижимая нижний край сетки как можно ближе ко дну. Иногда приходится уходить с головой под воду. А слева плывут,

орут и беснуются «загонщики». Метров через сто, у другого конца ставка, ор все возрастает и возрастает, даже зрители кидаются в воду и тянут уже тяжелый бредень на берег. К назначенному времени приехал трактор с прицепом-платформой, привез корыта. Улов уместился в пяти таких емкостях.

Дома разобрали улов. Могу соврать, но: щурят – сто, окушков – двести, раков – триста, плиток (это плотва) четыреста. Понимаю, что привираю, но ощущение именно такое. Какое-то невероятное богатство для горожанина.

Варится уха, раки, приглашаются соседи. Девичья самогонка, разговоры:

- А как там в Москве? Что обещают?

Еще через день уже Хозяин приглашает меня на рыбалку, почему-то днем. Взяли удочки, но пошли не на речку, а в соседнюю деревню. Как оказалось, в целях конспирации. Там купили два «огнетушителя» - это бутылки от шампанского, но заполненные жидкостью, именуемой в разных частях Украины по разному: «Аромат садов», «Аромат степов», или просто «Вино ароматное». Это продукция местных винокурен с очень приемлемой ценой и крепостью португальского портвейна. К ней

полагается покупать местную же карамель аналогичных названий.

Недалеко от Киева есть остановка автобуса «Героив». Там высокий песчаный берег Днепра, с которого можно в пять прыжков вниз достигнуть воды. Вокруг сосновые леса, а там – маслята. Собирался весь клан туда переезжать на лето, готовились и мы, младшие. Закупали «Мицне» и прятали в окружающих лесах. Там же припрятавались конфеты «Аромат...». Все на Украине было аромат.

И вот пошли по грибы. Лето, нашли схрон, прилегли на сухую хвою, чуть.. чуть ... закурили..... Хорошо!

Потом набрали грибов, вернулись на базу, а вместо «Спасибо» - «Где выпили?». Мы, конечно, обиделись.

С утра опять по грибы. Нам для похода в лес оставили только шаровары без карманов и по две сигареты. Дошли до схрона: чуть.. чуть ... закурили..... Хорошо! На базе: как эти грибоеды могли так без денег? А у нас на троих было три высших образования, лишних восемь рублей и сметка.

Как же я люблю Украину! Вот сидим мы на мостках на вечерней зорьке. Вечерело в то

время в СССР в семь вечера и означало конец удовольствий потому, что вино с этого часа не продавалось. Представьте: магазин есть, продавщица есть, а радости – нет. Даже обидно было. Сидим, рыбалим, впереди неоглядная водная гладь Киевского моря, садится солнце, багровое. Справа от нас – мягкий изгиб бухты, на противоположном краю которой мигает огоньками в наступающих сумерках село, где есть магазин. Их! Денег у нас три рубля. В принципе денег хватит, но по суше – большой риск опоздать на автобус. Прыгаем в нашу лодочку и поперек бухточки рвем к маячку села, где есть магазин. Финиш «Семь часов» опасно близок. Налеем на весла, налегаем, налегаем, и вот лодка утыкается в песок. Рекорд! До семи часов еще три минуты, успеем. Поднимаю голову, а передо мною – крутой берег высотой метров пятьдесят. И я рванул. Добежал до магазина в пять минут восьмого. В нем можно было купить все. Но не то, что мне было надо – опоздал. Продавщица - красивая молодая хохлушка. В магазине никого нет кроме нас. Тяжело дыша после подъема, протягиваю ей три рубля и говорю, что я с Москвы. Она шепчет: «Я лякаюсь». То есть боится, причем искренне. В Москве бы я точно нашел нужные

слова и выражение лица, а тут не нашел ничего лучшего, чем сказать: «Не лякайся!» и она поверила. Назад плыли не торопясь по темной уже воде попивая портвейн и разговаривая. Ту продавщицу помню всю жизнь: и лякалась, и с Москвы парню не отказала.

Совсем недавно еду поездом в Киев. Уже рассвело, за окном медленно проворачивается потрясающий украинский пейзаж, а то, что поближе – мелькает. В этом мельтешении замечаю вывеску крупными буквами : «Вас витают вагонюки!». Прожил на Украине долго, знаю, что начало фразы значит «Вас приветствуют». А последнее слово какое-то нехорошее, типа говнюки. Пробыл в Киеве два дня и всех достал вопросом о значении этого слова. Никто не знает, начинают фантазировать: коль это было рядом с железной дорогой, то значит это слово типа «вагонники» или что-то около, то есть работники, связанные с вагонами. Спрашиваю: а есть тогда слово «тепловознюки»? Нет, говорят смущаясь. Напридумывали.

Возвращаюсь к Полтаве. Дошли, наконец, до реки, выпили по стакану, я пошел купнуться. Выхожу на берег и вижу, что хозяин сидит в метрах в десяти с мужиками, играют в карты.

Наши огнетушители рядом с ними. Я полежал, полежал, купнулся еще раз и засобирался домой. Мой хозяин бросил друзей, и мы пошли вместе. Идем через лес, Хозяин в хорошем настроении открывает мне душу:

- Ото е у мэне в Москве друг – полковник. Приизжав тут до нас – худой, а ще полковнык.

Вдруг останавливается:

- Глядь на мене – гладкий, а полковник - худой.

Потом громко заспивав и пел красиво, по-украински. По мере подхода к селу петь стал тише, потом еще тише. А уж когда подходили к хате, сказал, что надо проверить что-то на огороде, и сгинул. Я через калитку вхожу во двор, хозяйка спрашивает:

- А где тот ирод?

Жму плечами, мол, не знаю. Вхожу в дом, прохожу через хозяйскую комнату, а там, на кровати – хозяин, спит. Ну и я пошел спать. Вечером за ужином хозяйка допытывалась: на рыбалку пошли вместе, вернулись порознь, один трезв, а от другого пахло. Молчим.

Моя бабушка по папиной линии, Екатерина Николаевна, рано овдовела. К сожалению, мое поколение, да и не только оно, было

удивительно равнодушно к историям своих семей. Я даже не знаю происхождение моей фамилии. Кто-то когда-то сказал, что мой дед был латышским стрелком, умер от чахотки, полученной при форсировании Сиваша. Потом бабушка во второй раз вышла замуж и носила фамилию второго мужа. Меня иногда оставляли жить у них в Москве - отец часто менял место службы и, пока они с мамой там устраивались, я оставался у бабушки. Сейчас я уверен, что бабушка меня любила, но любовью строгой. Есть такой тип людей – любят, но, ни прижмут, ни приголубят. Но она была единственной, кто вместо ненужных подарков на дни рождения давала мне десять!!! рублей. Отец по судьбе был офицером – гарнизонщиком. Ему повезло с женой. Мама всю жизнь промоталась с ним по гарнизонам, вела хозяйство, белила стены и потолки, клеила обои, красила полы, воспитывала детей, а как готовила! Смотрел фильм «Берегите женщину» - начало списано с моей семьи.

После войны папу носило от Дальнего Востока до Западной Украины, а дядя Саша служил в Штабе УКВО и в Германии. Но каждый год, где бы мы ни жили, мы ехали в отпуск в Киев. Потом вместе в Крым и куда угодно. Я проехал

страну вдоль раз десять от Дальнего Востока и обратно. До сих пор запах вагонного титана для чая будоражит душу.

Если начать с самых ранних воспоминаний, то в той части памяти, которая отвечает за этот архив, царит пыльный беспорядок. Поэтому воспоминания отрывочны, бессистемны и иногда это просто ощущения.

С 1951г. отец учился в Академии им.Фрунзе, и мы жили в каком – то деревянном доме. Так вот, помню ощущение ужаса, когда ты совсем маленький и нет рядом взрослых и за тобой гонится по коридору маленькое чудовище. Оно скользит по полу за тобой, не отставая ни на шаг, но и не приближаясь. Остановишься, стоит и оно, дернешься – чудовище с шипом тут же вдогонку. А мне года три – четыре, орал ли я или все это было молча – не помню. Потом появилась мама и все разрешилось чудесным образом. Чудище оказалось теркой для полов. Полы были деревянные и их не только мыли тряпками, но и отскабливали специальными мочалками, сплетенными из тонкой металлической проволоки. Кстати, такие продают и сейчас для сковородок, но те были гораздо больше. И вот такая мочалка, думаю, где-то распушилась, и отросток тоненькой

проволочки зацепился мне за штаны. Страшнее Крюгера.

Еще мы жили на трех вокзалах, со стороны Казанского, за Клубом МПС. С Казанского стреляли салютом на праздники – это было прямо напротив окна коммунальной кухни.

В прямоугольнике двора разгружали товар для продуктового магазина, товар привозили на огромном фургоне, который таскала лошадь. Лошадь была для меня тогда огромных размеров – аж до второго этажа. Друг мой Витька научил меня ее не бояться и кормить. Нужно было принести из дома кусок черного хлеба, посыпанного солью, и на раскрытой ладони поднять его к морде лошади. Морда с высоты второго этажа медленно опускается прямо к твоей голове и шершавыми, поросшим волосиками губами, мягко снимает с ладошки кусочек хлеба. И страшно и гордо. Кстати, в той квартире я в первый раз увидел газ на кухне. И до того, и долго после того я таскал или дрова, или уголь чтобы натопить дом, приготовить еду или помыться. Вторым в жизни техническим шоком была немецкая, под стеклянным абажуром настольная лампа в доме моей бабушки. Можно не поверить, но это был уже класс второй, меня оставили пожить у нее, пока

не утрясутся проблемы с очередным переездом родителей. Никого в комнате нет, делать нечего. А на круглом столе стоит эта великолепная лампа с амфорообразной ножкой из дутого стекла, а сверху – ультрамариновый тоже стеклянный абажур. Внизу, на бронзовой подставке торчит пипка. Нажал на пипочку и лампа зажглась. А как выключить – не знаю. Полез под стол, вытащил вилку из розетки – погасла. Потом бабушка долго допытывалась, зачем я это сделал. Мне в голову не могло прийти, что надо было нажать на пипочку во второй раз, чтобы получить противоположный результат.

Если меня будут читать внуки или собаки, они меня поймут. Моя кровать стояла у стены, за которой была шахта лифта. Сейчас, когда у меня есть собака, я понял, что у них нет чувства времени: скажите собаке «Сидеть», потом уезжайте на Сахалин, в Канаду, и она будет сидеть, пока вы не вернетесь. И дело не только в верности – дело и в отсутствии чувства времени. Я ходил в школу, ел, пил, говорил, играл с друзьями. Но как только я ложился в кровать и слышал, как лифт ездил туда-сюда, я ждал и верил, что вот на этом-то лифте приедут мои родители. И так сто восемьдесят ночей.

Уже в пятом классе, когда в очередной раз меня оставили с бабушкой, у меня был друг, который родился и до пятого класса жил в Америке. Вот у них в гостях я тоже впервые увидел соль мелкого помола, до этого – только зернистую. Друг мой по английскому получал только двойки и тройки: и грамматика не та, а о произношении и говорить нечего. Жили мы на Октябрьском поле. Кто знает из старших – это был специально построенный для военных район. Там улицы до сих пор именуются маршалами и генералами. В те времена там были «Военторги», «Военателье», «Военполиклиники» и пр. Дома – сталинские, но поскромнее, чем в центрах. Телефон начинался Д 194. Район был тупиковым. Если ехать до метро «Сокол», а потом автобусом три остановки - доехать можно. Если добираться с Хорошевки, то с пересадками тоже можно. Там и там в конце был Сырбор - Серебряный Бор, тупик. В этом был громадный плюс: в «Военторгах», и в «Универмагах» был очень широкий выбор товаров, за которыми никто из области не мог охотиться – тупик. Как мы жили в этом тупике! И была какая – то деревенская гордость. Тупиковая.

Ехать в Москву надо было как в другой город. Во – первых надо было перебраться через «Сокол», а это территория «симонянцев» – около метро жил сам Симонян. У нас такого козыря не было и нас поэтому «симонянцы» не любили. Пробрался до «Сокола» - и пили до Москвы – далеко, поспать можно. Среди местной ребятни такое путешествие того не стоило.

Мне бабушка как-то дала три рубля на модель планера, которую можно было купить на ул.Горького в магазине «Пионер», Там сейчас большой красивый пятизвездочный отель с услугами пионеров. Я на всякий случай спрятал трешку под стельку сандалий и решил обогнуть вражескую территорию «симонянцев». На автобусе до «Сокола» - три остановки, потом вправо в обход через Ленинградский парк, потом влево уже по многолюдному Ленинградскому проспекту – и ты выходишь к метро «Сокол», где тебя «симонянцы» не ждут - они дежурили в проходе слева от храма «Всех святых». Потом долго – долго до «Белорусской», через переход на левую сторону, потом долго пешком – и вот ты в «Пионере»! Снимаю сандаля, вытаскиваю

стельку, а там – труха! Стерлась трешка за такое долгое и опасное путешествие.

Другой случай с моделями был в Ленинграде. Там тоже был «Пионер». И купил я там действующий макет подводной лодки. Дня два в свободное время клеил, собирал, прилаживал. Наконец, собрал и пошел в какой-то парк запускать ее на пруду. Закрутил резинку, с помощью которой вращался винт, наладил рули глубины и с замиранием сердца опустил на воду. Лодка ходко пошла по воде, а потом стала погружаться как настоящая. Но больше не всплыла. Слушай, хороший бизнес, как сказали бы сейчас.

Дальний Восток

После Академии отец попросился на Дальний Восток, но попал сначала в Китай. Кстати, в воспоминаниях он писал, что хотел на Дальний Восток еще после войны. Правда, жили мы в Китае недолго. Так случилось, что вскоре после нашего приезда туда, советские войска стали из страны выводит. Я еще в школу не ходил, помню мало.

У китайцев были очень интересные и красивые деньги с изображением танков, самолетов, грузовиков. На маленькую бумажку можно было купить таз яблок. У меня был друг китаец, имя которого переводилось как принц. Я бывал у них дома. Семья была большая, все спали в одной комнате на лежаках вдоль стен. Под этими лежаками циркулировал горячий воздух от печки. Лежать на такой лавке было очень даже приятно. Как-то мы ездили в Дальний и папе купили там рубашку, да и забыли ее в магазине. Потом поехали недели через две, зашли на всякий случай в этот магазинчик, и рубашку с великой радостью нам вернули. Говорили, что за кражу в Китае отрубали руку. Запомнилась чья-то шутка, что в Китае в парикмахерских волосы не стригут, а

выдергивают. Первый поход в парикмахерскую привел меня в ужас, но все оказалось прилично. Когда уезжали, до границы офицеры с семьями ехали в вагонах первого класса с красными бархатными диванами и санузелом на два соседних купе. На нашей границе всех перевели в теплушки.

Говорят, что Бог, закончив создание земли, совсем позабыл о Приморье. Хватился, а в карманах - лишь крошки от чудес всех уже созданных уголков, краев и стран. Он и рассыпал их на Дальнем Востоке. Мне, конечно, повезло, что я провел детство в этих красивейших местах. Даже сейчас, спустя пятьдесят лет, недалеко от поселка Славянка, где мы жили, собирались строить президентскую дачу. А представьте, что за красота была тогда!

Славянка была небольшим поселком, населенным в основном военными. Мы ездили в тайгу собирать виноград, я нырял в море с потрясающим подводным миром: громадные водоросли, пестрые стаи рыб, морские звезды, осьминоги. А крабов! С друзьями брали по две остроги каждый, а острога – это железный прут длиной около метра, специальным образом чуть изогнутый в нескольких местах. Крабов

били после отлива и только самых крупных. Нашел краба, проткнул его острой и сдвигаешь вверх, потом следующего и дальше. Если шли втроем, то набивали шесть острог – это примерно пять метров положенных друг на друга крабов. Мама варила их в баке для выварки белья. А кто знает, как надо ловить краба руками? Его надо хватать сзади, так, чтобы он не смог дотянуться клешнями назад до руки. Я как-то допустил промашку, и краб схватил указательный палец за подушечку. Пока я пытался освободиться, он умудрился сделать тоже самое с другой рукой. Стою, верещу, это действительно больно, а поделаться ничего не могу. Хорошо, отец просто откусил крабу клешни. Но это были маленькие, панцирем с ладонь прибрежные крабы. Однажды рыбаки принесли к нам домой на продажу океанских огромных монстров. Вывалили из мешка на пол на кухне штук пять, а те стали расползаться, скребя по деревянному полу панцирями и ногами. Аж жуть.

Купаться уходили на целый день и одни, родители не боялись отпускать. Очень красиво под водой. Масок не было, просто откроешь глаза, видно плоховато и все равно красота. Можно было сделать небольшой ящичек со

стеклянным дном, тогда очень хорошо видно с поверхности, а если смотреть с лодки, то будто летишь над чужой планетой. Ходили страшные слухи об огромных осьминогах, маленьких же, ныряя, можно было увидеть очень часто. Один раз повстречали мужиков, которые на двух веслах как на носилках несли большого осьминога, щупальца его волочились по земле. Видели кита, говорили кашалот, но далеко, хорошо видно было только в бинокль. Очень нравилось коллекционировать морских звезд. Под водой они все одинакового серого цвета. Их надо было разложить на солнечной стороне валунов и сушить несколько дней. Вонь от них стояла ужасная, зато потом она пропадала, звезды становились легкими и расцветались яркими красками. Особенно ценились большие красные звезды с длинными тонкими щупальцами.

Морской рыбалки летом не помню. Ездили на машинах за форелью в тайгу. Рыбалка заключалась в том, что взрослые бросали в воду гранату, а мы ниже по течению подбирали бреднем всплывшую рыбу. А вот зимой, ближе к весне часто ходили на подледный лов корюшки, ее еще называли огуречником за ее

запах сразу как выловишь. Ловили много, потом вялили, жарили, а какая сладкая уха!

Детская жизнь была, как я сейчас понимаю, исключительно насыщенной. Зимой море – это бескрайний каток. Пальто распахиваешь и катись пока не страшно: просто можно укатиться в открытую воду, или так далеко, что замучишься возвращаться. С сопок катались на санках, как сейчас это делают наши дети за большие деньги в Австрии. У каждого были такие самодельные тележки из досочек с рулевым устройством. Зимой они ставились на коньки – снегурки, прилаживалась мачта с тряпкой – парусом, и вот тебе буер. Летом коньки менялись на подшипники и гоняли с сопок по тропинкам. Особенно популярной была игра в шарики. Китайцы делали маленькие стеклянные шарики с разноцветными очень красивыми узорами внутри. Вот эти шарики и катали по земле, выбивая одни другими. Правил точно не помню, но были лунки, а шарики запускались специальным щелчком: шарик клался на согнутый указательный палец, щелчок делался большим. Сами шарики имели разную ценность в зависимости от красоты узора в них. Можно было выиграть целое состояние или

проиграться в пух и прах. Проигравшие тырили дома пластинки, плавил их на костре и катали из этого шарики. Получались они черными, некрасивыми и неказистыми и шли один к пяти к самым некрасивым китайским. Но это был шанс. Играли, конечно, в футбол – волейбол, но было много и других игр. Интересны были городки и казаки – разбойники ночью с фонариками: осветил противника – убил. Очень любили «слона» или «колбасу». «Слон» - это когда человек пять становятся вокруг лицом внутрь, обнимаются за плечи и чуть сгибаются. Члены другой команды с разбега запрыгивают им на плечи, но, скажем, не ближе, чем с двух шагов. Допрыгивают не все, многие сваливаются, а задача стоящих в круге – выдержать как можно больше запрыгнувших. Какая команда выдержала больше насевших, та и выиграла. В «колбасе» команда выстраивалась в колонну, головы стоящих сзади засовывались под мышки впереди стоящих и крепко ими прижимались. Получалась такая крепкая колбаса. Задача конкурентов заключалась в том, чтобы запрыгнуть на спину колбасе как можно большему количеству седоков, но запрыгивать можно только с зада колбасы. То есть первый должен был

запрыгнуть как можно дальше, второй – за ним и так далее. Задача колбасы было дотащить всех запрыгнувших и удержавшихся определенное количество метров. Во игры! Участников человек десять – пятнадцать и никакого тебе инвентаря и площадок за счет муниципалитета.

Цветов по весне были моря, особенно красивы большие, похожие на георгины и красные лилии. Весной ходили на сбор черемши, все вокруг благоухали чесноком. Осенью виноград, но ездить надо было далеко в тайгу, потом пешком. Один раз даже зашли в Китай, но тогда отношения были хорошими, нас накормили, взрослых угостили и отпустили. Но надо было быть настороже, в тайге были тигры, один раз даже слышали его рык. Мужчины были с оружием, но все равно боязно. Много было пятнистых оленей, один раз отец даже привез с учений олененка. Он был болен, мы его лечили и выхаживали как могли, но он все равно умер. Подозревали, что от клеща. Вообще клещ был напастью. У нас в школе учился мальчик, который мог передвигаться только на четвереньках – последствия клещевого энцефалита.

Из культурных развлечений было кино в части. Летом кино показывали на улице. Кино было для солдат, как правило, про войну и другие подвиги. Дети ходили на сеанс с собственными табуреточками с овальной дырочкой на сидушке для руки. Ставились они впереди первого ряда для остроты ощущений. Зимой, когда кино крутили в клубе, можно было забраться вообще за экран и жить в кино. Для спорта было все, была музыкальная школа.

Самое интересное было в части: там, на высоте над океаном стояли пушечные батареи. Шляться там, конечно, не разрешалось, но была одна учебная пушка, она не стреляла, а просто солдаты на ней тренировались прицеливаться, заряжать. Все ручки крутились, ствол ползал туда-сюда. Вот на ней можно было повоевать. В сопках были прорыты, а потом заброшены катакомбы, по которым можно было лазить днями. Еще одним развлечением были походы на стрельбище, там можно было насобирать пустых гильз и пуль. Потом двое крутили колесо, деревянные мишени в виде силуэтов небольших танков и машин медленно ползут по тросу и надо попасть в них из рогаток.

Рогатки были не простые, а из специальной резины. Резина была двух видов: вырезанная из

маски противогаза и высшего класса – от планера. Сидим как-то на сопке. Сопка называется Дунькин пуп и с ее вершины в ясную погоду через залив на горизонте виден Владивосток. И вдруг чуть ниже нас сзади что-то как бахнет! Смотрим - планер врезался в землю. Мы бегом туда. Над побережьем много чего летало, и зонды и планеры с аппаратурой. Отец говорил, что это американцы за нами шпионят. Вот такой планер или сбили, или сам упал, но у него болтался довольно длинный кусок резинового жгута, за который его поднимали. Ножички у нас собой всегда были, и мы успели отрезать этот кусок и смыться до подхода военных. Жгут состоял из десятков круглых резинок, толщиной с детский мизинец, имевших невероятную эластичность. Это и была резина высшего класса. Нас, конечно, потом вычислили по рогаткам, но отбирать не стали. Вторым покушением на военное имущество была кража ящика с патронами. Гуляя по части мы нашли его недалеко от забора в траве. Потрясли – гремит. Насмотревшись фильмов про войну, мы его замаскировали и дня два наблюдали за часовыми и вообще передвижением солдат по территории. Все было спокойно, и мы решили перетащить его

через забор. Взяли веревки и, промучившись с час, все-таки перекинули ящик через забор.

Надо представить, что было нам лет по семь, по восемь, забор взрослый, риск какой, а ящик неподъемный. Вечером утащили его в овраг, взломали и чуть не умерли от горя. Ящик был набит морской галькой. Мы и раньше видели такие ящики на тренировках солдат, те на время таскали их метров по сто. Но те были потертые, побитые, а этот – новенький, как со склада. Вообще-то патроны у нас водились. И от ружей, и от карабинов. Где мы их брали, не помню, но мы частенько рвали их на кострах.

На Дальнем Востоке мы жили в нескольких местах. Два других были не так интересны. Смоляниново было просто отдельно стоящим военным городком, куда даже воду привозили через день в цистернах, а свет выключали в полночь. Зато там я научился на свечке плавить сахар, получался леденец. Там же я начал ругаться матом. Мама рассказывала, что я попал в больницу на две недели, где в палате вместе со своими грудничками лежали местные женщины. По возвращении домой стал говорить с народными приправами. Там у меня родился и через месяц умер братик.

Последний поселок Камень – Рыболов стоял на берегу озера Ханка. Это огромное озеро, по которому проходит граница с Китаем. Поселок назывался так потому, что вдалеке от берега возвышался огромный камень с выемкой сверху. Говорили, что волны заносили туда рыбу, где ее и собирали. В озере водились огромные белуги. Когда рыбаки вытаскивали их на берег, то для форса поднимали их за жабры вверх на вытянутых руках, при этом хвост волочился по земле. Особым шиком у мальчишек считалось засунуть рыбе в пасть руку по локоть.

Ленинград

После Дальнего Востока отца направили в Ленинград переучиваться на ракетчика, он был один из первых. Ленинград мне не понравился – серо, сыро, холодно. Единственной отрадой были съемки фильмов про войну. Снимали много, в разных местах, и смотреть было даже интереснее, чем кино.

Сам я в кино снимался три раза. Еще когда работал на заводе, мы с друзьями попали в массовку у метро Динамо. Надо было изображать жизнерадостную молодежь, сбегаящую по ступенькам. Было холодно, но нас заставили прыгать по этим ступенькам в одних рубашках. Правда, платили по рубль пятьдесят за дубль. Мы раз пять сбежали и получили на троих больше двадцати рублей, которыми и грелись потом в кафе через Ленинградский проспект. Второй раз случился в армии. Мы на броне танка раз двадцать объехали вокруг полуразрушенной хаты. Догадывались, что так снимали колонну танков. Третий раз дело было так. В Голландии проходил ежегодный митинг партнеров Эрнст энд Янг. Это человек под тысячу со всего мира. Организаторы придумали такую фишку: в

нескольких странах снять по короткому клипу, в конце которого один из сотрудников офиса из этой страны должен был на своем родном языке произнести: «Добрый день, Эрнст энд Янг». Такая была задумка, но исполняли ее в каждой стране самостоятельно и клипы эти должны были крутиться в начале каждого перерыва в наших заседаниях в Голландии для демонстрации единства компании в мировом масштабе.

От России выступал я. Наняли мы киношников, написали сценарий и приступили к съемкам. Сценарий был таков: панорама Кремля, потом появляюсь я и говорю эту фразу. Была уже хорошая осень, а так как сниматься решили только в пиджаке, то заказали прогноз погоды, чтобы было солнечно. Но, оказывается, снимать Кремль с Большого каменного моста можно было только с разрешения компетентных органов, а вот его-то киношники на намеченный день не получили. Перенесли на другой день. Приехали на мост, меня в микроавтобусе напудрили - наладили и съемки начались. Вылез я из автобуса и обомлел: над Кремлем неслись низкие тучи, ветрище на мосту холоднющий, сильнющий. Все выскочили, стали снимать. Панорама Кремля, камера наезжает на

меня, я говорю: «Добрый день, Эрнст энд Янг». Оператор недоволен светом. Бежим в автобус, согреться, меня лачат – пудрят и опять выскакиваем. Только выскочили, подъезжает машина, проверяют разрешение на съемку и просят убрать микроавтобус с моста. Тот уехал и пропал. Снимаем еще раз потом еще и еще, я околел вконец. Теперь звукооператор недоволен: ветер свистит, просит меня говорить погромче. И так несколько раз. Все, сняли, наконец.

Голландия, третий, последний день работы в громадном зале с громадным экраном, с которого в перерывах здороваются с уже подуставшими и осолопевшими участниками митинга аккуратные юноши и девушки из разных стран. На них уже никто не обращает внимания. Объявляют перерыв, все кряхтя встают, разминают затекшие члены и вдруг я вижу на экране панораму Кремля под свинцовыми тучами, посвистывает ветер и хочется запеть «Вихри враждебные воют над нами...». Что-то у меня под ложечкой засосало. И вот на весь экран появляется мое синеватое от холода лицо с растрепанными волосами и как заорет: «ДОБРЫЙ ДЕНЬ ЭРНСТ ЭНД ЯНГ!!!». Участники конгресса аж заколдобились от

неожиданности. Зато потом со мной все здоровались, приглашали на пиво, японцы надолго замирали в глубоком поклоне.

В Ленинграде веселым развлечением было выстроиться цепочкой около перил какого-нибудь низкого моста через канал и ждать когда подплывет прогулочный катер. Тогда, да, по-моему, и сейчас, ходили низкие широкие прогулочные катера без навеса сверху. Вот катер приближается и все начинают плевать вниз. Смотреть на пассажиров была умора – деться им некуда, катер не остановишь, и начиналась паника. Но на пассажиров мы не плевали, только пугали.

Жили в коммунальной квартире, семей на десять. Каждый мужчина в квартире посидел в тюрьме. Иногда, выпив на общей кухне, они начинали спорить, у кого была лучше камера, к согласию не приходили и на этой почве дрались. Я очень гордился отцом, который мог их утихомирить или разнять. За фанерной стеной жил настоящий стилига, который по ночам громко крутил стилижные пластинки на костях. Мама часто водила меня в оперу и на балет и с тех пор я их недолюбиваю. А вот Кио - старший мне понравился. По окончании учебы отца мы поехали на Украину.

Украина

Новоград-Волынский - небольшой городок, бывшее местечко. Население наполовину евреи, своеобразный говор, отношения. С тех пор я их люблю. Кстати, рекомендую перечитать «Конармию» Бабеля – там очень ярко описаны обитатели **Новограда**. Здесь родилась почитаемая на Украине писательница Леся Украинка, но ни одного ее произведения в голове не задержалось. Николай Островский, всесоюзно почитаемый автор «Как закалялась сталь» взорвал мост через р.Случ, быки от которого остались до описываемого здесь времени.

Там родилась моя сестра Иришка. Папа ходил с ней гулять и иногда заглядывал в пивную на вокзале. А потом прекратил – она на все заведение потребовала больше пива не пить, а то он уписается.

Ходить в школу особенно не хотелось никогда, но и прогуливать было опасно - в военном городке, где мы жили, не спрячешься, да и в самом городе не набегаешься, он маленький, знакомых много. Когда тепло, еще можно было на речке укрыться, а зимой – всегда в школу. Помню только один случай массового прогула

когда в кинотеатре крутили «Брак по итальянски». Сейчас в Википедии пишут: «Просматривать рекомендуется детям от 13 лет и совместно с родителями». Да, там Софи Лорен с этой походкой! И как по постели ладонью похлопывала, призывала Марчелло. Мы с пацанами раза три ходили. Школа была старенькой, парты на двоих с наклонными столешницами, изрезанными и исписанными «Галька дура» или «Смерть геометрии!». Тогда в школах не было кабинетов, все уроки в одном классе. Но было все: спортзал, спортивные секции, даже какой-то знаменитый танцевальный кружок, огород, каток - зимой заливали. Заливать надо было ночью и горячей водой, тогда лед получался ровнее. Мы были очень спортивными даже по сравнению с нынешними ребятами. Не в смысле физической стати (я исподволь гордился, что я выше папы, а сейчас чтобы дать подзатыльник сыну, надо тащить стул), а в смысле приверженности спорту. Я увлекался всем, что нам предоставлял Городок (так называли обнесенный высоким кирпичным забором военный городок, где мы жили). Там был стадион, спортплощадки, бассейн. В школе ходил в секцию фехтования и достиг тогда

выдающихся результатов – стал кандидатом в мастера спорта. Иногда хвастаюсь дипломами, но предметом моей гордости осталась победа над венгром в чемпионате области в Житомире – это был первый иностранец в моей жизни, и я его заколол. Следующего я увидел через много лет. Мой сын катается с гор с шести лет да все в Австрии, дайвит в Красном море, готовится к парашюту. Молодец. Конечно, мы были наивнее, но и к спорту относились как к спорту – или победил, или голова в кустах. Я до сих пор помню, как нам на соревнованиях давали бесплатные талоны на питание. Вот ты в столовой берешь что хочешь и протягиваешь кассирше талон. Чувство было такое, что на тебя все смотрят и думают: он спортсмен.

Школа окнами выходила на горсад. Ходили страшные слухи, что в городе есть банда, члены которой играют в карты на места в кинотеатре. Какое место проиграют, так того, кто на нем сидел, и убивают. В горсаду почему-то. В общем, соваться туда по ночам было страшновато. Со стороны сада, выходящей на центральную улицу, на заборе висели плакаты про стилиг и тунейдцев.

Очень хорошо помню, как я шел домой из школы в день, когда, истекал срок решения по

Карибскому кризису. Шел и думал: интересно, как это рванет? Успею дойти до дома? Запомнился и полет Гагарина. Кто-то вбежал в класс во время урока и прокричал, что Гагарин в космосе. Я увлекался фантастикой, но врать не буду, улететь в другие галактики не хотел. А тут все сложилось: и коммунизм скоро и космос. И целая жизнь впереди! Но химичка портила все будущее. Как-то, уже поздней весной я несколько дней подряд заворожено глядел в окно класса, ожидая, когда же рухнет, наконец, огромная сосулька, свисавшая с крыши. Желал, подлец, что бы она прибила кого-то конкретного. О полете Титова узнал на речке. Вынырнул из воды, а тут по громкоговорителям: Титов полетел.

Самым побудительным мотивом не сачковать от школы было то, что учительницей математики была дама из нашего Городка. Уж так заботилось государство о нашем образовании, что математика была каждый день, если не по два раза на день. Математичка была очень энергичной и к тому же, как и все учителя, свято верила в абсолютную необходимость ее предмета в будущей жизни ее учеников. Как ее звали-величали уже не помню, но страх перед математикой и

невольное какое-то подобострастное уважение к математикам осталось на всю жизнь. Она просто влетала в класс и с порога выкрикивала: «Тот-то и тот-то - к доске! Те-то и те-то решают пример такой-то на странице этакой, остальные – все примеры на странице такой!».

Просто ураган! И так туго с математикой, а тут как на поле боя, успевай только ползком. Правда на родительском собрании нас не ругала, но не дай Бог пропустить математику! Другие учителя были щадящими садистами : не спеша в журнале что-то смотрят, тянут, класс оглядывают. Тут надо было или смело глядеть в глаза – будто все знаю, или наоборот, глазами не встречаться. Политес. А с математическим ураганом - ни спрятаться, ни скрыться.

Очень хорошим учителем был учитель истории и физкультуры. Звали его Георгий. Для меня он был воплощением Остапа Бендера не в смысле походов, а просто как образ высокого, статного и красивого мужика. Из всех физкультурных дисциплин предпочтение отдавал баскетболу, что было немного странно для того времени – вокруг футбол, а мы - в баскетбол. Кстати, это мне помогло в будущем: в баскетбол мало кто играл вообще, а я, благодаря Жоре, был король. Был он незлобив

и нас, наверное, любил. Помню, я почему-то на его уроке истории оказался на первой парте прямо перед учительским столом. Вот я сижу, а он стоит и голова его, мне кажется, касается потолка. Меня он как букашку внизу и не замечает. А указка его лежит практически передо мной. И он громко:

- Римляне использовали политику кнута и.....?

Пауза. Класс молчит. А я снизу специально:

- И палки!

Он автоматически:

-И палки!

Потом хватился - и за указкой, но я уже успел ее спрятать. Он имел привычку поддавать нерадивых указкой. Но самое большое наше уважение он завоевал, когда мы нечаянно его застукали. Дело было так. Наша компашка ошивалась на уже закрытом рынке – там можно было поживиться интересными вещами. Видим, идет Жора, вокруг уже почти никого нет. Мы спрятались за прилавок, а он подходит к этому самому прилавку, достает четвертинку и без закуски - хоп! и пошел дальше. Кстати, мне запомнилась чуть ненормальная женщина, торговавшая на этом рынке липучкой от мух. Она монотонным голосом без пауз все повторяла и повторяла: «Кто забыл купить

липучки, того мухи заедять». С тех пор я всю жизнь, когда кто-то жалуется на мух, декламирую эту фразу. Уже думал, что и липучек-то не выпускают, а тут довелось побывать в селе, а там – липучки продают. Я не удержался и на весь магазин: ««Кто забыл купить липучки, того мухи заедять». Местные решили, что я сбрендил.

Учителем украинского был тоже уважаемый мною человек. Он водил нас в походы, говорил, что во время войны прополз всю Украину на пузе обратно и туда. Действительно, много знал о тех местах, куда нас водил, много рассказывал у костра.

Помню, как мы с моим другом Сергеем уже после дневного перехода отошли от лагеря тайком выпить вина и покурить. Украинская роскошная природа, сидим на низком берегу небольшой речки, на той стороне садится солнце, тишина и мы о чем-то беседуем, попивая вино и покуривая. Если у кого-то остались такие воспоминания – он счастливый человек как я. Пора было возвращаться в лагерь. Мы подошли к воде, и пенка медленно поплыв вниз по течению, скрылась за излучиной. Слегка кружится голова и хочется улыбаться.

Насчет воды у меня есть фишка: я купаюсь в любом водоеме, где бы я ни был, или, хотя - бы, надо омыть руки. Я так делаю всегда. А вот в Северном Ледовитом не случилось. Но это точно будет.

Так я упражнялся во многих десятках случаев, но, почему-то запомнилось два.

Мы ехали на машине из Находки во Владивосток. Там часть дороги идет вдоль побережья океана. Была уже хорошая осень и в океане этом я уже купался, причем с двух сторон, но захотелось купнуться. Время позволяло и я попросил остановиться минут на десять. Бегом метнулся к берегу, быстро разделся и с разбега – в Океан. Дыханье сперло, но когда вынырнул, то опять чуть не утонул: из-за не очень дальней скалы бесшумно и медленно выплывал огроооомный, размером с двадцатиэтажное здание, корабль. Я бы не так был обескуражен, если бы эта махина гремела, скрежетала, ухала и пукала. Абсолютная тишина и огромность производили магическое воздействие на сознание. Очнулся лишь после гудка машины. Водитель потом объяснил, что это вышел с базы самый крупный крейсер нашей страны.

В школе у нас была преподавательница географии, которая (я не насмехаюсь) говорила так: горы и упадины. И очень любила про Месопотамию рассказывать. Вот если кто-то мне скажет, что ему было интересно в том девственном возрасте про Месопотамию, я тому скажу, что он поц. Когда я мыл руки на слиянии Тигра и Ефрата, я вспомнил мою учительницу географии и эти ее упадины стали мне милы.

Потом пришла другая учительница украинского. Так совпало, что на первом же ее уроке я не смог толком ответить, а кто-то брякнул, что я вообще не учу украинский. Действительно, было такое правило, что дети военнослужащих могли не учить местный язык, ведь было этих языков как минимум пятнадцать, а военные мотались повсюду. Но я- то учил. А она взяла и вычеркнула меня из журнала. Хорошо!

Учительницей русского и литературы была женщина требовательная и зачастую несправедливая. Не знаю по какому поводу, но она мне как-то сказала, что я не понимаю красоты листа, медленно кружащегося в прозрачном осеннем воздухе. Или что-то в этом роде. Я, наверное, действительно не понимал, а что, должен был мальчишка в этом возрасте

понимать? Так я ей назло на годовом сочинении на какую-то патриотическую тему забабахал листов десять стихов о летчике, который сбил сотню врагов и сам погиб при таране. Там было все: и война, и любовь к девушке и Родине, и бедная мама и Бог знает что еще. Не знаю, что на меня накатило, но двигала мною точно не любовь к поэзии. До тех пор я в классе третьем написал лишь один стих примерно так: «Летают птички, гнезда вьют и песни громкие поют», а потом приписал что-то из Пушкина или Некрасова. С тех пор и поныне ни-ни.

Как-то ее дочка пригласила меня среди прочих на день рождения. Надо перед этим надо сказать, что моя мама готовила божественно. Угощала нас учительница пельменями. Это был ужас: и отказать нельзя и есть нельзя, а она все подкладывает и подкладывает. Вот если хочет учитель уронить свой авторитет – это наилучший из всех способов.

Прозвище учителя английского было Диверсант. Он действительно был коренаст, с крепким лицом, но почему Диверсант – не знаю. Не мог же он диверсантировать в Германии со своим английским. Загадка.

Ну и апофеоз апофеозов – Кобра или Плюмбум, училка химии. Я до сих пор считаю людей, имеющих хоть какое-то отношение к химии людьми особыми. Может память из подхалимажа и врет мне, но мне мнится, что из-за моего блестящего ответа Кобру как-то забрала неотложка.

Абсолютно невозможно в воспоминаниях более чем сорокалетней давности быть объективным в оценке событий и, тем более - людей. Но, самое главное – я их помню или, как говорится: «Мне так каажется» .

В таких городках как **Новоград** существует свой язык, не такой, может быть, выразительный, как в Одессе, но очень узнаваемый. Я могу хороший русский сосать как леденец – заканчивается конфета и хочется еще. Но и тот, из детства, удивительно хорош. Я прошлым летом был на Украине, ловил карасиков в ставке небольшого села. Село когда-то было застроено стандартными небольшими домами, которым были приданы огромные участки. Заборы между усадьбами невысоки – метра полтора. Полдень, жара, на рыбалку идти рано, сижу под большой раскидистой сливой, читаю найденную в библиотеке хозяина дома, где живу, книжку «Дети капитана Гранта». Вдруг,

над забором со стороны улицы появляется совершенно круглая голова с золотыми зубами во рту и орет:

- Галя!

С этим украинским «гы». Галя – это моя хозяйка. Она чистит в летней кухне пойманную мной утром рыбу. Орущая соседка не замечает меня и не видит Галю и наоборот, но все слышат друг - друга.

Галя в ответ орет:

- Га!

- Ходь до мэне!

- Не можу!

Соседка:

- Чому?!!

Я посреди этого ора верчу головой. Галя:

- Готую!

- От зараза!, Время немає, бигты трэба!

- Так бигы!

Соседка опять:

- От, зараза!

Открывает калитку, и тут видит меня:

- Звыняйтэ, бигты треба, то та Галка чудкует. Як спалося, Вас добре кормют, як у Москви дила? Бигты трэба, звиняйтэ.

И уходит на кухню. Оттуда стрекот минут двадцать. Золотые зубы останавливаются на

обратном пути опять рядом со мной: «Звиняйте, бигты трэба!» и исчезают.

Пытаюсь найти место в книге, где меня застал этот шторм. Только нашел, как вдруг из-за забора крик той же головы: «У мэнэ плямянныця пид Мосвкою живэ!!» И исчезает. Вот мне бы так спешить!

Как-то иду с рыбалки и вижу картину: стоят эти две товарки, каждая держит в обеих руках по полному ведру воды и тараторят. С места, откуда я их увидел, до них – метров сто. Иду, дошел, поздоровался, а они стоят, говорят, но ведра на землю не ставят! Красота!!!

Что-то я съехал с темы одноклассников. Отступление, как у Толстого: кто-то едет в коляске, думает об одном, а автор описывает совсем другое – небо, например.

Меня всегда сносит на рыбалку. Не помню ни имени, ни фамилии, но был среди моих друзей Попеся, отчаянный рыбак.

Дальше моя жизнь наградила меня несколькими сродственными мне рыбаками.

Одного из них зовут Сергей. Я его пестовал (как рыбака) буквально руками: он в то время не умел ни закидывать удочки, а тем более спиннинг, ни насаживать наживку, ни добывать ее, ни распутывать леску, ни вываживать рыбу.

Ничего. Сейчас это абсолютно профессиональный рыбак. Я горжусь собою и за него. Мы с ним рыбачили на Волге, в Монголии, Италии, в Англии и в Мексике. И везде он был удачлив (кроме Мексики, где много - много текиллы).

С этой Мексикой вообще анекдот. За сто долларов вас сажают в катер, убеждая, что в заливе появилась рыба-молот. И мотают вас по заливу часа три, пока вы не обгорите до ожогов. Все, говорят, уплыла. С устатку и горя решили с Сережей зайти в местную забегаловку. Заказываем перекусить и бутылку водки. «Колд!», говорит Сережа, «Вэри колд!». Официант кивает головой и минут через пятнадцать несет две креманки доверху набитые льдом и там, очевидно, налит один дринок – сорок грамм. С сожалением грызем этот лед и повторяем попытку: «Принесите бутылку». Нет, говорят, не можем, и дальше по-испански. Сережа добавляет в голос стали и постоянно переспрашивая, понимают ли его, требует бутылку. Появляется пузатый начальник и осторожно как бомбу несет бутылку столичной. «Вот теперь, - командует Сережа - поставьте ее в самый холодный холодильник и принесите ее нам под горячее!». «Нет у нас

холодильника», жалуется начальник и пытается смыться с этой бутылкой. Мы буквально отбираем ее и просим гору льда, весь лед этой гребаной харчевни. Несут пластиковое ведро льда, мы зататариваем туда трофей и через пол часа разливаем по первой. Наступает час расплаты: официанты сбились в кучку, что-то бурно обсуждают, тычут в калькуляторы и, наконец, несут счет с ужасом на лице и припиленной лентой кассового аппарата длиной в метр: водка разбита на дринки, то же самое и с ведром льда.

Но мы уже добрые.

Очень рыбак Ваня – мой родственник из Киева. Это деятельный рыбак – он не будет сидеть на месте, будет искать рыбу, где она его не ждет. С ним у меня связаны очень хорошие воспоминания. Приезжаю на Киевское море отдыхать. Спрашиваю, а где Ванька? Рыбалит, говорят родственники. Пошел я на берег, а там на мостках, уже вечереет, он и сидит. И надо же было такому случиться: только я до него дошел, он выуживает огромную рыбу! Я возликовал. Потом мы ловили – ловили – и ничего. Поймали, помню, штук семь окушков за три недели и решили сделать из них воблу. Засолили, развесили на веревочке, и перед

отъездом домой купили пиво. Снимаем нашу воблу, а все рыбки как погремушки внутри пустые – все съели осы, оставив лишь наружную видимость. Другой курьезный случай: сидим на тех же мостках уже часа три – ноль. И вдруг за нашей спиной, на пляже, визг и гам. Оглядываюсь, а там очень крупная женщина подпрыгивает на жопе как огромный мяч. Перегрелась, думаю, да еще дети визжат, а она все прыгает и прыгает. И вдруг вытаскивает из - под зада огромного леща! Мы с Ванькой паримся на этих мостках, а женщины ловят нашу рыбу жопой! Стыд нам и срам.

Значительно позже мы с ним были на другой рыбалке и у нас закончилось. Иван решил сходить в магазин, но тот был в деревне в километрах пяти от нас, да еще полем. Вернулся и рассказывает, что он шел в принципе в правильном направлении, но точного не знал. Идет ему навстречу пара, он спросил куда идти. А женщине интересуется, а что ему надо в магазине. Ваня говорит, застеснялся я и отвечаю – кетчуп. Тогда держитесь левее, а если что-то другое – правее, у них есть лицензия. И пошел он правее. Я чуть с лавки не упал от его рассказа: идет по полю мужик в рыбацкой выкладке, пару дней не

бритый и так его приперла любовь к кетчупу, что ищет он этот кетчуп в пятикилометровой дальности.

Ваня в советское время часто приезжал в Москву получать зарплату и спирт. Такая у него была хитрая организация. Мы спирту всегда чуток отпивали, а так как фляга была большая, то и чуток оказывался хорошим. Вот как-то отпили и поехал я провожать его во Внуково. Лето, жарковато, одеты мы только в рубашки. Рейс откладывают и откладывают. Мы спирт больше не трогали, а пробавлялись пивком, которое требует частых визитов в туалет. И как назло у Вани расползлась пластмассовая змейка на брюках. Хорошо, что где-то в уголке аэровокзала сидела бабушка, которая оказывала мелкие бытовые услуги: чистила обувь, чинила одежду, что-то штопала. Вот Ваня и попросил ее зашить ширинку. Зашила. Через полчаса пора в туалет. Пошли к бабке, она распоролла, потом опять зашила. Через полчаса вся процедура повторяется и так раз пять. Бабуля сделала большие деньги на нашем горе и утирала слезы, когда Ваня с ней прощался, улетая в Киев.

Возвращаюсь к Попесе. Подготовка к рыбалке начиналась за два дня. Попеся возглавлял сбор

выползков. Выползок – это такой большой толстый червь. Достать его можно было одним путем: ночью с фонариками вся команда ходила по пустырям в поисках нор. Нора заливалась водой и минут через пять выползок выползал. Штук десять хватало, но нужны были и простые черви. Рыбачить мы ехали в Чижовку. Чтобы добраться до нее надо было выйти на трассу, поймать попутный грузовик (легковушек было мало), проехать километров пятнадцать, потом километра 3-4 пешком, и вот ты в Чижовке на берегу той же Случи. Дивное место!

Уезжали дня на два – три с ночевкой. Чижовка привлекала рыбаков тем, что там была полуразрушенная плотина, а, как знает любой рыбак, в таком месте можно ловить любую рыбу: сверху плотины, скажем, сомов, налима, снизу – плотву, окуня. Очень азартно ловили голавля «на перетяг». Это когда на два спиннинга вяжется единая леска с поводком посередине. Один из рыбаков со спиннингом переплывает на другую сторону реки, леска натягивается, поводок подводится к нужному месту и насадка то опускается на поверхность воды, то опять поднимается. Пойманный голавль подтягивается на один из берегов.

Очень эффективный способ, аналог ловли нахлыстом.

Ночевали в разрушенной хибаре – вполне сохранившаяся хата без окон, но с печкой. Так случилось, что в этой хибаре оказывалась не только наша компания, но и рыбаки посторонние. Ближе к осени холодало, и довольно сносную печь хибарки надо было интенсивно кормить дровами. Дрова собирались в леске недалеко. Представьте: ранняя осень, в хибаре греется пять – шесть рыбаков, печь отбрасывает блики, спать хочется как в карауле в армии. Но надо периодически проверять печь и донки, где сидят выползки на сома.

Никому не хочется оторваться от уже нагретого своим телом места на полу, но печка затухает, требует дров. Самый замерзший сам, без понуканий кое – как ползет в угол за дровами. Однажды таким замершим оказался я. Пополз за поленом, тащу его к печке, тяжелое зараза, сопротивляется и, как мне показалось, ворчит. Тащу. Дотащил до круга света перед печкой и с ужасом вижу, что за поленом тащится целый человек. Ворчит, но проснуться не просыпается. Оказалось, что в потемках я схватил протез подвыпившего инвалида. Спать я его,

конечно, не смог бы, но история запомнилась. Сейчас я даже удивляюсь, какими мы были мобильными. Вот два примера. Так как у меня нет редактора, я не помню где что описано, поэтому могу и повториться.

У всех были велосипеды. И вот мы решили поехать на летних каникулах в Киев, а это больше двухсот километров. Решили, что коль мы катаемся каждый день, то и тренировка нам не нужна. Собрались и поехали. Ехали не торопясь без остановок часов пять. Перекусили и до вечера еще два. В уютном лесочке поставили палатку, переночевали, а утром не можем встать даже умыться. – ноги не работают. И на второй день не работают. Кое - как перебились и медленно – медленно домой. В другой раз решили сделать плот и по реке Случ доплыть до реки, по-моему, Припять, а там и в Днепр. Конечно, я сейчас могу и ошибаться и проверить по интернету, но дело не в этом. Плот решили делать в той же Чижовке ниже плотины, там были какие то разваленные постройки, где можно было набрать бревен. Накупили продуктов, веревок, два топора, пилы и стали строить плот. Интернета не было, инструкций по постройке плотов в магазинах не продавали, руководствовались отрывками из

фильмов, где отважные плотогоны эти плоты гоняли и фильмом «Верные друзья». Плот мы связали, загрузились и доплыли до первого подводного камня (валуны остались от ледникового периода). Плот развалился, провиант утонул.

Часто ходили в походы классом. Обычно это дня на 3-4 с ночевками в сельских школах. Нам выделяли или самый большой класс или спортзал. Мы были городскими, а местные ребята – сельские. Не вру, но однажды, в селе, где мы остановились на ночевку, в клубе крутили «Чапаева», мы ерничали. Иногда дрались с местными, но не злобно, а из принципа. Укладываясь на спортивных матах ночевать, исподволь занималось место поближе к нравившейся девочке. Спали не раздеваясь, но «нечаянное» прикосновение это было ох.

В той же Чижовке я испытал запомнившийся на всю жизнь ужас ужасов. Ночью мы с Попесей пошли проверять донки. Так надо было делать два – три раза за ночь. Кто знает летние украинские ночи: видно хочь голки збирай. Попеся пошел влево по берегу, я – вправо. Иду вдоль ивняка вдоль речки и выхожу на небольшую прогалину. С другой стороны в

ртутном свете луны стоит карлик – ростом мне по пояс, башка взрослого человека и глаза светятся. Мало кто знает на практике, что такое оторопь. Я знаю. Это когда выключается все: голова, ноги, руки.... Тут я недавно по телевизору видел сюжет с маленькой девочкой, жалующейся на маленького же мальчика: «Он меня хватал за руку, за ногу, за голову ... и за всюду». Так вот оторопь меня схватила за всюду. Столб. А этот карл таким утробным рыком как рыкнет! Все-таки природа мне как мальчишке дала шанс: гормоны дали по мозгам, свистнул изо всех моих сил. И карла сдернулся с места, оказавшись собакой с темным телом и белой грудью и передними ногами. Сомы спали.

У меня осталось очень теплое чувство к той части моей жизни. Было много хороших друзей, да и возраст хорош был. Здесь вспомню только самых запомнившихся.

Яша мог играть на любом предмете, особенно если это музыкальный инструмент. У него был даже саксофон золотого цвета. Парень дружелюбный, кругленький и очень улыбчивый. Он был инициатором создания в классе джаз банды. Я почему – то получил контрабас. Господи! В заштатном городишке

где – то посреди провинции провинций в школе был контрабас! Насколько я понимаю в музыкальных инструментах, игре на контрабасе тоже где – то людей учат. А меня Яшка немотивированно поставил за это огромное сооружение и сказал (конечно, я сейчас не могу сказать, что все так в точности и было, но это близко к истине): «Прижимай пальцами левой рукой струны сверху и дергай за любую струну рукой правой, но в такт». Я дергал, дергал, а там струны как канаты. Все пальцы на обеих руках стесал до крови. А ведь кроме дерганья надо было еще на уроках и ручкой писать в тетрадях, и мелом у доски. Пошли проблемы. Но выход был найден и выход гениальный. На левую руку я одевал стыренную у мамы лайковую перчатку, а правой рукой не дергал струны, а стучал по ним барабанной палочкой. Разницы между классическими приемами игры на этом инструменте и моими новациями для меня вообще не было никакой: слуха ноль, а что там получается не так и важно. Мне нравилось. Но судьбу оркестра не помню. О Яшке у меня до сих пор очень хорошие воспоминания.

Звали его Гришка. Уверен, что все, кто его встречал на своем пути, должен запомнить его

на всю жизнь. Это люди в определенном смысле выдающиеся. Его семья приехала из Капустинного Яра – в то время это был единственный ракетный полигон на весь СССР. Мой отец туда ездил на учения и, насколько я помнил его рассказы об этом месте, это было место пустынное в приволжских степях, с унылым климатом и совершенно не обустроенное для проживания людей.

И вот из этих унылых мест явился Гришка – существо сугубое, с вечно мокрым носом, но проницательное и прилипчивое. Абсолютная приспособляемость степного сурка, беспринципность и напор – таких сейчас много. Но я был воспитан на рассказах типа: поставили на пост – стой. А забыли снять с поста, все равно стой. Иными словами, я был совершенно не готов к отпору зла силой. И это гад приклеился.

Мы учились во вторую смену, зима, Гришка сидел за одной со мной партой. На перемене он завел меня в туалет (вот тут у меня сомнения – вроде туалет был снаружи), дал мне фонарик и сказал светить. Вывернул лампочку в потолок, засунул в патрон копеечку, закрутил обратно лампочку и мы сбежали. Фокус был в том, что первый вошедший в туалет включал свет и –

бах! Короткое замыкание. Зима, вторая смена, темно. Занятиям конец. И кому придет в голову проверять все патроны во всей школе! В конце - концов электрики это вычислили и партизанить таким образом стало опасно, а мне лично это вообще не нравилось. Но у людей типа Гришки есть какая – то кривая энергетика: затягивает как в водоворот.

Уже не помню как у меня появился скальпель - очень острый и необычной формы ножичек. И Гришка однажды попросил у меня его ненадолго, а сам этим скальпелем перерезал проводку и школа опять осталась без света, а мы – без занятий. Но так как Гришка сделал это почти в открытую, его быстро нашли, а я пошел как соучастник. Был педсовет, Гришку, кажется, наградили каникулами, исключив на какое-то время из школы, меня сильно попеняли. На этом педсовете произошел такой случай. Кто-то из учителей предложил написать в «Пионерскую правду» - пусть, мол, вся страна полюбуется на этих героев. Завуч тут же достала экземпляр этой правды и заявила, что писать туда не стоит. Точно не помню, но смысл ее речи был такой: «Смотрите, вот в газете опубликованы прекрасные стихи о Родине ученика второго класса советской средней

школы в ГДР! Такими учениками школа гордится, а что мы напишем? Что в нашей школе учатся такие хулиганы? Позор на всю страну!» Писать не стали, но самое интересное то, что этим мальчиком из ГДР был мой горячо любимый двоюродный брат Юрка.

Неистощимый на пакости Гришка умел делать пистолеты под малокалиберный патрон. У мальчишек была практика на авторемонтном заводе и недостатка в материалах и оборудовании мы не испытывали. Каждый второй обзавелся пистолетом. В Городке и рядом не было ни одного не продырявленного дорожного знака или двери в подсобку. Стреляли все во все и добром, конечно, не кончилось. Младший брат Вовки из своего окна зачем-то пульнул в кочегарку напротив. Пуля пробила двойное окно, ударилась в стенку и упала в раковину крана, под которым в это время мыл руки кочегар. Покушение на убийство кочегара. Милиция ловила и опрашивала всех и, в конце – концов, нашла этого придурка. Ну а там пошло по цепочке. Помню, я лежал в ванне, в дверь позвонили и я узнал голоса военрука, учителя по труду и еще был кто – то. «Ваш сын может сесть в тюрьму на пять лет за незаконное хранение

огнестрельного оружия». Первой мыслью было сразу утопиться в ванне. «Но если он сам все сдаст, то все может и обойдется». А пистолета у меня в то время и не было – предыдущий сломался, а новый я еще не закончил и был он спрятан на заводе. Вытащили меня родители из ванной, и давай наяривать. Честно говорю: пистолета у меня нет! И вдруг из - за спин появляется мордочка Гришки и пищит: «А патроны-то у него есть!». Патроны мы прятали вместе с ним на чердаке. Пришлось сдать. В общем, разоружили всю нашу братию, но никаких репрессий не применили. Я потом вызвал Гришку драться на стадион, но он не пришел, а потом пропал и вовсе, не знаю куда. Вот такой был гад.

Вовка был отличный футболист. Он нашел меня уже в Москве, был пьян и попросился переночевать. На следующий день мы поехали вместе куда-то за город, где он сдавал кросс для поступления в физкультурный институт. Я бы помер, но он не только добежал, но и сдал норматив. Потом пропал. Я, собственно, вернул ему долг. За несколько лет до этого я приезжал в **Новоград** и останавливался у него.

Другой Яшка жил в соседнем подъезде и наши балконы были рядом. Он был старше меня и

обожал мою младшую сестру Иришу. Похож Яша был на Иосифа Кобзона. Время от времени он кричал с балкона: «Тетя Зина! Можно с Иришкой погулять?», а мне – масло на душу, он гуляет с ней, а я - в футбол. Был еще парень по имени Илья, у него старший брат учился уже в военном училище и был мастером спорта по фехтованию, иногда приходил к нам на тренировки и давал, как сейчас говорят, мастер-класс.

Вся мальчишеская жизнь шла полосами. То все из Городка носили военные форменные рубашки, то эта эпопея с пистолетами, потом появился первый боевик «Великолепная семерка» и все обулись в военные сапоги: брюки сверху голенищ и широкие армейские ремни по бедрам. После победы Кубинской революции стали носить береты набекрень и петь «Пылает вся Куба, народ ее изранен и измучен...». Потом все сразу закурили и стали пробовать вино.

Первый раз мы купили на пятерых бутылку мицного и похожего по форме и оплетке на Кьянти вино «Гамза» и все опьянели. На не помню, какой Новый Год нам не удалось купить вина и все, что оставалось в магазине, был ликер Шартрез – ядовито- зеленая тягучая и

очень сладкая жидкость. Бедные монахи, придумавшие этот напиток столетия назад, не знали, что его воспроизведут атеисты-коммунисты в гигантских масштабах гигантской страны. Новый год встречали у нас. Гуляем за столом, где все яства приготовлены наивной мамой, вместе с папой изгнанной в гости. Справа от меня, рядом со столом стоит футляр от аккордеона, набитый этим зеленым зельем Разливаем, чокаемся, выпиваем. Все недовольны. Пытаемся повторить - внутренности слипаются. Третьей попытки даже не состоялось – все у всех слиплось окончательно. С тех самых пор я не очень люблю ликеры за исключением Амаретто – его люблю, когда дают.

Помню еще один Новый год, который мы встречали у Яшки. У них был собственный домик с небольшим полисадником, в доме печка. Зима, белый снег во дворе, там же удобства. Достается заранее запрятанное спиртное (в огороде, комоде, подполе). Все быстро, без пауз: тост, тост, перекур, тост... Все ждут танцев. На магнитофон ставится катушка, все сидят минут десять – никто никому не интересен. Тут самый отчаянный или более выпивший приглашает девушку, и танцы

начинаются. Печь припекает бок, которым ты к ней повернут, ты еще совсем молод, платья тонки. Народу много, комната мала и танцы – это лишь медленное перебирание ногами как одобренный обычаем способ прилюдно поприжиматься. Тот же самый отчаянный гасит свет. Несколько минут все довольны, но потом слышатся звуки вялой борьбы – свет включается. И дальше все повторяется: свет гаснет, потом включается, гаснет, включается. Хотя, должен заметить: обидеть девушку считалось не по-мужски. Апофеозом такой вечеринки была игра в «бутылочку». Целовались в щечку, но азарт настоящий: никому не хочется целоваться с Клавкой и очень хочется с Жанной. Замечательная была игра, жаль, что пропала – сейчас сразу в койку, думаю. Потом утро, пора расходиться по домам, девушки все убрали. Выходим из дома. Снежный ковер обезображен: никто из парней не дошел до удобств во дворе, весь полисадник изукрашен желтыми узорами. Кто-то даже пытался высать имя Жанны. Видны ямы в форме упавших тел. Девушки пытаются отвести взгляды от этого безобразия, и нам стыдно, но праздник удался. Хотя представляю,

что испытали Яшкины родители, вернувшись в свой родной дом, и что потом испытал Яшка.

И, наконец, мой друг закадычный Серега. Я никогда никому в своей жизни не завидовал, но к таланту Сереги как рисовальщика испытывал какую-то ревность. Карикатуры на учителей были бесподобны: три-четыре штриха, и готово, животики надорвешь. Мы в какой-то период хотели быть стилистами, и первым на прорыв пошел Серега. У моей мамы была швейная машинка, и мы тайком превратили Серегины брюки в дудочки, но перестарались. Одевал он эти дудочки лежа ногами вверх, а я натаскивал их на него. Получилось супер, но ни ходить быстро, ни тем более сесть он в них не мог. Так и проходил весь вечер как журавль и это вдобавок к тому, что он и сам был худ и длинен. Снять он их тоже не смог, и мать порола штаны прямо на нем, а потом и его самого.

А моя мама была всю жизнь озабочена моим музыкальным образованием. Первая попытка была сделана еще в самом начале школы на Дальнем Востоке. Меня со скрипом приняли в музыкальную школу, и я продержался там до тех пор, пока не началось сольфеджио. После второго занятия мне указали на дверь. В **Новограде** у нас в семье оказалось сразу и

пианино, и аккордеон, и мотоцикл с коляской. Все это добро свалилось от московского дядьки, папиного брата, который уезжал работать в Америку. И тут у мамы возродилась мечта о музыке в доме. Надо сказать, что она обладала абсолютным слухом, очень хорошо пела. Так как опыт с фортепьяно был отрицательным, судьба повесила на меня аккордеон. Это был огромный немецкий «полный» аккордеон с кучей регистров, тяжелый как рюкзак кирпичей. Если его ставить на колени, как это положено, то клавиатуру я не видел, а если распрямить ноги, инструмент сползал вниз, клавиатура была видна, но вся тяжесть висела на лямках и плечи становились как у бурлака на Волге. Сплошное мучение: все в футбол, а я тягаю мехи. Тягаю, жму на клавиши, вроде складно все получается, а мама из кухни: «Врешь!», а мне так нормально. Учитель приходил к нам домой, он же учил и Серегу. Из-за этой музыки мы чуть не рассорился с ним. Мама вечно: «Вот Сережа уже «Марш Черномора» играет, а ты все «Амурские волны» не выучишь». Конечно, у Сереги был инструмент в три четверти, да и он был повыше меня. Так постоянно меня и пеняла. Радости это в жизни не прибавляло, и я использовал

любую возможность свинтить. Звали учителя Арон Абрамович, добрейший старикан лет сорока. Если идти от проходной, наш дом стоял ближе, чем тот, где жил Серега, и Арон Абрамович занимался со мной первым, а потом шел к нему. Частенько занятия проходили днем, когда родителей дома не было, и я мог увидеть учителя из окна метров за пятьдесят. Если уж совсем донимало или не выучил урок, можно было быстренько подняться на чердак и выйти из дома через соседний подъезд. Арон Абрамович же шел дальше к Сереге и, насколько я понимаю, с тем, чтобы не терять деньги, занимался с ним в два раза дольше. И всем было хорошо: мне отменялись пытки аккордеоном, Арон Абрамович оставался при своих, сберегал свой слух и нервы, а Сереге так и надо было. Держался я долго и достиг уже таких высот, что меня не стыдно было показать гостям после третьей и перекура: «Сынок! А сыграй-ка нам «Ридна маты моя» композитора Майбороды!». Но, в конце – концов, меня достали сравнения с Серегой, да и я достиг максимума, на что был способен.

Таким пределом стали басы. Когда басы были простеньким, жми один раз на одну кнопочку, а

потом три раза на другую, то все согласовывалось с правой рукой. Но когда и левой рукой надо было выводить какую-то мелодию, как-то совпадающую с мелодией для правой руки, мой мозг клинил. Отдельно гамму на басах – нет проблем, отдельно мелодию на басах – нет проблем, но вместе с правой рукой – никак! В общем, мое второе музыкальное образование закончилось на «Неаполитанской песенке». Потом мы стали собираться переезжать и все это добро отправили в Киев. Незавидная судьба ждала моего двоюродного брата Юрку! Но он умудрился вылить на аккордеон банку варенья и остался счастливым мальчиком без музыкального образования. Серега научил меня курить. Вернулся после каникул от бабушки и стал курить. Мы все были помешаны на велосипедах, часто уезжали далеко от города. Любимым занятием было гонять за автобусами. У остановки на трассе ждешь автобус, потом пристраиваешься за ним вплотную и – вперед! У Сереги на велике был спидометр, так он показывал до 50км/ч. Вот после таких гонок заехали в лесочек отдохнуть в тенечке и мой друг предложил покурить. Вообще – то у меня родители курили, но меня не тянуло, а тут нельзя же в грязь лицом.

Закурил, лежу на травке, а деревья вверху плавно кружатся как в фильме «Летят журавли». Приятно.

С куревом отдельная история. Курили, естественно, не очень много: денег нет, да и родителей опасались. Конечно, я мог стянуть по паре штук у каждого из них, этого хватало на двоих на целый день. Но особым шиком были болгарские «Джебл» и «Шипка» в твердой упаковке коробочкой. В магазине они не продавались и достать их можно было или втридорога, или купить самому. Купить же их можно было только в вагоне-ресторане международного поезда, стоявшего на станции минут пять. Предприятие это было рискованное: надо было успеть проникнуть в поезд, добраться до вагона-ресторана, купить сигареты и назад. Говорили, что некоторые не успевали, а поезд – скорый, следующая остановка очень далеко. Зато, если ты вечером доставал такую пачку – уважение тебе полное: ты или отчаянный, или богатый.

Когда случилась Кубинская революция, в магазинах появились крепкие кубинские сигареты «Лигерос» и «Портогас», курить которые отваживались совсем уже оторвы. Но самое главное – кубинские сигары. Это сейчас

молодежь все знает с младых ногтей, а мы сигары видели только на карикатурах буржуев. И вот мы с Серегой вскладчину купили сигару и я ее чуть покурил по пути из школы домой. Серега поостерегся, так как его родители не курили и сразу бы учуяли запах, но сигару взял себе. Договорились, что покурим вечером. В Городке был такой обычай – все семьи вечером выходили на улицу и прогуливались по центральной дороге. Мы тоже сбивались в компашки, пели под гитару, приставали к девчонкам, все как у всех. Но в этот вечер я почему-то не смог идти гулять, а на следующий день Серега в школу не пришел. Как он потом рассказывал, произошла катастрофа. Он пошел гулять, меня не нашел и в кустах с кем-то выкурил сигару, затягиваясь. Головной мозг от интоксикации никотином отказал и Серега в темноте, попыхивая окурком, сделал циничное предложение двум идущим впереди девушкам. Девушки оказались его мамой и сестрой. Порол его отец два дня по вечерам вместо прогулки.

Но, несмотря на такие злоупотребления, у него хватало ума на всякие проделки. Он придумал такую аферу. Например, у меня близиться день рождения и Серега предлагает приглашенным

скинуться по несколько рублей на подарок. А лучший подарок - это что? Книга. В день рождения Серега в классе вручает мне трехтомник Фенимора Купера, я благодарю, несу книги домой и ставлю их на место. Книги - то мои уже как лет пять. Вечером гостям показываю, как пришелся их подарок к месту. То же самое происходит и на его день рождения, только теперь он тащит книги из своего дома. А денежки шли на удовольствия от кино до табака

Хороший у меня был друг Серега! Мы с ним долго переписывались, он жил уже в Курске, взял в жены женщину с двумя детьми - на фотографиях семья выглядела счастливо. Потом пропал, и все мои попытки найти его ни к чему не привели.

Из девушек запомнились немногие. Одна из них первой в классе стала превращаться в девушку. У другой были громадные черные глаза и была она очень красива и доверчива. На уроке географии ее спросили, какая растительность произрастает в Африке южнее Тропика Рака. Глазищи беспомощно шарят по классу и я, подлец, шепчу: «Зеленая». «Зеленая» облегченно отвечает девушка.

Привлекательной фигуркой обладала Жанна – жопа - абажур.

Частенько на уроках было тоскливо. Одним из развлечений было «натянуть глаза на жопу». Учебники печатались на не очень качественной бумаге. Надо было намусолить палец слюной, плотно прижать его к, скажем, глазу коровы из учебника зоологии, потом резко дернуть, опять помусолить и прижать к ее же заднице. И корова оказывалась с натянутым на эту часть тела глазом. Такие же фокусы можно было сделать и с изображениями великих ученых или писателей, и становились они трехглазыми или с четырьмя ушами. Правда, смешно – попробуйте.

Как-то от такой тоски я написал анонимную записку Клаве с предложением на перемене поцеловаться. Пустил по рядам, сделал безразличную физиономию, сижу, думаю: вот как будет смешно рассказать пацанам о своей отваге. А отвага была нужна – девушки выросли раньше, а Клава была к тому же девушкой крупной и славилась тем, что могла одним толчком бедра спихнуть сидящего с ней за одной партой мальчишку в проход. Но Клава не захотела падать в мои объятия и оказалась хитрее, чем я предполагал. Она отписала

«Давай» и пустила записку обратно по цепочке, внимательно следя за маршрутом. Нет бы мне сообразить и пустить записку дальше, но нет - развернул, прочел и понял, что мне капец – Клава смотрела на меня сквозь прицел. Незадолго до звонка я отпросился из класса, всю перемену скрывался, на следующий урок специально опоздал. Потом вообще поменял парту на стоящую ближе к двери. Так продолжалось несколько дней, в школу ходил как в тыл к врагу, перебежками да по за углами. Честно говоря, не помню, чем эта история завершилась, но не телесными повреждениями точно. Что-то я все о девушках, да о девушках. Хороший был возраст!

Был у нас мужчина. Он в каждом классе сидел по два года был, естественно был здоровей всех нас. Особо злобливым он не был, но, помню, подрался с учителем рисования. Очень любил «хохмить». На большой перемене развалится на последней парте, где он сидел один, и кличет: «Гохман! В учительскую с дневником!» Бедный Гохман подсаживается к нему и протягивает дневник. Мучитель ставит ему сразу пять двоек красными чернилами (и где он их брал?) и за каждую дает хорошего щелбана: «Будешь учить зоологию? Будешь учить алгебру?» и

дальше по списку. Потом требует дневник у Пилипенко и этими страшными красными чернилами пишет: «Безобразно вел себя на перемене, дрался с одноклассниками и покусал учителя труда! Родителям явиться к директору». Потом, конечно, все выяснялось, но первой реакцией родителей было – пороть. И ничего с этим парнем сделать нельзя было – обязательно надо закончить девять классов.

Попал как-то под раздачу и я, но с дневником решил расстаться. Недавно по телевизору показывали школу, где есть электронные дневники и родители могут посмотреть их по интернету. Мрак. Я же просто решил утопить его в надворной уборной. А он, гад, упал обложкой вверх и лежит, а там моя фамилия. Я, используя внутренние ресурсы, топил-топил, но не утопил. Пришлось звать друзей с их внутренними ресурсами.

Из остальных украинских городков, где мы жили мне очень понравился Нестеров. Сейчас он называется Жовква. Это небольшой городок недалеко от Львова был назван в честь русского летчика Нестерова, автора «мертвой петли» погибшего в этих местах. В городе было огромное по его размерам количество костелов. Уж на что мы были тогда атеистами,

но меня они притягивали. Конечно, все было в запустении, использовалось как склады или учреждения. Я недавно нашел сайт города и обомлел. Все отреставрировано, обихожено, просто город-музей как наша Суздаль.

Тогда еще мы заглянули в открытые двери самого большого храма и, увидев там людей, попросились посмотреть внутри. Помещение использовалось как склад для огромных рулонов бумаги. Нам разрешили. Мы побродили вокруг и обнаружили лестницу, ведущую куда-то наверх. Сначала широкая, она постепенно сужалась, потом превратилась в обычную лесенку, и мы оказались на маленькой площадке на самом верху купола. Вид вокруг был потрясающий, люди внизу как смешные букашки. Полюбовавшись окрестностями, мы спустились вниз и обнаружили, что нас заперли. Видно, решили, что мы ушли. Сначала это показалось забавным приключением. Мы облазили все закоулки, потом дули в трубы от органа, валявшиеся на полу рядом с ним. Но время шло и мы поняли, что дело приобретает плохой оборот. Стучать в двери было бесполезно по двум причинам: уж больно они были толсты и велики, а во вторых выходили во двор храма, обнесенный забором с тоже

закрытыми воротами. Когда люди могли опять прийти за этими громадными рулонами: сегодня, завтра? Судя по размерам, бумаги одного рулона должно было хватить для нашего городка на неделю. Решили лезть наверх и призывать оттуда помощь. С трудом залезли во второй раз, стали орать. Орем, орем, это вам не Москва, на улицах прохожих мало. Видим, что некоторые слышат наши крики, головами вертят, но понять где мы не могу. В голову, наверное, не приходит, что мы наверху купола храма, да и окошки маленькие. Так мы проорали с час, осипли и поняли, что нам капец. Покурили, стали думать, как быть. Уже вечерело, хотелось пить, и надо было что-то срочно придумать. Спустились вниз, хотели сделать что-то наподобие факелов и дымом привлечь внимание к костелу. Но окон внизу не было – только витражи высоко вверху и к ним не подобраться. Да жечь огонь среди бумаги было страшновато. Решили вот что. Сняли с себя рубахи, привязали их к палкам, благо мусора было навалом, и набрали в карманы как можно больше всяких железяк. В третий раз поднимались уже с огромным трудом, но жить хотелось. Опять стали орать, махать тряпками и швырять вниз железяки. И удалось – нас

заметили, стали махать руками в ответ, но впечатление было такое, что нас просто приветствуют. Уже не помню, сколько продолжалось это представление, но внизу наконец сообразили, что к чему. Пока нашли хозяев склада, а рабочее время уже закончилось, прошло еще часа два. Господь взыщет.

Последним местечком, где мы жили на Украине, был городишко под названием Хыров. Воинская часть занимала бывший монастырь иезуитов, в городке даже не было школы со старшими классами и мы с приятелем всю неделю учились в Самборе километров за сорок, а на выходные приезжали к родителям. Самбор – это вотчина Мнишек, одна из которых Марина было женой Лжедмитрия первого, а потом и второго. Самбор запомнился двумя вещами. Мы с Юрой снимали комнату у одинокой женщины, полячки. Юрка часто приглашал друзей играть в преферанс и они мешали спать своими картежными репликами. С тех пор я не люблю карты. Единственное блюдо, которое можно было есть в столовых, была поджарка. С тех пор люблю поджарку с пюре.

А с картами произошла такая история. Мы с Юркой ездили в Карпаты кататься на лыжах, но не очень удачно. Что так случится, я понял в первый день, когда мы приехали на базу. Время было к обеду и первый встретившийся нам человек спросил осипшим голосом: «Мужики, какое сегодня число?». Был он небрит, опухши и, судя по полотенцу через плечо, шел в умывальник после крепкого сна. Поселили нас в номер со здоровенным хохлом, который был здесь не в первый раз и обычаи знал. Звали его Петро. Он посоветовал поставить инструкторам с тем, что бы получить не деревянные, обитые железом лыжи, а пластиковые и соответствующие ботинки. Мы поставили, и инструкторы с Петро провалились в трехдневный запой. Но лыжи мы получили. Через три дня пошли кататься. К подъемнику надо было минут пятнадцать тащиться в гору. Когда дотащились, оказалось, что Юрка потерял какую-то важную пружину от креплений. И прочая чехарда. А Петро прославился тем, что гонял с гор на беговых лыжах по прямой с ужасной скоростью, сотрясая полонины матом и потрясая девушек отвагой. Был он заядлый картежник, прославленный на весь поселок. И вот сидим мы с Юркой в холле, ждем автобус на

Киев. Подсел Петро, другие ребята подошли попрощаться. Петро и предложил скоротать время и перекинуться в дурака. Я с неохотой согласился, московский интеллигент, по мнению отдыхающих. И вот партия подходит к концу, подходит и автобус, и надо же такому случиться: мы оставляем Петро в дураках с двумя шестерками на погоны. Немая сцена. Петро окаменел, мы подбираем вещи и уходим. Так что, если в Карпатах вам будут рассказывать легенду о двух карточных монстрах – это о нас. Семьи военнослужащих в Хырове жили в небольших двухэтажных домах, окнами смотревшими на близкие отроги Карпат. Прямо рядом с домами был каскад из четырех прудов. В самом верхнем водились огромные карпы. Их кормили отходами с солдатской кухни и они не клевали. В остальных были карпы поменьше и много другой прудовой рыбы, так что рыбалка была под самыми окнами. Самый нижний пруд был приспособлен для купания - в глубину пруда вели деревянные мостки с площадками для загорания. Помню, лежишь на мостике, готовишься к выпускным, тишина, жара. Стало припекать, просто перекатываешься с живота на бок и – плюх в прохладную воду. На склонах невысоких гор, поросших громадными

голубыми елями, росла земляника в таких количествах, что мы не ходили ее собирать, пока из окна дома не было видно, что поляны покраснели.

www.zviahel.ucoz.ru

Москва

Перед окончанием мною школы отца внезапно вызвали в Киев. Дня через два он позвонил и сказал маме, что бы она собиралась переезжать в столицу нашей Родины. Как оказалось, в Киев приехал крупный начальник из Москвы по линии кадров с целью подбора офицеров для службы в Генеральном штабе. Полковником из Москвы оказался Валька – однополчанином отца и дяди Саши еще по войне. Он случайно встретился с дядей Сашей в штабе округа и тот за рюмкой и напомнил об отце: карьера строевого офицера, Академия, чем не кандидат. Вызвали срочно в Киев, все сразу и порешили. Плюсом было еще и то, что в Москве жила папина мама и у кадровиков не было проблем с нашим жильем. Зато она появилась у нас: это была двухкомнатная квартира с кухней метров пять, одна комната имела метров четырнадцать, вторая – восемь. В маленькой комнате спали мы с бабушкой, в «большой» папа с мамой на диване, а сестра Ириша – на составленных креслах. Пройти было нельзя, да и две хозяйки на такой кухне не могли не только ужиться, но и поместиться.

Я после школы решил поступать не в Москве сразу, а попробовать сначала в Киеве. Особых пристрастий не было. Как и многие в то время, не очень сильно, но увлекался сборкой маленьких радиоприемников - мыльниц. Называли их так потому, что всю начинку запихивали в пластмассовую мыльницу. В Киеве мне посоветовали Политехнический, там было много факультетов, связанных с радио. Кто знает, КПИ расположен в парке и на аллеях были указатели с названием приемных комиссий. Мне почему-то понравилось название факультета акустики, и я сдал документы туда. Конечно, после вотчин рода Мнишек и купания в прикарпатских прудах я с треском провалился. Это была уже вторая попытка поступить учиться в Киеве. Первую я сделал после восьмого класса – решил стать геологом. Была такая песня: «Мы геологи вместе с тобою» ... и дальше про тайгу. Сдал документы, но в день первого экзамена пошел дождь, и я решил не ходить. Приехал в Москву, надо как-то устраиваться. Был я, конечно, провинциал. Меня ставила в тупик раскрепощенность москвичей: ребята в метро нисколько не стесняясь, прилюдно обсуждали своих друзей, подруг. У нас бы они

поплатились бы за такое буквально на следующий день, ведь все знали всех. Было впечатление, что им абсолютно наплевать на мнение окружающих и никому в голову не приходила мысль, что о них подумают люди. Тогда в моде были брюки клеш без ширинки. И у меня такие были, но сразу было видно, что мои – самошрок, а у них – фирма. Это был чужой мир, в который надо было вживаться. Но я был в этом смысле пластичным: опыт смен школ не пропал даром.

В Москве меня обуяло желание ходить в белой рубашке: во-первых, не так много людей в таких рубашках и галстуках я видел в прошлой жизни, сам никогда не носил, а тут – каждый второй такой красавец. Подумал, что надо искать и работу, подходящую под это желание. Недалеко от дома был радиозавод, и все сошлось: и белая рубашка и радио. Пришел в отдел кадров и все выложил как на духу. Кадровик выслушал, пожал плечами и предложил работу в литейке, гад. Бреду домой и на дверях своего подъезда вижу объявление о наборе в ПТУ на профессию радиомонтажник. Отучился год, и меня направили в секретный ящик. И все сбылось: на работе белый халат и

белые брюки, ходить тоже могу в белой рубашке. Мне и работа нравилась. Завод был очень секретным. По моему пропуску, например, можно было войти только на территорию, свой этаж, в столовую и в райком – профком, и все. Сам завод занимал громадную территорию, а главный корпус сталинской архитектуры даже мне, далекому от искусства человеку, очень нравился. Не знаю, выдам ли я какие - то государственные тайны, хотя вряд ли – и ящика уже нет, сейчас там магазины, торговые центры, да и времени прошло немало. А нам запрещали даже обсуждать работу вблизи завода – иностранные разведчики тесались рядом с проходными после смены, выведывая тайны у простодушно болтающих между собой рабочих. Я помню довольно смешной, как кажется сегодня, случай. Мы частенько выходили пообедать за территорию. Недалеко был магазин «Океан» с буфетом, где давали бутерброды с рыбой и кофе с молоком. Стоим, едим, подходит мужик и таинственным шепотом спрашивает, не нужны ли нам консервы с тунцом. Мы опешили: уж сильно это смахивало на пароль со славянским шкафом. Вовка таким же шепотом ответил, что с тунцом не надо, а вот бы с

сайрой. Мужик отвалил, а мы гадали, не стоит ли доложить куда надо.

Никто толком не знал, что мы делаем на заводе, догадывались, что работаем на оборону или космос, или и на то и на другое вместе. Тайна чуть приоткрылась, когда одну из близлежащих улиц назвали именем одного из конструкторов космической техники.

Я работал на этаже, где делали «пауки». «Паук» - это очень сложный по конфигурации электрический кабель со множеством разветвлений, призванный соединять между собой «полки» - блоки электронной аппаратуры, которые вставлялись в секции «шкафа». Размер «шкафа» - как у шкафа платяного. Его назначения мы не знали, да и не интересовались.

Этаж представлял собой огромного размера помещение, где сначала за длинными столами трудились мы, радиомонтажники, потом дальше была «лаборатория» с инженерами, и совсем в глубине работали слесари- сборщики. Весь цех состоял из восьми, уж точно не помню, этажей начальником цеха был ни много, ни мало академик. При входе на этаж была раздевалка, где мы переодевались в белые штаны и халаты, одевали тапочки. Проход в

рабочую зону был через длинный коридор, где в стенах работали пылесосные установки.

Сборка «паука» была работой скрупулезной, длительной требовала знаний многих технологических приемов. Вот вкратце как это делалось. В изготовлении участвовало не менее двух человек. Сначала мастер выдавал чертежи и по количеству паек и применяя разные коэффициенты определял стоимость работ. Потом мы получали на складе по спецификациям разного сорта и длины бухты проводов, разъемы, кембрики разного диаметра и длины, нитки, воск, платы, припой, подручные материалы вплоть до фанеры. В самом начале цеха стоял длинный, метров двадцать стол, покрытый линолеумом. В столе были отверстия, в которые вставлялись специальные штыри. Изготовление паука начиналось с размотки. Если все свести к минимуму, то представьте, что надо разложить паука, соединяющего проводами двадцать «полок», на каждой полке по десять разъемов, в каждом из которых по пятьдесят контактов. Итого: $20 \times 10 \times 50 = 10000$ паек. При этом коммуникация очень сложная, от одного разъема провода могут идти на десять других и так ото всех. Дальше описывать технологию не

буду, но это была действительно интересная и творческая работа. Паук новой серии паялся дней двадцать, это была новая и трудная работа, требовавшая изготовления новой оснастки, даже выработки новых приемов работы. Но это была и самая «наваристая» работа. Давалась она, в основном, ветеранам Вальке и Володе. Это были воистину виртуозы своего дела. Следующие изделия той - же серии были уже дешевле. Но если Валька выбрал тебя в напарник, считай, что 300р. тебе обеспечено. Мы даже могли себе позволить по прихоти ходить в ресторан, а это рублей по десять на человека. Очень вкусные «цыплята табака» подавались а «Огнях Москвы». Так называлось кафе на последнем этаже гостиницы «Москва». Но и дурного шика не было. Помню, Колька резал, резал цыпленка, да он у него и улетел под стол. Колька залез под него, попросил у меня передать ему пива, обмыл им ципу и выложил опять на тарелку. И как интеллигент продолжал есть ее ножом и вилкой.

Каждая пайка проверялась сотрудницами ОТК и замазывалась ими зеленкой. Более опытные имели право делать это сами. Потом весь паук прозванивался, т.е. проверялась правильность коммутации этих десяти тысяч паек, и паук

уходил в лабораторию на еще какие-то испытания. Потом была военная приемка, но мы этого не видели.

Очень напряженные отношения были со слесарями. Нам выдавали спирт для чистки паек. Наливали его в специальные встроенные в подставку для паяльника стаканчики, поэтому вылить спирт было невозможно. Но у каждого слесаря в кармане халата была маленькая клизма и, улучшив момент, они моментально высасывали спирт, который и нам был нужен.

Брак при такой системе контроля практически исключался. Но я раз попал – брак нашли военные приемщики. Меня вызвали к Академику. Громадный кабинет с длиннющим столом для совещаний. Вдали, у самого окна во всю стену – стол, за ним Академик. Иду метров тридцать, остановился. Начальник цеха, не вставая из-за стола, спокойным голосом сказал, что вот так и так, военные нашли брак в изделии. Это плохо для цеха, завода и лично для него – академика. Что он тоже был молодым и тоже ошибался. В общем, пожурил меня по отечески и отпустил. Я ожидал разноса, а тут все не так и страшно. Я пообещал, что такого больше не повторится. Думаю, что ситуацию смягчило то, что меня несколько раз

объявляли лучшим молодым радиомонтажником цеха, и он об этом знал. Пошел я, понурясь, к выходу из кабинета. Перед самой дверью лежала обычная половая серая тряпка, и я машинально вытер об нее ноги. До сих пор не понимаю, почему это вызвало у Академика такую бурную реакцию: он вдруг закричал мне в спину: «Не только лучшим молодым, но и худшим старым радиомонтажником тебе не быть!». Правда, все осталось без последствий, слишком маленьким винтиком в этой огромной машине я был. ПТУ я закончил с отличием, у меня были привилегии при поступлении в институт, а в КБ был свой завод – ВТУЗ от МАИ. Летом я туда поступил, а осенью отменили отсрочку от армии, куда я и пошел.

Армия

В армию меня забирали несколько раз: то что-то менялось в военкомате, то отец вмешивался – семья собиралась в командировку в Монголию и он хотел, что бы мы разъехались одновременно. Наконец, забрали. Ехали недолго, в район Ногинска. Приехали вечером, пока знакомство, выдача обмундирования и сразу спать. Мне досталась верхняя койка, подо мной – сержант. Чуть позже мы узнали, что попали в школу сержантов и нам повезло. Во - первых через пол - года ты уже командир, а во - вторых, у нас не было дедовщины так, как все сержанты прошлого выпуска уже разъехались в войска, с нами остались лишь замы командиров взводов. Правда, были другие заморочки, но о них позже.

Но дрючить нас стали уже в первую ночь – объявили тревогу. Я как сын военного, кое-что знал из армейской жизни. Живо спрыгнул, сразу в штаны, повязал портянки, сунул ноги в сапоги, на ходу гимнастерка, и на выход. Выскочил одним из первых. Стоим, вторая половина ноября, холодно. Стоим пять минут, десять. Наконец, на крыльцо выходит не торопясь

сержант и на весь плац как заорет: «Какая сука одела мои сапоги?». И я с ужасом узнаю сержанта с моей нижней койки. «А ну попрыгать!», все подпрыгивают, и я слышу, что только мои каблуки звенят об асфальт. Нам подковки на сапоги еще не подбивали. Вышел из строя, извинился. Надо сказать, командиров в армии я не боялся – всю жизнь в войсках и навидался этих сержантов и офицеров сполна. Мой сержант попытался что-то сказать по поводу салабонов, на что я громко заявил, что такие салабоны вскакивают в сапоги по тревоге быстрее некоторых сержантов. Больше он ко мне не приставал.

Из этих первых месяцев службы хорошо помню чувство постоянного голода и ощущение строя. Зима, идем из бани, а это километров семь, легкий морозец, под ногами похрустывает. Если попали в шаг, а это человек пятьдесят, все: можно на ходу дремать и идти хоть сто километров, строй – как организм, в котором ты клеточка. Учили нас на командира взвода связи: даже если нет занятий по азбуке Морзе, она все равно звучала с утра и до вечера по громкоговорителям. Мало кто знает, что радист узнает буквы азбуки Морзе не по количеству точек и тире, а по напеву: например буква К

(тире точка тире) имеет напев Как Дела, тройка – Три Депутата и т.д. У меня командиром роты был молодой статный капитан из десантников. У него было кредо: трудности формируют коллектив. Если кто – то что-то нарушил, к дисциплинарным мерам не прибегал. Просто выводил роту на стадион, строил в две шеренги, командовал «Ложись! Рубеж – футбольные ворота! Ползком – марш!», А до ворот сто метров по снегу глубиной в метр. Очень хорошо все знали топографию. Ночью рота поднимается по тревоге и бегом в лес. Бежим минут сорок: «Рота, стой! Курсант Петров, определите по звездам направление на городок. Сколько километров?». Петров недоуменно вертит башкой, пожимает плечами и неуверенно: «Туда, четыре километра» - «Курсант Петров - вперед строя. Рота, бегом марш!». Бежим четыре километра – ничего. Вызывается следующий, потом еще один и так могло продолжаться до утра. Каждого последующего «командира» хотелось не просто убить, а предать мучительной казни. Стали учить топографию и через три таких ночи мы знали ее как настоящие десантники, хотя были связистами.

Окончил я курсы на отлично и имел право выбора места службы. Родители были в Монголии, в Москве – бабушка в малюсенькой квартире. Зато в Киеве – трехкомнатная квартира, где жила другая бабушка, дядька с семьей были в ГДР. Выбрал Киев.

А теперь о заморочках: армия переходила от трех лет службы на два года. В этот переходный период я и попал в Киев. Самых лучших бойцов уволили после двух с половиной лет, самые раздолбаи служили три года. А теперь представьте себе: сержант, командир взвода, отслужил всего шесть месяцев, а подчиненные бойцы у него уже сбиты в стаю этими переростками – дембелями. Они даже не вставали при приближении офицеров, уж только когда совсем вплотную подходили. Когда я приехал в Киев, часть была в лагерях. Лагерь – прекрасное место в сосновом лесу, все обустроено, чисто. Меня представили роте и пригласили сразу же на комсомольское собрание моего взвода. Повестка собрания: самовольная отлучка рядового Войтюка. Войтюк – плотно сбитый детина, кается, дает слово, что больше не будет, все его так легко, по-дружески корят. История такова: вокруг нашего лагеря расположены другие лагеря, но пионерские,

студенческие и пр. Вот туда солдатики и бегают в гости к пионервожатым и студенткам. Свое от воинского начальства Войтюк уже получил, получил и здесь выговор. У меня на душе полегчало - коллектив хороший, служить будем тоже хорошо. Вечернее построение и отбой. Перекурили и по палаткам. Мои что-то задерживаются, потом потихоньку рассаживаются по нарам, но не раздеваются. Попахивает водочкой. Я решил, что сразу, да еще на ночь глядя мер принимать не буду – надо оглядеться, с отцами – командирами посоветоваться. С тем и засыпаю. И вдруг со всех сторон в ночи грянула музыка, это в гражданских лагерях начались танцы. Просыпаюсь и вижу, что в палатке – никого. Вообще пусто. Решил бдить. К утру все вернулись кроме одного – Войтюка. Подъем, зарядка. Взвод добегают до первых кустов и там без команды садится, закуривает. Тут меня повело. Заставил все-таки бежать дальше. Потом, помня кредо своего командира – десантника предложил сплачивать коллектив трудностями: в самоволку за одну ночь может уходит только два человека, расписание установите сами. Не вернулись к подъему – докладываю дежурному по части, тут и до

трибунала недалеко. Бегаем не по лесу, а по лагерю и мне плевать, что кто-то шляется всю ночь и устал. Дембеля, а это в основном ефрейторы и младшие сержанты, вижу, недовольны. Каждому из них персонально довожу до сведения: я свою жопу за вас подставлять не стану, если что, вы лично будете отвечать за своих бойцов по полной программе. Часам к десяти появляется и Войтюк, причем под конвоем пионервожатых. Оказалось, что в этом лагере стали пропадать вещи и первыми, на кого подумали, были солдатики. Все знали, в каком месте они лазили через забор и вырыли там яму, прикрыв ее ветками. В эту яму Войтюк и угодил. С тех пор его прозвали Слоном. Опять комсомольское собрание, клятвы, раскаяние. От начальства – пять суток губы. Губа была его домом родным. Довольно часто в лагере по ночам объявляли тревогу – взывала сирена, но все знали, что это тревога учебная, строились на главной линейке не спеша и даже самовольщики могли прибежать вовремя. Наконец, построились, начинается перекличка. Опять нет Слона. Полк стоит под фонарями и вдруг из темноты вдоль строя, как генерал, идет Слон. Он в полной выкладке: шинель – скатка, вещмешок с котелком. Хорошо, что без

оружия, он из-за этого и задержался, требуя вскрыть оружейку, но безуспешно. Свежо пахнет изнутри одеколоном «Кармен». А весь полк – просто в гимнастерках, все равно потом спать. Слон же собрался на войну. Командира полка начинает бить дрожь, он молча вскидывает руку в сторону губы, Слон кивает головой, неуклюже разворачивается и скрывается в темноте. Его пускали на губу без всяких письменных распоряжений начальства. Вообще, Слон оказался очень свободолюбивым созданием. Из лагерей увольнение запрещены, но он умудрился уговорить командира роты отпустить его с товарищем на один день в Киев на свадьбу сестры. Конечно, никакой увольнительной, все на свой страх и риск. Проходит день, второй, бойцов нет и нет. У командира роты смелости доложить по команде о пропаже солдат не хватает. Вызывает меня и еще одного сержанта и дает распоряжение ехать в Киев искать пропавших. Я сказал, что если бы солдаты отпросились у меня, я бы так и сделал. Но отпустил их он, поэтому пусть выписывает увольнительные нам. Естественно у офицеров всегда были незаполненные увольнительные, даже у меня были, но это мои. Поскрипел, поскрипел он

зубами, да и выписал. Надо сказать, что офицер он был не то, чтобы плохой, а поганый. Капитан в лет сорок, неуклонно спивающийся, какой-то суетливый, глазки заплывшие, бегают.

Поехали мы в Киев, там переоделись в гражданку – я писал, что в Киеве была трехкомнатная квартира. Вообще я имел возможность, когда часть стояла в городе, уходит в увольнение на два дня, а получал бешенные деньги – 38 рублей. На них можно было погулять. Переоделись, поехали в часть, там говорят, да, были два дня назад, привозили водку в честь свадьбы сестры. Адрес родителей мы знали, поехали туда. В квартире кроме старенькой бабушки никого не оказалось. Бабушка сказала, что вся свадьба уехала на Полтавщину к родителям жены. Туда мы решили не ехать, а провести пару дней в свое удовольствие. Так и сделали. Через три дня возвращаемся в лагерь, Слона нет. Доложили ротному, что его следы теряются на Полтавщине. Решили докладывать комполка. Идем к штабу, а из леса навстречу пьяный Слон. Ротный хотел навешать ему, я еле его удержал: к самоволке, пьянке да еще и рукоприкладство. Точно кого-нибудь да посадили бы. Увел Слона в палатку, ротный пошел расслабиться. Военная

многоместная палатка сделана из плотного брезента и на день ее края поднимались для проветривания, иначе за день она так нагревалась, что ночью внутри жара была как в бане. А так как при приподнятых краях Слона было видно лежащим на нарах, что категорически запрещено, края пришлось опустить. И вот через час появляется расслабившийся комроты и лезет в палатку разбираться со Слоном. Минуты через две из палатки раздается мат-перемат, оттуда пулей вылетает капитан, за ним в трусах и сапогах Слон. Его, видать, от жары развезло еще больше, и он не сдержался. В руках у него была какая-то железная палка как копье и он это копье метал в капитана. Чудом не покалечил. Капитан убежал в лес, мы скрутили Слона и уложили на пол палатки, а края подняли. Все дело кончилось ничем: никто никому ничего не доложил, хотя слухи ходили. Никому не хотелось неприятностей.

В этих лагерях в меня стреляли. Я ходил начальником караула и должен был разводить караул. Это довольно сложная процедура. Режим солдат в карауле это два часа на посту, два на сон и два – дежурство в караулке, потом все по новой. Но это в теории. Посты находятся

далеко друг от друга. Было положено, что я веду новую смену, а это человек десять по постам, подвожу всю колонну к посту, часовой спрашивает пароль, я отвечаю, потом приказываю старому часовому сдать пост, новому – пост принять, осматриваем печати и оборудование поста, новый часовой пост принимает, старый становится в строй и так по всем постам. На такую процедуру уходит минут пять, постов – десять. То есть первый часовой теряет больше часа сна из двух положенных: прибавьте еще путь между постами, да после развода надо еще разрядить оружие. А можно сделать проще. Веду развод по маршруту примерно равноудаленному от всех постов, часовые сами идут на пост, там ничего не проверяется, старый часовой самостоятельно бежит в караулку. Все довольны. А можно вообще распустить смену – пусть сами бегут на свои посты, а смененные – в караулку. Но это уже край, если поймают, будут крупные неприятности.

Вот веду ночью смену по лесу, очередной караульный убегает в темноту на смену и, вдруг слышим издали: «Пароль!», в ответ: «Да я тебя, салобон, порву, иди спать!», «Стой, стрелять буду!» и так уверенно, пальнет, думаю.

Оказалось, что на посту стоял новенький и поэтому действовал он строго по Уставу караульной службы. Ору, чтобы замерли и со сменой бежим к посту. Часовой спрашивает пароль, я отвечаю. Но он уже так напуган, что требует осветить лицо, есть и такое в уставе. А фонаря у меня, естественно, нет. Тут уже все начинают укорять парня. А он – бах предупредительный в воздух, а второй – в нашу сторону. Хорошо, что лес, пуля попала в дерево. Тут уже мы молча повалились на землю. Пришлось мне ползком подалее, бегом за фонарем, потом лицо осветил, пароль сказал, все как положено. Ребят попросил его не трогать, но с тех пор он оказывался на первом посту и терял тот самый час сна пока не поумнел и не стал рысью сам бегать на пост. Вообще походы в наряд – это отдельная история. Будучи курсантом, я прошел все виды нарядов, а как сержант, естественно, уже как начальник – руководил. Самым изнуряющим, но в то же время полезным был наряд на кухню. Шесть вечера, развод – это когда все идущие в наряд выстраиваются на плацу, дежурный по части проверяет внешний вид, обмундирование и пр. Внешний вид важен, скажем, для караульных у

Знамени полка, на проходной. Экипировка – для караульных в зимнее время: тулупы, валенки, теплое белье. А вот зачем идущим на кухню иметь чистый подворотничек, я так и не понял – сразу после развода они возвращались в роту и старшина выдавал им старое обмундирование. Начинается наряд на кухне с чистки картошки. Сколько надо начистить картошки на тысячу человек? В килограммах это военная тайна, а по времени – часа четыре для пяти-шести человек. Почистили, потом надо расставить тарелки на столы. Сколько тарелок? Правильно, тысячу. Сколько кружек для чая – тысячу, сколько ложек – правильно, тысячу. Повара уже наварили что надо, дежурный по части и врач снимают пробу – и понеслось! В зале рассаживается первая смена по десять за столом. Потом вторая, потом третья. Всего надо разнести сто бачков с пищей, а если обед – двести. А каждый бачек весит килограмм по десять. Да сто чайников, да тысячу кусочков масла, да три тысячи кусков хлеба. Наконец все поели, попили и все в обратном порядке сотнями и тысячами. Перекур пол - часа. И тут начинается главное действие – мытье посуды, котлов, поддонов, ложек, кружек и, наконец, полов и столов. Каждая тарелка моется в трех

ваннах: с жидким мылом, ополаскивание и кипяток. Длится это вакханалия часов до двух ночи. Потом наступает праздник. В отдельный бачок были собраны припасенные кусочки рыбы лучше слегка пригоревшие к поддонам – так вкуснее. Жарится отборная, не замороженная картошка. Масла сливочного – больше раза в три по сравнению с нормой. Достается бутылка водки и пир начинается. Поначалу, пока желудок не привык к комбижиру, он отказывал, но потом все вошло в норму. Идем спать в казарму. Пройдешься метров сто по морозному воздуху, выкуришь сигаретку, и спать. Вы знаете, как пахнет после морозца в помещении, где в два яруса спит сто молодых мужчин, которых раз в неделю водят в баню и тогда же меняют портянки и кормят их кашей на комбижире? Но сытый желудок делает свое, засыпаешь, и снятся тебе тарелки, тарелки, тарелки. Тарелки, тарелки, тарелки. С утра все то же самое еще два раза.

Служа в Киеве, попал я в наряд в гарнизонную прокуратуру. Наряд ночной – надо стоять в определенном месте в коридоре и бдеть. Здание вымерло, бдю. Нас предупреждали, что с прокуратурой шутки плохи, если проверяющие застанут спящим, то из

Прокуратуры – сразу в штрафбат. Тишина, тепло, спать хочется и боязно. Сажусь на табуретку, штык-нож ставлю на колени острием вверх под подбородок. Если начинаешь засыпать, голова клонится и шея натывается на штык. Просыпаешься, голова вздергивается и так всю ночь.

Лучший наряд - это на КПП. Делать ничего не надо, спи как договоришься с напарником. Когда я служил уже под Красноярском, во время наряда на КПП произошел такой случай. Дорогу от КПП можно было наблюдать на километр, вела она только в нашу часть. Если была видна военная машина, но не наша, надо было звонить дежурному по части – могли ехать проверяющие. Сижу, наблюдаю, подъезжает такси. Из такси выходит девушка и спрашивает рядового Попова. Я посылаю напарника на поиски рядового. Тот приходит довольно быстро, пытается поцеловать девушку, но та изворачивается, достает из салона сверток, отдает Попову, сама садится в машину и такси уезжает. В свертке младенец. Немая сцена.

Там же был я как-то в наряде заместителем дежурного по части. После развода дежурный офицер повертелся по штабу и ушел домой.

Прошел час, появился пьяный в стельку дежурный. Пospал на топчане и опять сгинул. Утром нет его и нет. Тут все стали волноваться, была суббота, начинались увольнения, а все списки хранятся в сейфе дежурного. Там же и инструкции на случай войны. А дежурного нет. Искали его дома, послали в ближайшее село – нет. Командир полка, начштаба вне себя. И вдруг мне докладывает истопник, что видел дежурного в кочегарке. Бросаемся туда, и вот он, голубчик, лежит в золе, весь расхристанный, хорошо, что ключи и пистолет не потерял. Вся часть от начальства до рядовых радуется: начальство - офицер не пропал, нашелся, рядовые – гори он огнем ясным, но нашлись увольнительные.

Сама эта часть была своего рода ссылкой для Гражданской обороны. Расположена в тайге, километрах в сорока на север от Красноярска. Дальше и хуже уже ничего не было. А попал я туда вот как.

Мой киевский командир роты опустил донельзя и, кроме того, офицеры – командиры взводов, видя его полную неспособность руководить подчиненными, стали наглеть. В роте было четыре взвода и везде командирами были офицеры, кроме меня. И они решили все

переложить на сержанта: ты старший по званию в казарме, ты за людей, когда нас нет, и отвечаешь. А бывать в казарме они стали все меньше и меньше. Достали, ведь из сотни человек всегда найдутся несогласные с уставами. Жаловаться я не любил всю жизнь, но на их проблемы решил забыть, а последние из-за такого командирства все множились. В самоволку, когда стояли в городе, уходили взводами. И кому пришло в голову расположить часть почти в центре Киева, да еще и призывать туда киевлян? Да тут ни один боец не выдержит, а тем более без окорота. В общем, обстановочка была еще та. Однажды утром чищу зубы, как и все – по форме №2, с обнаженным торсом. И вдруг чувствую, как меня кто-то сзади хватает за брючный ремень и дергает прочь от соска. Позволить себе такое по отношению к сержанту мог только полный мудака или отморозок, и спуску здесь давать нельзя. Как меня тянули назад с силой, мне только и надо было развернуться и по тому же ходу врезать наглецу по морде. Что я и сделал. Мудаком и отморозком оказался мой командир роты. Видно очень хотел к крану водицы испить с похмелья, вот и дернул первого попавшегося. Но жаловаться он на

меня напрямую не стал – слишком много свидетелей было. Только однажды встречает меня начальник штаба и так, с издевочкой, спрашивает, не хочу ли я побывать дома в Москве. Хочу. Вот и побываешь по пути в Сибирь. А моя гнида испугался и ушел в отпуск. Но поездка в Сибирь началась отлично. Писарь из штаба поставил мне в аттестате количество дней на дорогу на три больше положенного. Уже не помню, но получилось дней восемь. А так, как при моем денежном довольствии я мог вместо поезда купить билет на самолет, все это время я весело провел в Москве. Но пора было и к новому месту службы. Прилетаю в Красноярск, иду в комендатуру узнать, как дальше добираться до части. Смотрят на меня комендантские как-то странно: вроде нормальный сержант, а такую часть спрашивает. Поехал на разбитом автобусе, зима, темно. Ехать надо было до такой-то остановки, а дальше пешком. Вышел один. Стою. Ночь, мороз, ни огонька, ни людей, ни указателей, вокруг тайга. Решил ехать назад. Но даже машин нет. Потом едет одна, но от Красноярска. Вот водитель и подвез меня километра два до поворота в часть. А там еще километров пять по тайге. В общем, пришел в

часть, доложилась полупьяному дежурному, тот отправил в казарму спать. Утром просыпаюсь, вокруг как-то все уныло, солдаты унылые, расхристанные, офицеры не знают, что со мной делать – дня три выясняли. Ссылка и есть ссылка. Кормили сушеной картошкой и вареным салом. И это после Киева, где был свой сад и огород, свежая свининка. Здесь тоже был свинарник, но только для офицеров. Температура ночью падала до сорока – пятидесяти. Спать можно было только в одном положении, если сдвинулся с нагретого места, надо время чтобы нагреть новое.

И как-то серо все, уныло и тошно. Так как я был связистом и знал несколько волшебных слов, то смог по военной связи дозвониться до отца в Монголию. Через некоторое время пришло распоряжение отправить меня в служебную командировку в эту дружественную страну. Сначала надо было доехать до Читы в штаб округа за заграничным удостоверением. Доехать то я доехал, но, не зная своей дальнейшей судьбы, оставил чемоданчик на вокзале в автоматической камере хранения. Целый день провел в штабе – пока документы, беседы, наставления, день и прошел. Поезд поздно вечером. Приезжаю на вокзал и там

понимаю, что забыл все: и где ячейка и шифр к ней – все. А вот и поезд. Я так без вещей, как сейчас самый крутой турист с золотой карточкой «American Express» в кармане, и поехал в Монголию. Приезжаю в Улан - Батор, темно, морозище. Вокруг куча народу в незнакомой форме, в разных формах, всем отдаю, как наставляли, честь. Потом мне сказали, что я отдавал честь и почтальонам. К счастью увидел нашего офицера, он подсказал где комендатура, там посадили в кузов грузовика, идущего в наш штаб, пока доехал, отморозил уши. Провел с семьей две недели, ел бозы, ездил на рыбалку, охоту на архара. Но пора и честь знать. Посадили меня на военный транспортный самолет. Летит высоко, я в грузовом отсеке, минус пятьдесят. Да еще вдруг рядом как пшикнет холодом прямо в лицо – кислород впрыскивают. Околел совсем. Приземлились, меня встречали, отогревали по сибирской традиции, посадили в поезд и очнулся я уже в Красноярске. Там начальство стало приветствовать меня первыми.

Пошла служба дальше. В караул бойцы ходили в тулупах и валенках. В первый раз я даже испугался: иду ночью на пост, а рядом с охраняемым складом в свете прожектора сидит

чудище и над ним прямым столбом в небо поднимается дым. Оказалось, что умельцы сделали отвод с розеткой. Часовой садился на специальный стульчак, под стульчаком – электроплитка, тулуп достает до земли, воротник поднят, шапка завязана на подбородке. Подходишь к часовому, а он потный, и пар вверх идет. Конечно, службу он нести не мог, но и то правда, что мало дураков найдется переться в тайгу в пятидесятиградусный мороз чтобы украсть мороженую картошку.

Если в Киеве я командовал взводом радиостанций малой мощности, это на легковых газиках, то в Красноярске – средней дальности, на Уралах. Две из них стояли на постоянном боевом дежурстве, обеспечивая радиосвязь с Округом. Дежурили на станциях сменные экипажи. Была какая-то чехарда в должностях. Я был командиром взвода, но роты связи не было, и я подчинялся непосредственно начальнику связи полка. За людей и остальные станции отвечал вроде я, а за дежурные станции и дежурные экипажи – начальник связи. Так вот, о боеспособности этой части можно было судить по огромной груде вытаявших весной из окружавших станции

сугробов пузырьков от одеколона и водочных бутылок. Одеколон пили бойцы, водку - офицеры. В станции тепло, вот офицеры, с разрешения начальника связи и заскакивали как в буфет распить по быстрому. Одеколон пили все, а эвенк - сапожник пил даже разведенный сапожный крем. Служил такой младший лейтенант Шпилька. У него были имя и фамилия, но все, включая комполка, звали его Шпилькой и он не обижался и на дуэль не вызывал. Начальник штаба, встретив солдата на плацу, спрашивал, как его зовут. «Странно, что я тебя не знаю. Значит ты не раздолбай, я их всех знаю. А ты, видать, хороший солдат и даю я тебе отпуск домой». В теплом боксе гаража всю зиму жили две женщины, их кормили и использовали.

Я как - то вел занятия с бойцами. Сибирь, 4 часа дня, градусов минус 20 снаружи, темно. Что - то им говорю, а перед глазами стоит улица Горького, тоже темно, но тепло и я иду под накрапывающим дождичком в белом плаще, в асфальте отражаются рекламы - в то время совершенно куцые. Плащ мне передала моя тетушка из ГДР. И вдруг осознаю, что вместо военных дел я говорю бойцам, то, что я представил. И начинаю рассказывать, что такое

улица Горького, какие есть там кафе, какие девушки.

Если двигаться снизу от Площади Революции вверх по правой стороне улицы Горького, то первым по движению было кафе «Космос». Кто - то в советском общепите решил, что в этом кафе, как в кино про Таллинн, должны подавать только коктейли. И все. Избранным втихаря давали горшочки с мясным рагу. Мы там ели. Можно даже было угостить девушек.

Дальше по правой стороне кафе не было, были дорогие рестораны Армения и Арагви, но это не про нас.

Сторона Горького от Белорусской в центр была демократичнее.

Сразу после площади Белорусского вокзала был ресторан «Якорь». Он был при маленькой гостинице Академии наук СССР. Там можно было на десять рублей с человека поесть рыбную солянку-суп, рыбу по-варшавски: большой кусок рыбы, обложенный картошкой и запеченный в духовке, выпить на двоих.

Если идти дальше к центру по этой же стороне, больше ничего особенного не было. Было кафе «Молодежное», но оно считалось недоступным простым нам.

Ближе к площади Маяковского были две маленькие забегаловки. В одной из них подавали пельмени в горшочках. Очень вкусные пельмени в соку. Но там к пельменям ничего не было. Чуть дальше была дверь, за которой скрывались автоматы по розливу коньяка. Надо было в первом заведении заказать пельмени и сразу сбегать в автомат. Так народ и бегал туда-сюда весь вечер. Вот, пожалуй, и все из общедоступных. Было еще кафе «Лира» о двух этажах, там снимали знаменитую сцену с пристававшей к Штирлицу дамой с лисьим манто, а потом открыли МакДональдс.

Наша компания оккупировала кафе на Старом Арбате. Там, почему-то разрешили нам разрисовывать стены и петь под гитару. Получился такой клуб по интересам.

А здесь - тайга сибирская, безысходная. И у меня защемило: все – таки я вернусь на улицу Горького, а бойцы - нет.

К счастью, через полгода меня вызвали опять в Ногинск учиться на младшего лейтенанта.

Там тоже были свои заморочки. В те времена ребята, окончившие институт, шли в армию на один год.

Естественно, нас, прослуживших уже полтора года, сержантов, назначали командирами над

ребятами после института. Опять конфликт – они имели высшее образование, а мы – только власть над ними. Особенно трудно было с кавказцами. Один из них, учитель по образованию, вообще не терпел навязанной ему армейской дисциплины. А у нас был один инструмент наказания за неповиновение – наряд на кухню. По уставам солдата нельзя назначать в следующий наряд раньше, чем через двадцать четыре часа после предыдущего. Но если снять его с наряда еще не закончившегося – то можно. А снять – делать нечего, есть тысяча причин. И я снимал и назначал его неделю. Он пожаловался командиру роты и тот в порядке реагирования сменил ему наряд на кухню на наряд дневальным. А быть дневальным тоже не сахар – надо стоять у тумбочки по два часа. Тумбочка – это действительно тумбочка, стоящая напротив входа в казарму. И у этой тумбочки стоит дневальный. В его обязанности входит стоять, кричать на всю казарму в случае прихода командира, что он пришел, объявлять отбой, за что его любили, и подъем или тревогу, за что его ненавидели. Дневальный после стояния у тумбочки и сна в, должен был: вымыть все полы в казарме, навести порядок в

туалете, подмести прилегающую территорию, гонять нерадивых сослуживцев и выполнять еще кучу других обязанностей. Дневальному выдавали штык - нож. И вот этот учитель уже после отбоя присел ко мне на краешек кровати, сказал, что этой ночью он меня зарежет и ушел. Я поднял верных сержантов, мы на него наскочили, отняли штык и связали. Утром я доложил по команде об угрозе и его в этот же день из части увезли.

А были и хорошие ребята. Армянина Армена я после утренней поверки несколько раз отправлял бриться. Он терпел, терпел, потом не выдержал и взорвался, мол, я уже брился, брился с утра! Проверил, он действительно после подъема брился, но к построению становился сизым. Мне стало его даже жалко, и я ходатайствовал перед командиром о разрешении ему носить бороду. Устав разрешал носить усы военнослужащим, национальные традиции которых предписывали быть с усами. А о бородах в уставе ни слова. Командир разрешил Армену не бриться часто, но я на следующий день этот приказ отменил – Армен превратился в Карла Маркса в гимнастерке. Кстати, уже когда я был студентом и мы ездили в стройотряд на Сахалин, произошла

аналогичная история. У нас тоже был Армен. Иду я как-то по стройплощадке и натыкаюсь на двух местных девушек, затаившихся за углом и что – то выглядывающих. Я хотел их шугануть, но они так умоляюще на меня посмотрели и знаками пригласили тоже посмотреть. Выглядываю из-за угла и вижу нашего Армена без рубашки. То, что он головой был тоже похож на Карла Маркса я знал, но девушек потрясло тело, вернее то, чем оно поросло. Армейский Армен окончил Ереванский институт физкультуры по специальности лыжник. Я очень был удивлен, что в Армении есть снег, но Армен был неотразим: а на Арарате есть снег? Никто тогда не знал, что Арарат находится в Турции. Коньяк Арарат армянский, значит и гора Арарат армянская. И второй довод Армена: папа подарил ректору десять баранчиков. Вообще, за такой подарок, говорил Армен, я мог бы быть не лыжником, а физиком, например. Еще мне запомнились два солдата: один белорус, другой наш, калужский. Белорус был таким Швейком – крепенький, улыбчивый, с румянцем во все лицо. На приказ «Назовитесь» он всегда отвечал: «Бабычев, ррадовой». Ему толковываешь, что по уставу положено называть сначала звание, потом фамилию.

Понял? Понял! Назовитесь: он улыбается «Бабычев, радовой». И бесполезно. Калужский был человечком ростом в сто пятьдесят один сантиметр. При росте в сто пятьдесят в армию не брали. Несмотря дружественные насмешки и подзуживания, он был совершенно не обидчив и наивен. Помню, сидим мы на занятиях, он опаздывает минут на двадцать: «Курсант Дюжев, разрешите присутствовать на занятиях». «Почему опаздываете, курсант?», «Меня старшина использовал в каптерке». Мы просто валимся с табуреток.

Служилось в эти пол - года быстро – Москва под боком. После деда Степы остались удивительные сапоги офицеров роты кремлевского почетного караула. Голенища со специальной вставкой, носки узкие, а кожа – как лайка. Я в них щеголял. И увидел их начальник штаба. До этого отец, будучи в командировке из Монголии в Москву, заезжал ко мне в часть и там познакомился с командованием. Как ни как, а он полковник Генерального штаба. Да и я – старший сержант. Начштаба предложил мне сделку: я ему сапоги, а он мне – безлимитные увольнительные в Москву, предупреди только. Я согласился и ездил в Москву когда хотел. Домой после

дембеля вернулся на электричке. Родители в Монголии, дверь открывает бабушка: «А где чемоданчик?». Я аж оторопел: «Бабушка, я вернулся!», «А где чемоданчик?».

Вспомнил – когда я уходил в армию, она дала мне такой маленький фибровый чемоданчик. Я и забыл о нем за два года, а она его ждала.

www.zviahel.ucoz.ru

Институт

Из армии я вернулся осенью, экзамены в институт уже прошли и, погуляв месяц, я пошел опять на тот же завод. Во в ВТУЗ решил не восстанавливаться. В армии я познакомился с парнем, который собирался поступать в МГИМО – я тогда впервые узнал об этом институте и тоже решил поступать туда же. Этот солдат стал моим другом на долгие годы. Помню его сидящего перед танком на песочке и читающим учебник английского языка. Все остальные чистили этот танк, а он учил английский. Это не упрек, а комплимент. Он хотел добиться своего и, в конце – концов, добился - поступил в МГИМО.

Стал готовиться и я, особенно взялся за английский. В принципе моя работа мне нравилась, были хорошие друзья, да и зарплата была высокая. Я уже тогда, при удачных заказах мог получать до 300 рублей. Через много лет, окончив институт и обзаведясь семьей, я получал аж сто двадцать рублей. Но решил твердо – в институт. Весной взял отпуск за свой счет для занятий с репетиторами, и все время посвятил занятиям. По правилам тех лет для поступления в МГИМО требовалась

рекомендация партийных органов. Партком завода был на правах райкома партии, я был на хорошем счету и проблем с этим не видел. Но когда дело дошло до парткома, мне неожиданно отказали: «С ума сошел? Тебе Родина доверила свои секреты, а там всякие иностранцы – засранцы эти секреты у тебя и выманят!». Расстроился я чуть не до слез, столько времени, денег потрачено. Совершенно случайно наткнулся на объявление в газете о наборе в Московский финансовый институт, где был факультет международных экономических отношений. Там была такая же система с рекомендациями. Пошел опять в партком, но там никому в голову не пришло, что в финансовом мог быть такой факультет. А я поумнел, молчал и рекомендацию получил. Так я обманул Партию. Поступил, и сбылась мечта идиота: десятилетия носил белую рубашку и галстук. Когда ушел на пенсию в 55 лет, с огромным облегчением содрал этот галстук и сейчас не одеваю его почти никогда.

Кстати, об одежде. Трудно забыть считавшиеся лучшими костюмы румынские полушерстяные, рубашки – нейлоновые, носки – нейлоновые. Рубашки были хороши тем, что их можно было не особенно стирая, выжать, повесить, вода в

них не впитывалась вообще - стекала и рубаша высыхала - гладить тоже не надо было, стекло в смысле стекало со стекла. Я до сих пор помню, как иду по улице Горького летом в нейлоновой рубаше, цвета синего с белым воротничком. Оказывается, что это модно и сейчас, в 2010 году – я имею в виду сочетание цветов. Иду днем по стороне Моссовета – солнце жарит неимоверно, по спине течет пот, но девушки оборачиваются на рубашку. Были модными «водолазки» - белые синтетические опять же рубашки с воротником, как у свитера. Мы одалживали друг у друга эти водолазки, если шли на свидание. Нас было три друга, и на всех была одна водолазка – у Юрки. Так вот, Вовка взял водолазку на свидание, но что – то у них там не сладилось, и его девушка поплакала у Вовки на груди и потекшими ресницами с цыганской тушью всю эту грудь и испачкала. А на следующий день моя очередь за водолазкой, и ни куда-то там идти, а в Большой театр. А водолазки то и нет. Мне родители из Монголии передали чешскую шерстяную кофту с отложным воротничком, я ее и приспособил вместо водолазки. Лето, жду девушку на ступеньках Большого театра. На мне синтетический, отливающий металлом костюм,

под ним одетая задом наперед шерстяная кофточка – воротничок, который должен быть на задней стороне шеи, становится воротничком «водолазки» впереди. Теперь прошу кого-нибудь проделать фокус: одеть пуловер задом наперед, застегнуть без посторонней помощи пять пуговиц на спине – и на свидание. Вот в таком виде и завожу девушку в Большой театр. Блеск золота, на сцене страсти в виде танцев, а у меня течет весь организм сверху и до кресла. И так часа три. Даже сам чувствую, что пахну.

В те древние времена не было дезодорантов. Просто не было, и все. А были мы молоды, с активным обменом веществ, облаченные в странную комбинацию шерсти и синтетики. И мылись, вроде, как и сейчас. Но всегда под мышками костюмов появлялись круги белой соли. У всех под мышками были белесые круги. В «Книге полезных советов» говорилось, что их можно удалить, если намочить тряпочку нашатырным спиртом и потереть. Тогда бледнела сама окраска костюма. Будто бы средством считался одеколон, если залить эти места – Шанель отдыхает.

Хотя про институтские годы и говорят, что это самое интересное время жизни, мне так не

показалось. На курсе практически все были выпускниками спецшкол, и мне приходилось очень сильно упираться, чтобы догнать их в английском. Но к концу второго курса я это сделал. Были и вечеринки, и стройотряд и смешные случаи на экзаменах. Хорошо помню, как Кузя отвечал на вопрос о сотрудничестве стран – членов Совета по экономической взаимопомощи и ему задали вопрос, что по этому поводу в свое время предсказывали классики марксизма-ленинизма. Кузя надолго задумался и грустно ответил: «К сожалению, к тому времени, когда был создан СЭВ, все классики марксизма-ленинизма уже умерли». У меня была единственная тройка в дипломе по экономической теории. Ответил на билет хорошо, но на дополнительный вопрос: «Как в России конца девятнадцатого века, по определению Ленина, развивался капитализм?», ответить не смог. Убей, не помню определения. Преподаватель подсказывает: «Капитализм расширялся вширь и?». Не понимаю. Опять: «Вширь и ...?». Ничего не идет в голову. «И вглубь!», Такой гениальной простоты я не ожидал даже от В.И. Ленина.

Девушки в группе были из семей высокопоставленных чиновников или партработников. Отец одной из них стал потом моим Министром. Если приглашали в гости, подавали шампанское, канапе и легкие закуски. Приходилось бежать в магазин за спиртным, варить на кухне картошку. Многим девушкам это нравилось – брутальный парень. Зато у нас всегда были самые новые хиты в Москве.

Был у нас в институте профессор, который читал на пятом курсе лекции по то ли математической экономике, то ли по экономической математике. А так как высшей математикой нас не баловали, то понять нельзя было ничего. Казалось иногда, что он и сам не понимал что говорил. Но был строг и внимательно следил, чтобы мы эти лекции конспектировали. Вот представьте, что вам китаец читает лекцию по экономике Китая на китайском языке. Мы, соответственно, так и конспектировали. Как-то Юрка, наш отличник, похвастался своим конспектом.

«9час. – 10час.30мин. Слушал лекцию профессора Гора.

10час.30мин. - 11час. Бега в ларек, пил пиво.

11час. - 11час.15мин. Слушал лекцию профессора Гора.

11час.15мин. Отпросился у профессора Гора выйти.

11час.15мин. – 11час.20мин. Ссал.

11час.20.мин. – 11час.30 мин. Мыл обоссанные ноги.

11час.30 мин. – 11час.35мин. Курил.

11час.35мин. – 12час.10 мин. Слушал лекцию профессора Гора.

12час.10мин. Отпросился у профессора Гора выйти.

12час.10мин. – 12час.13мин. Ссал.

12час.13мин – 12час. 20 мин. Мыл обоссанные ноги.

12час. 20 мин. – 12час.30 мин. Слушал лекцию профессора Гора. Очень интересный предмет!»

После третьего курса ездил в стройотряд на Сахалин. Остров мне очень понравился: роскошная природа, новые впечатления, на которые Москва, в общем – то скуповата. Когда ехали из аэропорта, все заорали: «Орел!». Я точно знал, что орлы на столбах не сидят, но таких громадных ворон еще не видел. Лопухи были величиной с человека. Нас как-то повезли на покос, так трава была выше человеческого роста. К концу срока началась путина: реки

стали черными от спин лосося, лови руками – не хочу. По закону с реки нельзя было вывозить ничего, а на берегу – пожалуйста. На том покосе насобирали руками рыбы, выпотрошили икру, промыли, посолили и через пол – часа можно есть ложками. Однажды нас повезли купаться на море. Видим, невдалеке рыбаки причаливают. Подходим – полные по борту лодки с рыбой. Да и лодки не слабые. Мы попросились на лов, рыбаки отнекивались, говорили, что без спецодежды нельзя (а мы – в плавках). Но мы уговорили. Лодки отплывают не очень далеко от берега, рыбаки начинают выбирать сети, лодки сближаются и между ними вода начинает кипеть от бьющейся рыбы. Ее просто зачерпывают большими сачками – и в лодку. Лодка постепенно заполняется рыбой, а мы начинаем понимать, почему нельзя без спецодежды. Лосось рыба очень сильная – все видели в кино, как она идет на нерест. А в лодке она просто обезумевает. У нас была одна забота – защитить причинное место. На следующий день мы имели не ноги, а сплошные синяки.

Я был бригадиром студентов на строительстве пятиэтажки. Начинался день с планерки примерно так. Прораб для местных: «Иванов,

пойдешь на бетономешалку». Иванов: «Ни хера не пойду! Мы с корешом вчера вмазали по банке, башка трещит. Затянет еще в мешалку руку на хрен» - «Ну ладно, пойдешь не компрессор».

Подъемный кран, который подавал нам материалы, постоянно сходил с рельсов. Пьяный крановщик цеплял крюком за съехавшую тележку и каким - то образом ставил ее на место.

Как только моя бригада появилась на стройке, ко мне подошел местный крутой, весь в наколках и протянул полный стакан водки. Я выпил. Он удивленно оглядел меня с ног до головы и сказал, что сработаемся и выпил сам. Я чуть позже послал нашего за бутылкой и тоже молча преподнес стакан крутому. Тот с натугой выпил, выпил и я. Больше крутого в этот день я на стройке не видел. На следующий день он называл меня братаном и оправдывался, что отрубился он только потому, что водка упала на вчерашнее. Так и строили.

Можете не поверить, но однажды приехала какая-то комиссия, долго ходила по стройке, вертела чертежи, показывала руками во все стороны.

Я смею утверждать, что самые высококвалифицированные строители сопровождают свои идеи всегда чуть приседая и делая руками кругообразные движения во все стороны горизонта. Я проверял стройки на трех континентах и наши там строители всегда! чуть приседали и делали правой рукой круговой жест. Я думаю, что так их учили прямо на первом курсе института. Так что если вы наймете работника, который не будет приседать и водить рукой по всем сторонам горизонта – гоните его, он не строитель.

Насчет комиссии. Выяснилось, что дом строится задом наперед. То есть, подъезды должны выходить, скажем, на север, а они выходят на юг. Хорошо, что дом из шлакобетона – где надо проемы заложили, а где надо – вырубili отбойными молотками.

Я преклоняюсь перед строителями. Западная Украина 90-х годов. Меня пригласила компьютерная компания во Львов. Им было нужна моя подпись о том, что они не разбойники. Селимся в номер, а в холодильнике «Москва» стоят, не вру! двадцать бутылок коньяка «Черный Аист» молдавского производства. У этой компании был филиал на моей родине. Но дело не в этом.

Меня удивить спиртным не то, что трудно – невозможно. Никогда не поддавался на чужое спиртное. Сам могу, могу с друзьями, могу просто так и пил то, что многие не пили никогда. Так вот, этот командир компьютерной фирмы, Илья Иосифович, проникся ко мне уважением и рассказал, что он бывший строитель. И он в первый раз в жизни организовал честный бизнес с компьютерами, где честным быть нельзя по определению.

И он, тоскуя по прошлой советской жизни водил меня по тем микрорайонам, где он строил дома. Конечно - строитель. И вдруг спрашивает меня, какой толщины должен быть шов между кирпичами. Я не знаю. Он заявил, скажем, полтора сантиметра. И что? Если ты считаешь длину всех швов в пятиэтажном доме – километры. И если ты уменьшишь толщину шва на треть сантиметра и умножишь на длину швов и на цену цемента, ты получишь вагон цемента. Уже твоего.

На Сахалине мы делали крышу. Последний этап – это покрытие рубероидом в несколько слоев. А рубероид укладывается с использованием жидкого битума. Технология такая: в огромную бочку закладываются куски битума, внизу у бочки есть печка, которая топится дровами и

битум плавится. Потом бочку краном поднимают на крышу и работа начинается. Чтобы растопить бочку битума надо пол – дня. То есть пол – дня мы ничего не делаем и нам ничего не платят. Мы решили не таскать бочку краном туда – сюда, а топить ее прямо на крыше. Потом пошли еще дальше – решили не гасить огонь в печке после смены, как это положено, а наоборот, подкинуть дров. Тогда бочка топится пол – ночи и с утра ее гораздо быстрее можно разогреть. Экономия времени была колоссальная. Смущало лишь то, что мы оставляли печку на ночь без присмотра, но погоня за наживой, как говорил Карл Маркс, может толкнуть человека на любые преступления. Одним утром мы обнаружили бочку вообще горячей и можно было приступать к работе немедленно. Я с удивлением заглянул в топку и увидел, что сверху капает горящий битум – видно немного прогорело дно бочки. Но результат замечательный – бочка топит сама себя. Отработали день, а к вечеру я решил топку затушить – дырка все – таки. Но все заорали, что деньги теряем, да и битум не горит. Уговорили. Наутро собираемся на работу и видим, что над Южно – Сахалинском стоит громадное черное

облако, визжат пожарные машины, суматоха. Когда подъезжали к нашей стройке, поняли, что это горит наша бочка. Вокруг пожарные, городское начальство, полный переполох. Оказывается, битум водой тушить нельзя, надо ждать пока бочка выгорит сама. А при горении битум выделяет невероятное количество черного дыма. Как ни странно, но потом нас не ругали, а даже похвалили: за дырку отвечал инженер по технике безопасности, а если бы мы не оставили бочку на крыше, откуда дым шел прямо в небо, то город отчищали бы от копоти года два.

Студентом я работал еще на двух работах. Одна из них – ночным сторожем на стройке в Ясенево. Работа была хорошая – через ночь. Часто строительство шло круглосуточно и дежурить было не надо, а деньги шли. Дежурство проходило в вагончике, натопишь, включишь приемник и читай себе книжку. Конечно, иногда стремно было, если казалось, что кто – то ходит по площадке. Я за эти дежурства написал диплом. Однажды меня попросили подежурить на стройке за кольцевой. После этого я понял разницу в стадиях строительства. В Ясенево еще гнали коробку, а на той стройке уже шла отделка. И

вот ночью на площадку пришло все близлежащее село и утащило все, что можно. Я попытался защищать социалистическую собственность словами, ведь ни телефона, ни рации, а меня просто послали. И ничего, завезли новые материалы и унитазы.

Другая работа была покруче – рабочий путей в метро. Последним поездом приезжаешь на станцию «Площадь Революции», там в специальном помещении переодеваешься и ждешь пока вырубят ток. Потом на мотодрезинах всех развозят по околоткам. Околоток – это отрезок пути и начальник над этим отрезком называется околоточным. Занимались тем, что меняли шпалы, рельсы, стрелки. Работа тяжелая, на нее дается около четырех часов, потом включается напряжение. Вкратце технология замены одной шпалы такова. Сначала, если на открытом участке, сгружаются шпалы и складываются на обочине. Специальным скребком в виде четырехзубчатой вилки весом с десяток килограммов разгребается утрамбованная вокруг шпалы щебенка. Потом совковой лопатой эту щебенку перебросать на обочину. Громадным накидным ключом выкручиваются гайки, крепящие башмак к рельсе. Затем громадными щипцами

два человека выдергивают шпалу из под рельса и оттаскивают ее на обочину, а новая шпала теми же клещами затаскивается на ее место. Шпала опять засыпается щебенкой и прикручивается к рельсе. Затем тяжеленным вибратором щебенка тщательно утрамбовывается. Старые шпалы грузятся на подъехавшую дрезину. За смену вчетвером успеваешь уложить четыре шпалы. Практически без перерывов – время дорого. Попасть на открытый участок – везение: свежий воздух, а если в туннеле – просто ад. Тут то же самое, но шпалы залиты бетоном и их надо выдалбливать отбойным молотком и это в закрытом пространстве. Просто глохнешь.

Потом всех собирают на дрезину до раздевалки и первым поездом - домой. Но деньги платили немалые и целый день свободен. Многие так работают всю жизнь. У нас был бригадир, который на глаз, лежа щекой на рельсе, давал указания, где ее подтянуть, где отпустить, да так, что потом проверяли приборами, и все было нормально.

Недавно подсчитал профессии, которыми овладел и реально по ним работал за деньги

1. Слесарь - авторемонтник
2. Радиомонтажник

3. Радист
4. Сторож
5. Монтер пути
6. Валютный ревизор
7. Аудитор

А на заработанные в метро деньги я поехал в Крым, зацепив по дороге Юрку. Приехали мы, а через две недели должны были подтянуться его друзья – курсанты военного училища, человек восемь. Деньги мы с Юркой сразу истратили и ждали их с нетерпением. Потом оказалось, что это был их первый за три года отпуск, когда их выпустили из казармы.

И они как сказались. Жили мы в палатках в огороде тетки одного из этих курсантов. Тетка была очень строгая и, бедняга, не подозревала, что ее ждет.

Например, встречаем мы на набережной отряд пионеров во главе с симпатичной пионервожатой. Сашка, самый крупный из нас, ходил в рваной тельняшке как моряк перед казнью из фильма «Мы из Кронштадта», командирским голосом: «Отряяяд! Стой!». Отряд встал. Пионервожатой на ушко было сделано предложение привести таким же макаром отряд, но только пионервожаток. Та с негодованием отказалась. Тогда вперед

выступил Шумак: «Ребята! Хотите посмотреть как курсанты высшего ордена Ленина киевского военного училища живут в палатках, занимаются спортом, помогают старшим?». Хотим, заорали пионеры. Шумак подравнял строй, стал впереди и скомандовал: «Отряд! Шагом – марш! Барабанщики – бой! Горнисты – начинай!». И отряд, не реагируя на протесты пионервожатой и производя страшный барабанный треск и вой горна, двинулся вперед. Когда все это безобразие ввалилось во двор этой тетки, ту чуть не хватил кондратий. Пионеры полазили по палаткам, как саранча обожрали всю алычу и ягоды, и довольные вернулись в лагерь. А с пионервожатыми вышел облом.

Мы решили идти другим путем. Как известно старшему поколению, поесть на юге было большой проблемой. Мы решили ее по военному – познакомились с девушками, стоявшими на раздаче в столовой. Были они студентками кулинарного техникума из Киева. Я и Сашка договорились встретиться с двумя из них вечером на пляже. Деньги были общие и нам выделили несколько рублей на разврат. Купили мы бутылку портвейна, конфет каких-то, приделались в кто что подал и пошли.

Крым, ночь, плещет море, мерцают звезды, ждем девушек. Наконец приходят – красавицы, не то, что в халатах на раздаче. Одна несет целлофановый пакет, как оказалось потом, с продуктами. Мы им: не хотите ли вина испить? Ну, думаю, сейчас начнут жеманиться. Хотим, говорят. Первая так уверенно глотает и передает подруге. Та задирает голову и тоже так уверенно. И на фоне луны с ужасом вижу, как катастрофически быстро уменьшается жидкость в бутылке. Девушка допивает все до конца и аккуратно ставит бутылку на гальку. Они достают из пакета кисть винограда и изящно закусывают. Минут через несколько спрашивают: «А вы что ж не пьете?». А у нас больше нет, и денег не хватает докупить. Потрясенный Сашка отрубает: «Мы не пьем!». Свидание как-то само собой сворачивается, но пакет мы забрали. Возвращаемся в расположение: все стадо гоготало всю ночь. Когда разбирали добычу, поняли, что девушки крали второпях: сверху были фрукты, под ними – котлеты вперемешку с пирожными и картошкой пюре. Ну и ладно, решили мы – не рях нам не надо. Были и другие приключения.

Минфин

Распределяли после нашего факультета в основном в Минфин в Валютное управление и во Внешторгбанк. В ВТБ где проходили практику, мне не понравилось. Банк располагался в старом здании за Большим театром. Здание было настолько древним, что там была пневматическая почта: сворачиваешь документ в трубочку, засовываешь в специальный круглый пенал, а его – в камеру-приемник, рычажок – пшик – и почта улетела. Как осуществлялась адресация, не помню, но когда делать было нечего, было интересно смотреть, как в полупрозрачных трубах под потолком туда - сюда носились пеналы. Сотрудниками были в основном, как тогда казалось, тетки, заполнявшие какие-то авизо, фактуры и прочую хрень. Однако, те из наших, кто пошел туда, в конце - концов выиграли – через пятнадцать лет, когда они уже вошли в сок, пробил их час - грянула эра банков и банкиров. Хотя мне жаловаться тоже грех. Минфин же казался более серьезной организацией. Чего стоило одно здание рядом с Кремлем, громадный зал на входе, колонны, дубовая отделка кабинетов начальников. А

Министр! Говорили, что это был единственный министр, к которому ездили все остальные министры и начальники высших рангов кроме партийных бонз и Председателя Госплана. Был он знаменит невероятной работоспособностью, сибаритством и дружелюбностью к своим сотрудникам. Я только-только пришел в Минфин – сентябрь, наверное, а тут уже и ноябрьские праздники. В канун праздников был в ту пору в Минфине такой обычай - из кабинетов столы выносились в коридоры и люди начинали отмечать наступающий праздник часов в пять вечера. Все закупалось на свои, верховодили женщины, всеобщее оживление, первые тосты. Надо сказать, что тот фасад Минфина, который знает вся страна – это фасад дореволюционного банка. Позже здание расширилось, к нему с разных сторон делались пристройки, все это бессистемно, хаотично и закончилось строительство этого муравейника лишь тогда, когда соседние учреждения и наше уперлись друг в друга. Из-за этого в Минфине была сложная и запутанная система ходов и коридоров – кто читал Ильфа и Петрова, помнит здание редакции, где мадам Грицацуева гонялась за Остапом. Абсолютная аналогия. Какие-то этажи, полуэтажи, чтобы проникнуть

из комнаты, к примеру, №403 в № 433, надо было знать, где нырнуть на третий этаж, а потом опять в определенном месте подняться на четвертый полуэтаж. Я лично выводил из этих катакомб недавно завоевавшего титул чемпиона мира по шахматам, брошенного чиновниками на произвол судьбы. Он растерянно стоял на лестничной площадке, не понимая как отсюда выбраться. Был слух, что он приходил за деньгами, полагающимися ему за чемпионство, но так их и не получил. Не знаю. Так вот, о коридорах и праздниках. Вдруг по коридорам шум-гам смолкал, и шепотом неслось: «Идет». Вдоль коридора и столов шел Министр, кому – то помахивал рукой, к кому-то подходил, жал руку, а за иной стол присаживался, говорил тост и выпивал рюмочку.

С Министром у меня был такой случай (или у Министра со мной?). Кабинеты Министра и Первого зама были на пятом этаже, а мое управление - на четвертом. Туда вели два лифта: один со второго по пятый со всеми остановками для всех и один – экспресс - сразу на пятый – для небожителей. Начало дня, небольшая очередь у лифтов. Подходит моя очередь в обычный лифт, впереди лишь одна

женщина, лифт подходит и вдруг - легкий толчок в сторону и в лифт сразу после женщины входит кто-то с широченной спиной. Возмущаясь, вхожу следом и с оторопью вижу, что это – Министр. Смотрит грозно, в упор слегка покрасневшими глазами: «Как дела?» - это ко мне. Да не знал он меня! Я в ответ: «Хорошо!», Министр: «Ну и ладно». Мы вышли, он уехал на небеса. Потом оказалось, что женщина, ехавшая в том же лифте, была большой начальницей. И ее так поразило личное общение Министра со мной, что потом еще долго она, завидев меня в коридоре, заранее наклоняла голову и первой здоровалась, что вообще не свойственно в чиновничьей иерархии.

Виртуальную близость к Министру поддерживал Женька. Женька работал в хозяйственном управлении и заведовал некоторыми конфиденциальными хозяйственными делами. Он, в частности, владел ключами от специальной комнаты, где хранились подарки министрам финансов всех времен от различных официальных лиц разных стран и народов. Когда Женька был в хорошем настроении, что значило выпимиши, он мог пригласить туда друзей, и мы пили портвейн из

золотых кубков, украшенных камнями, закусывая сырком «Дружба» и докторской колбасой. Еще Министр посылал Женьку на Украину за нежинскими огурчиками, и Женька привозил за счет Министра чуть-чуть огурчиков и нам.

Потом министры стали меняться, назначаться из партийных органов. Было одно исключение – был из наших, но кончилось плохо – ГКЧП.

Уже к концу - концов СССР я как-то подъехал к Минфину на правительственном ЗИЛе, принадлежавшем уже новоиспеченному банку. У входа стояли последний министр СССР и министерский чекист. Когда я выгрузился, министр отвернулся, чекист же сплюнул и ушел. Все трещало по швам.

Попав в Минфин, я удивился дружественному и доброму отношению ко мне всех окружающих меня сотрудников – от тех молодых, кто пришел сюда за год – другой до меня, до самых – самых ветеранов. Заместителем начальника моего отдела был очень интеллигентный, седой дед, закончивший войну одним из руководителей Управления советским имуществом за рубежом. Жена заместителя начальника моего Управления, тоже очень интеллигентного и артистичной наружности

мужчины, была заместителем главного редактора Большой Советской Энциклопедии. Легендой управления была Начальник отдела финансирования внешней торговли – женщина под семьдесят, подвижная, как Пельцер и такая же обаятельная в общении с людьми. У нее в голове был, как сейчас бы сказали, компьютер. Она помнила тысячи показателей чего-то там и требовала от своих сотрудников того же. Начальника Управления, о нем ниже, тоже иногда на ходу задавал быстрые вопросы. И я попал однажды под раздачу в коридоре, идя на обед: - Сальдо расчетов с Анголой!!???

- Не помню.

- Почему никто ничего не помнит кроме меня?

- Михаил Никитович не велел

- Кто?

- Начальник Первого отдела.

- А....

К компьютерам возвращаясь. В то время мы были оснащены мощной индивидуальной вычислительной машиной «Искра». Она умела делать все шесть арифметических действий, была величиной со средний чемодан, и за ней можно было, извернувшись, спрятать голову для послеобеденного сна. Даже если кто-то и хотел укорить за низкую посадку головы, всегда

можно было попенять на то, что табло плохо светится.

В первый раз компьютер я попробовал году в году 87-м. И мне эта машина понравилась. И вот почему.

В каждой комнате Минфина стояло по пишущей машинке. Если кто не знает, с каждой пишущей машинки в стране снимали «отпечатки» и если где-то на Дальнем Востоке появлялись призывы к тюленям плыть на Аляску, можно было легко установить, на какой из тысяч машинок этот призыв был отпечатан.

Что такое пишущая машинка? Она состоит из трех частей: клавиатуры, каретки и человека печатающего. Бизнес процессы печатания можно свести к следующему: по повелению начальника или ты сам в силу обязанностей садишься за столик с машинкой. Слева в среднем ящике находятся бланки с обозначением: Заместитель Министра финансов или Министерство Финансов. Соответственно, письма начинались так: «Министерство финансов сообщает....» или «Главное Валютное управление рассмотрело ...». Бланки Министра надо было брать в его канцелярии под роспись, но этого почти никогда не случалось – у него было собственное

машбюро. Было и общее машбюро на первом этаже, там работало человек двадцать девушек-машинисток. Но ждать документ надо было как минимум день. Но девушки были хорошие.

Итак, печатаешь какой такой документ в четырех экземплярах. Между каждым листом по копирке – на первом листе все четко и понятно, на четвертом – еле-еле видно. А последний экземпляр, как правило, остается в деле, и тебе потом с ним иметь дело. И чтобы он был по возможности читаем, надо было по клавишам не щелкать, как сейчас по клавиатуре компьютера, а просто долбать. Долбаешь, долбаешь и вдруг- хрясть, и мимо. Или печатал, печатал, а потом сам нашел ошибку. Или не нашел, а начальство решило заменить «и» на «а также». Что делать? Когда прогресса не было вообще, надо было весь этот комплект вытащить из машинки, на каждой странице зачистить неправильно напечатанную букву лезвием от безопасной бритвы, затереть зачищенное место ногтем. По мере развития прогресса вместо лезвия использовались «забивалки» - это такие привозимые из-за рубежа маленькие кусочки бумаги, имеющие на одной стороне покрытие из сухой белой краски: можно было, не вынимая листы из машинки,

приложить эту забивалку к испорченному месту, сильно дать по той - же неправильной клавише, и неправильная буква на странице пропадала. Потом по тому же месту надо было долбануть правильной клавишей – и ошибка была исправлена. Потом появились «замазки» - просто ошибка замазывалась белой краской, надо было подождать, подуть, и напечатать правильную букву. Но никому и никогда не удавалось совместить эти исправления с нужным местом на третьем и далее экземплярах. Причина очень проста: валик машинки, к которому специальным устройством прижимались все эти листы, по которым, в свою очередь бил рычажок с приваренной на конце буковкой, имел геометрическую форму цилиндра. Не углубляясь в законы тригонометрии, однажды напечатав букву, а затем, вытащив и вновь вставив бумагу или сделав другие манипуляции с листами, совместить их так, чтобы новая буква попала в точно в то же место, что и старая, было невозможно. И чем больше экземпляров, тем больше отклонение. В результате текст пестрел помарками на первых экземплярах, а следующие были просто ужасны. И вот грянула революция – появились компьютеры! Можно

печатать текст в сто раз быстрее – ну ошибся, ну поправлю. Можно показать черновик начальству - и пусть тешится, правит, внесу правки за две минуты. Страна стала объедаться компьютерами. Такая фривольность к готовящимся документам привела к снижению требовательности чиновника к себе, вольтерьянству и развалу страны. Начальником Управления была Николай Васильевич. Он очень походил на Ивана Грозного - высокий, сухощавый, нос с горбинкой и брови к переносице. Всегда казалось, что он вот-вот грохнет ногой об пол и заорет: «Отдать этого подлеца Малюте Скуратову!!!». Но он особа не орал, хотя из-за его грозного вида все его побаивались. Особенно не стоило попадаться ему на вид во время верстки бюджета, когда весь Минфин стоял на ушах: все носились по коридорам как оглашенные, цифры менялись ежечасно, согласовывались внутри Министерства, с Госпланом, Совмином, другими министерствами. Это был такой общесоюзный чиновничий катарсис, напоминающий ход горбуши на нерест – во что бы то ни стало дойти и умереть. В одном коридоре с кабинетом начальника находился роскошный мужской туалет: пятиметровые

потолки, два зала по 40 квадратов, зеркала во всю стену. Стоим, курим. Вдруг врывается начальник, пронесится мимо нас, вскидывает левую согнутую в локте руку вверх, прижимает ее к стене над писсуаром, кладет на сгиб руки голову, а правой рукой помогает себе в остальном. Голова в стену, ноги далеко сзади. Слышится облегченный вздох, и вдруг из-под мышки:

- Васильев! Что там у нас с Гвинеей Бисау?

Обомлевший Колька в ответ:

- Минус двести пятьдесят миллионов, Николай Васильевич!

- Блядь! Что хотят, то и творят!

- И не говорите, Госплан еще десять малых рыболовных траулеров добавил.

Разбегаемся. Через час совещание. «Вот! – указывает начальник перстом на Кольку – Ему траулеры добавляют и добавляют, а он в туалете курит!». К концу дня траулеры Госплан снимает, цифирь становится такой как надо. На следующий день на совещании: «Вот, видите! Дашь по мозгам, и все получается!». Колька улыбается как победитель, хотя никакого отношения к этим траулерам не имеет, просто где-то в недрах Госплана какой-то раздолбай чиновник, перенося цифры из одной ведомости

в другую, по ошибке приписал нолик, потом кто-то это обнаружил и все уладилось.

Рассадка сотрудников Министерства была стандартной повсеместно: столы стояли в один или два ряда в зависимости от размеров комнаты, все сидели в затылок лицом к окну, спиной к двери. Ближе к двери располагались самые младшие, чем ближе к окну – тем выше должность. У окна боком ко всем восседал начальник. Начинал и я у двери, а когда стал начальником отдела, сел боком. Это как в стае приматов: все понимают, кто есть кто, видя, кто на какой ветке сидит.

Рабочая активность Министерства следовала раз и навсегда заведенному ритму: всплеск и кипучая деятельность всех осенью, когда верстался бюджет, и затишье к концу года после того, как бюджет принимался Верховным Советом. Все остальное время – лишь маленькие всплески в конце кварталов, когда подбивались промежуточные итоги выполнения бюджета. Все остальное время было относительно спокойным.

О рассадке было сказано не просто так: в периоды затишья сидящий боком начальник, по идее, должен был следить за подчиненными, чтобы те не спали. Валютное управление

считалось режимным – каждая комната запиралась на кодовый замок, и войти туда внезапно не мог никто, даже начальник отдела. В нашей комнате был один ряд столов, я – за последним. Так как внезапное нападение создавалось, то у меня была самая идеальная позиция, самая плохая – у сидящего за первым столом Кольки. Лето, все пообедали, в комнате тишина, делать совершенно нечего, но у каждого на столе бумаги, папки, таблицы. Колька проработал уже несколько лет, слыл докой. Он сам сконструировал и сделал из деревянных линеек специальное сооружение для поддержки головы и мог дремать с прямой спиной, сидя в паре метров от зама отдела. Сидевшая за ним Антонина обычно пряталась за широкой Колькиной спиной, Андрюха – за гигантских размеров вычислительной машинкой «Искра». И один я мог себе позволить роскошную позу: стул сдвигался назад к шкафу, а голова уютно устраивалась в углу между шкафом и стенкой и не болталась, как, например, у Антонины, вынужденной постоянно от этого просыпаться. Задремывал и начальник. Он был у всех на виду, и ни к каким ухищрениям прибегать не мог, но благодаря огромному опыту работы в Министерстве имел

соответствующую закалку и мог долго дремать сидя прямо. Но время брало свое: голова клонилась долу, очки соскальзывали с переносицы и громко падали на стол. Все вздрагивали, начинали шуршать бумагами, потом постепенно все успокаивалось и нега вновь разливалась по кабинету.

Каждый из сотрудников нашего отдела курировал несколько внешнеторговых объединений и других подразделений ГКЭС – Госкомитета по внешним экономическим связям. Подразумевалось, что мы должны были кроме официальных процедур и переписки поддерживать хорошие отношения с сотрудниками этих организаций для того, чтобы знать, что там происходит. Это действительно помогало в работе, но так как формально такая деятельность нигде записана не была, процесс общения имел долю риска. Когда сидеть в кабинете становилось невыносимо, можно было встать и заявить: «Я – в ГКЭС». Лучше всего это было делать незадолго до обеда – это давало фору во времени. В теплое время года до ГКЭСа приятно было пройти пешком: по Куйбышева до ГУМа, там налево, через Зарядье на мост, по Пятницкой, через рынок и вот ты уже на Овчинниковской набережной. Всего

минут тридцать. Частенько мы «сходили с маршрута» и шли в кинотеатр Зарядье или садились на речной трамвайчик до Киевского вокзала. На трамвайчиках всегда было пиво, нигде в городе нет – а там всегда. Даже если нас и хватались, всегда можно было убедительно соврать: пока зашел пообедать, потом заглянул ненадолго в пару объединений и обратно. Сам процесс укрепления связей с ГКЭС требовал и времени и денег. Вместе ходили выпивать и после, и во время работы и постепенно складывался круг надежных коллег, готовых прикрыть тебя. Приемлемо по цене и с хорошим качеством закуски выпить можно было на Пятницкой в пельменной и в шашлычной. Очень хорошим местом была блинная на Пятницком рынке: там пекли вкусные блины и к ним подавали сметану и отдельно разные варенья. Если взять две порции блинов, к ним сметанки и вишневого варенья, и потом смешать, да макать туда блин после соточка принесенной с собой водки - это гурмэ. А если это зима, а тут пахнет пекущимися блинами и гул такой дружественный чиновничий стоит со всплесками: «Да я этого Сидорчука еще в Ханое пьяным видел...». Уходить не хочется.

Наша выгода была в том, что мы действительно знали положение дел, а их – в том, что мы были все-таки кураторами из вышестоящей организации и с нашей помощью они могли добиваться каких-то невинных поблажек в бюджете. Я, например, отвечал, среди прочего, за сметы лечебных учреждений за рубежом. Советский Союз командировал в развивающиеся страны тысячи сотрудников, для которых там были организованы сотни лечебных учреждений, начиная от медпунктов до крупных поликлиник и госпиталей. Согласование смет на их содержание было эквилибристикой между здравым смыслом и политиканством. ГКЭС был, естественно, упорен в сохранении и увеличении ассигнований, Минфин – не то, чтобы сокращения, но в экономии бюджетных средств.

- Вам не жаль наших людей, выполняющих интернациональный долг в пустыне Сахара!

- Жаль, что не я там зарабатываю такие деньги! Да и смета за прошлый год израсходована на сорок процентов! Режу на тридцать пять!

- А помнишь, ты в шашлычной вспоминал, что в Сахаре жарко?

- Ну, фиг с тобой – на двадцать.

Да и просто посидеть, поговорить. Когда я уже уходил из отдела, я за рюмкой признался заму в этих проделках, но он особо и не удивился, конечно, он догадывался. И лишь когда я попросил его обзвонить все мои объединения и позвать меня к телефону, он был поражен масштабом мистификации: все как один утверждали, что только что видели меня, ушел, мол, в другую контору. Некоторые даже посылали сотрудников найти меня, но, увы – я уже пошел в другое здание. Никто не подвел. Управления и Главное экономическое и Главное валютного контроля имели очень большие полномочия. Например, я имел право свободного входа практически во все министерства и ведомства. Это, правда, не значило, что можно было ввалиться с бухты-барахты куда тебе вздумается и делать что заблагорассудится. Но вечером, когда магазины закрыты, можно было прикинуть, например, в гостиницу Россия, где были буфеты. Все проверки тщательно планировались и с точки зрения их целесообразности, вопросов проверки, сроков, состава команды и т.д. Но как только заместителем Министра было подписано так называемое предписание – берегись: проверяющий имел право на все

кроме допросов с пристрастием. Да и результаты проверок кроме неприятностей ничего хорошего проверяемым не приносили – эти результаты докладывались, как правило, непосредственно Правительству. А там на здюли не скупилась: головы летели направо и налево, выговор считался наградой, если же дело доходило до Партконтроля, с местом можно было прощаться. Как говорил один из моих сотрудников в ответ на жалобы вроде: но ведь у нас кроме недостатков есть и вон какие достижения: «Мы не из Отдела наград и поощрений, вот они приедут и наградят, а мы из Отдела наказаний и смещений». Но самодурства не было: каждое слово, фраза, вывод выверялись, проходили сложные согласования на самых высоких министерских уровнях. Там в верхах учитывались не только результаты самих проверок, но и политические сквозняки и течения, поэтому финальный документ был выверен донельзя: сделаешь ошибку – голову потом снимут в первую очередь тебе. Естественно, что доклад о результатах проверки писал ее руководитель, и уже на этом этапе надо было обладать опытом обобщения разрозненных фактов, знанием предмета и нюхом относительно дальнейшего

прохождения доклада - на какие высоты он может быть адресован. Хватит ли потенциала для Правительства или ограничиться министерством или какой-нибудь комиссией (а было их множество). Самыми рискованными считались поручения ЦК КПСС, или его секретарей. Я как-то принимал участие в проверке, как может показаться, простецкого вопроса: нехватки батареек в стране. Началась она по личному указанию Генсека. В Минфин пришло поручение на проверку с приложенной к нему фотокопией газетной страницы на тему этой нехватки и с карандашной резолюцией Генсека: «Безобразия! Проверить и доложить!». До сих пор помню выражение лиц начальников из Министерства химической промышленности, когда мы пришли к ним с этой резолюцией. Но еще раз – никакой ежовщины: если ошибся ты - ты подставил еще кучу своих начальников вплоть до министра и тогда п-ец не тому, кого ты проверял, а тебе. Надо помнить, что замахивался ты не на 30-летних мальчишек – экономистов - министров, а зубров, зубами взобравшихся на высоченную, длинную в жизнь, номенклатурную лестницу. И сдавать такие позиции просто так никто не собирался. Поэтому, если ты профессионально провел

проверку, подготовил выверенное письмо в нужный адрес, начальство внесло в него немного правок и письмо дало максимальный эффект – тебе респект и уважение не только в твоём окружении, но и даже среди тех, кого ты дрючил. Тебя хоть и побаиваются, но уважают за справедливость, приглашают к столу. А такой-то – такой-то – полный мудака и дело с ним лучше не иметь.

А проверяли мы все, где был запах валюты, начиная от магазинов «Березка», торгующих на валюту, до строительства атомной станции в Финляндии. Но об этом позже – сладкий кусочек на закуску.

Идеальным плюсом Министерства была его близость к трём важнейшим центрам власти: ЦК КПСС, экономическому отделу Совмина и Госплану. Иногда вызывали в Партконтроль. Несколько раз меня приглашали не в аппарат, а в сам Совет Министров в Кремль. Но это не часто.

Параллельной тройкой был ГУМ с продуктовыми отделами: винным и хлебным, где делали самые вкусные в Москве бутерброды с сыром и ветчиной, гастроном на ул. 25-го Октября, где можно было купить более дешёвый портвейн и, наконец, шашлычная в

начале улицы Богдана Хмельницкого. В этой шашлычной при входе торговали портвейном в разлив. Мы как-то после работы стали туда в небольшую очередь, очередь понемногу движется и вот ты на пороге коридорчика. Навстречу протискивается уже принявший дядька, мы оказываемся прижатыми друг к другу узким пролетом двери, дядька смотрит в себя и бормочет: «Боже, как хорошо!». И я представил, как он маялся целый день в конторе, ждал шести вечера и вот, наконец, отпустило.

Вообще-то портвейн считался в нашей среде напитком более благородным, чем водка. Водка – это так, быстро выпить, а портвейн пьется медленнее, больше времени поговорить. Вовка из отдела финансирования внешней торговли вообще возвел его в культ. «Видишь?» - спрашивал он каждого встреченного в коридоре: «Губы потрескались - авитаминоз!». И через пару дней: «Видишь, губы прошли – в портвейне витамины!».

Пили его по - поводу. Причем, поводом было все: день рождения, уход в отпуск, рождение детей и даже встречи руководителей иностранных государств. Место Минфина было прямо напротив Боровицких ворот. Ближе к

делу туда на грузовике привозили портреты руководителей на длинных шестах, мы их разбирали и стояли, пока высокие гости проезжали мимо. Потом надо было бегом под мост, закинуть портреты в кузов – и в кафешку. Некоторые нетерпеливые просто прислоняли портреты к парапету и убегали. То же самое и на демонстрациях по Красной площади: за Васильевским спуском, на Солянке можно было видеть транспаранты, брошенные в подворотнях и закоулках.

Вообще, развитой социализм требовала развитых навыков выживания. Например, как сейчас покупается курица? Идешь в магазин и выбираешь или всю курицу, или ее части, уже заранее расфасованные на удобные порции. Что такое было купить курицу в СССР?

Во-первых, надо было сначала узнать, где эти куры вообще продаются. Потом найти причину сбежать с работы. А дальше происходило следующее – на примере Арбатского гастронома.

Становишься в длинную очередь к прилавку. Минут через тридцать просишь продавца взвесить курицу. Тот кидает ее на весы и моментально срывает ее с них так, что стрелка лишь судорожно дергается. Продавец

выкрикивает первую пришедшую в голову стоимость и передает курицу другому продавцу. Тот наполовину заворачивает тушку в серую бумагу и карандашом пишет на уголке цену. Ты идешь в другую такую же очередь в кассу, получаешь чек и переходишь в третью – уже получать свою курицу. Два часа общения с народом обеспечено. Но был и другой способ. Сейчас это называется реинжиниринг бизнес-процессов. Идти за покупкой надо втроем. Один сразу идет в очередь в кассу, второй – в очередь на выдачу кур, а третий – к прилавок, где кур взвешивают. Как только первый подельник приближается к кассе, третий, запомнив три выкрикнутых продавцом цены, бежит к кассе и сообщает цены. Первый подельник пробивает чеки и отдает их второму соучастнику, уже оказавшемуся у прилавка выдачи. Хватаете кур и быстро покидаете магазин.

Кстати, российские туристы до сих пор поражают простодушных европейских аборигенов подобным приемом: муж становится сразу в кассу, а жена с тележкой носится по магазину. Абориген удивленно смотрит на стоящего впереди него мужика без тележки «руки – в брюки» и озабочено

вертящего головой. И вдруг – херак, и перед ним появляется мадам с полной тележкой. Непорядок. Но еще более комичную картину я наблюдал в 90-е в одном из недавно открывшихся супермаркетов на юге Москвы. В кассу стоит очередь из безтележных покупателей, а в конце, видно сразу, иностранец с полной тележкой. И вот начинают появляться тележки с продуктами – и все перед ним, да перед ним. Бедолага пытался вразумить очередь, но в ответ получил гордое: не в Америке, слава Богу, живем!

Но находчивостью продавцы намного превосходили покупателей. Киев, лето, хочется пива. Заходим в пивбар. Внутри длинная очередь, втиснутая между стеной и барьером. Очередь движется медленно, стоящие сзади раздраженно подгоняют впереди стоящих. Подходим к кассе, платим за пиво и получаем чистые кружки. Еще немного и вот ты уже у заветного соска. Над ним висит плакат: «Доливайте пиво после отстоя пены». Чувствуете разницу: «Доливайте..», а не «Требуите долива...»? Под соском кнопка. Подставляешь кружку под сосок, жмешь на кнопку, и в кружку ударяет сильная тонюсенькая струя. Кружка заполняется пеной.

Ждешь, пока пена хоть чуть осядет, но пива получается лишь на донышке. Жмешь опять. Ждешь опять. А очередь сзади гудит нетерпеливо, а пива как нет, так и нет. Нервы не выдерживают, жмешь в последний раз и отходишь. Пока дойдешь за столик, пива в кружке получается наполовину. Гениально!

Но и мы тоже не лыком были шиты. Будучи студентами, мы с другом ходили в ресторан «Прага» бесплатно ужинать и выпивать. Делалось это так. В газетном киоске покупались открытки – приглашения на свадьбу. Сами заполняли их, например: «Дорогой Вася! Дуня и Петя приглашают тебя ..» и так далее. Часам к девяти подходили к ресторану с цветами, предъявляли швейцару открытки, а потом выбирали зал, где было побольше народу и пошумнее. Садись с краешку, ели, выпивали. Народ уже подгулял, подобрел, никто не знает, с чьей мы стороны, а спросить стесняется.

Хороши были субботники. Это целая традиция в жизни народа, требующая отдельного научного изыскания. Праздник свободного труда, веселый, радостный. Я прошел через сотни корпоративов, но ничто не сравнится с субботником как действенного средства сплочения коллектива. Правда, были какие-то

шероховатости, вызывающие если не вопросы, то недоумение. Например, одним из лозунгов был такой: работники такого-то завода отработают субботник на сэкономленных материалах. Это что, колеса к тракторам не доприкручивали, или в чугун меньше руды закладывали? Непонятно. Мы, как чиновники, ничего путного не производившие, на субботниках занимались уборкой дворов и улиц. Тоже непонятно: мы, минфиновцы, гребли мусор в центре города в чужих дворах, а в моем дворе гребли чужие чиновники.

Уже не помню точно почему, но в день субботника я оказался на площади трех вокзалов. Может поезд из Улан-Батора встречал. Там рядом с Ленинградским была таможня и около нее вечно стояли международные фуры. И вот такая картина: под колесами одной из фур сидит пьяный дядька и мешает этой фуре сдвинуться в очереди. Водители его оттаскивают, а он упрямо лезет на место. Наши бы набуцкали, но это иностранцы. Стали они взывать о помощи к окружающим, и я решил помочь. Спрашиваю мужика, где он так набрался, тот в ответ – субботник, бля. Водилы интересуются по английски, что с ним. Я говорю – субботник. А что это за напиток такой крепкий

«субботник»? Объясняю, что это не напиток, это день такой, когда все наши люди бесплатно работают. А где же он тогда деньги взял чтобы выпить, если бесплатно? Из дома взял. Плечами пожимают, не понимают. Да и не надо, это наш праздник.

В те же времена был такой чудный обычай посылать чиновников, как прослойку никчемную, на овощные базы и в колхозы. Я часто задавался вопросом: что будет, если в шесть вечера натянуть поперек тогда ул. Куйбышева сеть и поймать в нее всех спешащих с работы чиновников? Остановятся поезда, потухнут домны или упадет Луна с неба? Ни хрена, думал я, не произойдет. Большинство контор по этой улице и прилегающим переулкам делили между собой партийные и государственные органы: ЦК КПСС, Верховный суд, Минфин, Совмин, ТПП и прочая и прочая. Но самым загадочным было здание, сейчас называемое Гостиный двор. Там был муравейник, населенный тысячами военных, гражданских, пожарных и кого там только не было. Как-то летом идем мимо распахнутых настезь от жары окон и видим вывеску: «Управление ирригации и мелиорации

Среднеазиатского региона». Ну вот что они делали в Москве?

А на базу ходить было хорошо: можно вволю наесться арбузов, помидоров или винограда. Правда, надо было поперебирать гнилую картошку или капусту. Но все зависело от красавицы Фирзаны, виртуозно рулившей погрузчиком: разрешит пару раз встать на весы вместе со взвешиваемым перебранным – и свободен.

Колхоз был дополнительным отпуском на две недели. Многим это нравилось. Легендой был мужик из Научно-исследовательского финансового института. В колхозе он ничего не делал, а только пьянствовал. Его за это дело выгоняли в Москву, а потом за то же самое – обратно в колхоз. Чтобы его не выловили, жил он на току, питался местными жирными голубями и вчерашней манной кашей из столовой. Выглядел упитанным и довольным жизнью.

Проверки

Кромке текущих бюджетных дел, что тоже было интересно, были проверки. Как было написано выше, проверяли все, где была валюта.

Вот выписали тебе и другим сотрудникам предписание, и – поехало. Тут только несколько примеров, да и то несерьезно.

Были такие магазины «Березка». Торговали они импортными товарами за специальные бумажки – чеки и валюту. Чеки, чтобы не усложнять, получали люди, побывавшие за границей. А за валюту – иностранцы. Но были «Березки» только для иностранцев и одна из них – в гостинице Россия. И вот пошли мы ее проверять. Пол - дня сидели в кино, попили пива и часам к пяти пришли в магазин. Предъявляем предписания, магазин закрывается и проверка начинается. Проверка всегда начиналась со стандартных процедур. Первая из них – снятие кассы. Вся наличность должна быть пересчитана, а потом результаты пересчета сверены с кассовыми документами. Совсем не сложно и мы после пива и предыдущего опыта думали справиться часа за два, а потом пойти продолжить. Тем более,

если кто знает, самим считать ничего не надо. Просто берешь пачку денег, отщипываешь несколько купюр и просишь кассира пересчитать оставшуюся пачку. Она считает, ты прибавляешь несколько своих и сравниваешь с документами.

В те времена не было евро, каждая страна имела свою валюту и каждый иностранец – засранец этой валютой и расплачивался.

Касса за день представляла собой кучу купюр разных стран разного достоинства и много средних размеров мешочков с мелочью разных стран и разного достоинства.

С мелочью я познакомился, еще работая на заводе. Не знаю, в силу, каких обстоятельств, но нас несколько человек попросили съездить в банк вместе с кассирами и охранниками за зарплатой для цеха. В банке мне дали нести небольшой мешок с чем-то на самом дне. Я его лихо схватил, но лихо тащить не смог – там была мелочь. Мелочь очень тяжелая.

Сначала мы начали пересчитывать купюры. Это сейчас, нет, даже не сейчас, а лет десять назад, все повсюду ездили и к купюрам разных стран по привычке. А мы – валютные ревизоры – контролеры, проверявшие стройки века в развивающихся странах мира, живых купюр

развитых капиталистических стран и в глаза не видели. Доверить пересчет валюты подобно пересчету рублей было опасно. Считали примерно так: один брал купюру и читал, не узнавая: гульденов триста – одна купюра, франков французских сто – две купюры и т.д. Стран со свободно конвертируемой валютой, на которую торговала «Березка», было штук двадцать, купюр разного достоинства у каждой из них – штук по пять, семь – и все нам незнакомые. А выручка за день – на несколько миллионов.

Сначала сотрудницы магазина над нами подсмеивались. Часам к десяти вечера они поняли, что таким образом считая, мы закончим дней через тридцать. И предложили тот же способ, что и для рублей. Мы сдались и часам к трем ночи все купюры были пересчитаны. Покурили, выпили по сто из запасников директора, и тут наступил полный здец – мелочь. Если к внешнему виду купюр разных стран и разного достоинства мы к середине ночи уже пригляделись, то монеты – отдельная история. Все понимали, что нельзя взять в руку монету, прочитать ее достоинство и страну – их сотни сотен. Да и на большинстве из них на орле – орел, а на решке – какая-нибудь баба.

Время уже к рассвету, мы - в полном дерьме и надо спасать ситуацию. И тут Борька, бывший директор филиала Сбербанка, предлагает директору магазина: пишите расписку, что все денежные средства были своевременно оприходованы в кассу и предъявлены проверяющим. Что это значило, не понял никто, я до сих пор тоже не понимаю. Но бумага была подписана, подшита к делу и мы пошли спать, запретив торговлю на следующий день.

День второй. Вторая стандартная процедура – инвентаризация. Надо сверить товар в магазине с товаросопроводительной документацией. Товар в магазине такой: шубы меховые – штук двадцать, икра разная – банок двести, матрешки русские с вложениями – тысяча, коньяков..., водки,..... вина..., сувенирной продукции – три тысячи. Но самое главное – изделия из золота, серебра, камней драгоценных, полудрагоценных и поделочных – на 10 миллионов рублей.

Мы в ступоре – проверять до конца жизни. И гений Боря говорит – пишите, что все было предъявлено для проверки. На том закончили к вечеру, пили уже Курвазье с икрой – и по домам.

Таких Березок по стране было сотни, но в каждой республике они назывались по-разному. Точно знаю, что на Украине это был «Каштан». Была общесоюзная проверка этих магазинов, и я, естественно, попросился в Киев. Да, относились они в Минторге к Ювелирторгам – валюта.

Приезжаю в Киев, встречаемся с замминистра торговли, потом с начальником Ювелирторга. Проверка была простенькая: как удовлетворяются запросы иностранных покупателей на продукцию местных промыслов. Идеологическая такая. Сели мы с начальником Украинского Ювелирторга, он налил по маленькой, и я его спрашиваю: а как удовлетворяются запросы на промыслы? А он и рад: того не хватает, пишем письма, а не хватает. Несет документы с запросами и ответами. Я прошу его, Вы напишите справку, и мы все исправим. Он доволен: вот, говорит, у нас сегодня заказы были и там мясо хорошее. В СССР не было хорошего мяса, а в Ювелирторге – было. Я взял килограмма два вырезки. Чтобы ни у кого не было ни капли сомнений – взятки я не брал, хотя и предлагали и много. Заплатил за мясо и домой к родственникам. А они даже не знали, что я в Киеве. Звоню, красив, с усами и с

вырезкой, которой в магазине не бывает. Радость и респект.

С этими Березками и смех и грех. Вы уже знаете, что родители мои были в Монголии и у них тоже были чеки, хоть и самого низкого пошиба, но чеки. Как-то мама приехала в Москву, уже не помню, почему и мы пошли с ней в Березку. А я, между прочим, уже после армии. Березок этих в Москве было несколько и все – по специализации: обувь, одежда, электроника, продукты и т.д. И все в разных концах, а машин то было мало у кого.

Вот мои первые покупки: туфли кожаные трехцветные (коричневое, светло – коричневое и сливочное), и давешняя мечта – шерстяная олимпийка с белой полоской по воротничку. И джинсы польские.

Еще до армии, когда я только приехал в Москву, я видел на ребятах ярко синие штаны – джинсы. Я, как дурак, спрашивал в магазинах, есть ли у них такие. Были индийские, тоже с заклепками, но продавались они в отделах рабочей одежды. Много лет спустя, когда я стал настоящим москвичом – студентом престижного института, мы с друзьями стояли зимой в длиннющей очереди в ресторан, и когда подошла наша очередь, швейцар загородил дверь своим

пузом: «В рабочей одежде в ресторан не пускаем!». Ну ладно я, у меня только джинсы, но у Горы – полный джинсовый костюм долларов за двести! Не пустили.

Возвращаясь к олимпийке, иду по Москве как павлин, красиво: сверху будто бы спортсмен, снизу туфли из Рио да Женейро. Потом родители со знакомыми подкидывали сертификаты. Помню, приехал летом в Киев, и у меня были сабо с верхом из меха. Иду, шлепаю по Хрещатику, а ко мне подкатываются местные фарцовщики с просьбой продать. Потом я уступил их родственнику.

Хорошо запомнилась командировка в Новороссийск. Проверяли состояние импорта зерна. Тогда Советский Союз импортировал миллионы тонн зерна в год, в основном фуражное. Участвовали в процессе завоза зерна много организаций: Минвнешторг, Морфлот, пароходства, железная дорога, таможня, санэпидконтроль и прочая и прочая. Результаты таких проверок были обречены на успех: каждый участник процесса жаловался на всех других, и достаточно было собрать все претензии в одну кучку и накатать письмо в Правительство, в котором виноваты были все. Впрочем, так оно и было.

По правде, люди у нас работали умные и опытные, большинство с двумя высшими образованиями, одно отраслевое, другое – Академия внешней торговли или Спецфак. Провести проверку не так просто, надо было очень много знать. Через несколько лет, когда я уже работал в крупнейшей международной аудиторской фирме, одним из главных стандартов оказалось понимание бизнеса клиента. Мы придерживались этого еще, как сейчас думают, в дремучие советские времена. Но написать хорошее письмо – это искусство. По прошествии многих лет я, конечно, его утратил, поэтому попытаюсь просто воспроизвести «рыбу»:

«Министерство финансов СССР по поручению Совета Министров СССР (П\П № от) совместно со Стройбанком СССР провели проверку хода строительства по обустройству нефтяного месторождения в Республике Ирак.

Советом Министров СССР было дано поручение (Протокол №.. от..) Государственному комитету по внешним экономическим связям ускорить работы по ...

Однако, как показала проведенная проверка, Госкомитет не... Не были произведены работы

по ...Недоставлено оборудования на ...В то же время несвоевременно, ранее установленных сроков, было поставлено оборудования на ... Командирование специалистов осуществлялось бессистемно ... Закупки местных материалов осуществлялись с нарушением действующих правил. Учет материальных ресурсов велся с нарушением действующего законодательства.....Генеральный подрядчик не обеспечил, Генеральный поставщик не

Более того Но, несмотря на Вместе с тем

Неоднократные нарушения стали возможны из-за... Руководители министерств и ведомств, вовлеченных в строительство этого объекта сотрудничества не уделяли должного внимания ...

Министерство финансов просит Совет Министров СССР дать поручение ... принять меры по ... и привлечь к ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях». А?

И эти бедные министерства и ведомства писали оправдания, мы их рассматривали, потом те писали в Совмин, тот давал здюли всем подряд, и так продолжалось до следующей проверки. Это была такая своеобразная игра в догонялки –

мы ничего не производили, но жопили, они все строили, но делали вид, что боятся, что их жопят.

Сравните этот ясный и доходчивый документ с аудиторским отчетом, коих я подписывал сотни:

Аудиторское заключение
по бухгалтерской отчетности
ОАО «АВС»

1. Мы провели аудит бухгалтерской отчетности ОАО «АВС» за период с 1 января по 31 декабря года включительно.
2. Бухгалтерская отчетность ОАО «АВС» состоит из бухгалтерского баланса, обозначенного словами «На конец отчетного периода с учетом показателей присоединенных организаций», отчета о прибылях и убытках, обозначенного словами «За отчетный период», отчета о движении капитала, отчета о движении денежных средств, приложения к бухгалтерскому балансу и пояснительной записки, в части обозначенной словами «На конец отчетного периода с учетом показателей присоединенных организаций» и «За отчетный период».

Ответственность за подготовку и предоставление этой бухгалтерской отчетности несет руководство ОАО «АВС». Наша обязанность заключается в том, чтобы выразить мнение о достоверности во всех существенных отношениях данной отчетности и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству Российской Федерации на основе проведенного аудита.

3. Аудит бухгалтерского баланса ОАО «АВС» (на тот момент ОАО по состоянию на 31 декабря года был проведен иной аудиторской организацией, чье мнение о достоверности бухгалтерской отчетности ОАО «АВС» за год, оканчивающийся 31 декабря года, было высказано в условно-положительном аудиторском заключении от..... года. В своем условно-положительном заключении эта организация обратила внимание на тот факт, что ОАО «АВС» не создало резерв по сомнительной дебиторской задолженности, создание которого регламентируется требованиями ПБУ 8/98 «Условные факты хозяйственной деятельности», что существенно повлияло

на достоверность бухгалтерской отчетности.

4. Мы провели аудит в соответствии с Федеральным Законом «Об аудиторской деятельности», утвержденными федеральными правилами (стандартами) аудиторской деятельности, правилами (стандартами) аудиторской деятельности, одобренными Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте Российской Федерации.
5. Аудит планировался и проводился таким образом, чтобы получить разумную уверенность в том, что бухгалтерская отчетность, обозначенная словами «На конец отчетного периода с учетом показателей присоединенных организаций» и «За отчетный период», не содержит существенных искажений. Аудит проводился на выборочной основе и включал в себя изучение на основе тестирования доказательств, подтверждающих значения и раскрытие информации о финансово-хозяйственной деятельности в данной бухгалтерской отчетности, оценку принципов и методов бухгалтерского учета, правил подготовки

данной бухгалтерской отчетности и значимых оценочных значений, полученных руководством аудируемого лица, а также оценку общего представления данной бухгалтерской отчетности. Мы полагаем, что проведенный аудит представляет достаточные основания для выражения нашего мнения о достоверности во всех существенных отношениях упомянутой выше бухгалтерской отчетности и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству Российской Федерации.

6. По нашему мнению, в году порядок ведения бухгалтерского учета в отношении подготовки бухгалтерской отчетности ОАО «АВС», обозначенной словами «На конец отчетного периода с учетом показателей присоединенных организаций» и «За отчетный период», отвечал требованиям Федерального Закона «О бухгалтерском учете» № 129-ФЗ от 21 ноября 1996 года, и упомянутая выше бухгалтерская отчетность, подготовленная в соответствии с тем же Законом, достоверно во всех существенных отношениях отражает финансовое

положение ОАО «АВС» на 31 декабря года и результаты его финансово-хозяйственной деятельности за период с 1 января по 31 декабря года включительно.

7. Как указано в неаудированном разделе 6 «Сопоставимость показателей бухгалтерской отчетности» пояснительной записки, ОАО «АВС» было реорганизовано ноября года путем присоединения ряда компаний. Мы не проводили аудит сравнительной бухгалтерской отчетности или каких-либо ее элементов, обозначенных словами «На начало отчетного периода с учетом показателей присоединенных организаций» и «За аналогичный период прошлого года с учетом присоединенных организаций», а также «За отчетный период с учетом присоединенных организаций», которые были включены в прилагаемую бухгалтерскую отчетность исключительно для целей представления сопоставимой финансовой информации.
8. Без внесения оговорок в наше заключение, мы обращаем внимание на раздел 4 «Анализ и оценка структуры баланса» пояснительной записки, в котором описано превышение текущих обязательств ОАО «АВС» над

текущими активами на тысяч рублей по состоянию на 31 декабря года, а также планы руководства в отношении данного дефицита оборотного капитала.

9. Прилагаемые финансовые отчеты не имеют своей целью представление финансового положения и результатов деятельности в соответствии с принципами или методами бухгалтерского учета, общепринятыми в странах и иных административно-территориальных образованиях помимо России. Соответственно, прилагаемая финансовая отчетность не предназначена для лиц, не знакомых с российскими принципами, процедурами и методами бухгалтерского учета.

.....апреля года

Партнер

О. И. Валериус

Кто-нибудь что ни - будь понял? Вообще аудит - большая фикция. Это отдельная тема, но здесь вкратце.

Были такие фарисеи. Они настолько усложнили иудаизм, что он стал непонятен и во многом обременителен для простого люда и

непостижим для язычников. Так вот бухгалтера нагромождали такую прорву понятным только им правил, что простому человеку они непостижимы. А аудиторы – это такие лукавые толмачи, пытающиеся, зачастую безуспешно, перевести бухгалтерский язык на человеческий. А Новороссийск мне не очень понравился. Море практически из города не видно - все какие-то заборы, заборы. На горе недалеко от города стоял цементный завод ,и все было покрыто тончайшей цементной пылью. После дождя, когда влага высыхала, все покрывалось слоем застывшего цемента.

Первое, что поразило, это огромные тучи голубей в порту. У причалов разгружалось несколько судов сразу и над раскрытыми трюмами с зерном вились тучи голубей. Голуби были размером с курицу. Мы нашли в городе орнитолога, и он сказал, что один голубь за день может склевать, не помню точно сколько, скажем, двести граммов зерна. Если умножить количество этих граммов на количество голубей и количество дней в году, получался один пароход. Вот находка! Да и человеческого раздолбайства было предостаточно: то пароходы идут не в графике, то вагонов не хватает, то они простаивают, сами вагоны

дырявые, все сыпется. У всех разные данные о количестве зерна. Мы проследили всю цепочку. По одной и той же партии взяли данные о весе у судна, порта, железной дороги и элеватора. У всех свои весы. Скажем, порт взвешивает выходящий вагон на своих, а через сто метров стоят весы железной дороги, и разница есть всегда, в одних случаях зерно как будто высыпалось, что вероятно, а в других – насыпалось, что невероятно. И так везде.

Я раз присутствовал на селекторном совещании. Портов, через которые импортировалось зерно было несколько и такие совещания были, очевидно, предназначены для того, чтобы скоординировать деятельность всех участников процесса. Велось совещание из Москвы двумя замами министров – Морфлота и МПС. Проходило оно примерно так. Голос из Москвы:
- Одесса!

Сдавленный голос из Одессы:

- Одесса здесь...

- Вы что там, в Одессе, совсем ох-ли?! Где вагоны?

- Да мы..- мычит Одесса.

- Не башка у тебя, а кочан капусты! - орет Москва.

Одесса молчит. Москва матом дает указания и переходит к Потти:

- Куда делись два судна из Канады?! Садись на свой гребаный ялик и п-дуй в море, ищи! Дуболомы!

Потти сопит в селектор. Следующие на очереди мы. Начальник пароходства медленно становится сизым. И о чудо! – нас пропускают! Все расслабляются, улыбаются и с удовольствием слушают как мат - перемат катится по стране дальше и дальше.

Но были и приятные моменты. Например, капитан порта звонит и приглашает на только что прибывший на рейд корабль на капитанский обед. Капитанский обед, обычно, это пиво, сауна, потом обед с обильными напитками. И так повелось каждый день, пока я не взмолился о пощаде.

Очень понравилась экскурсия в Абрау Дюрсо. Это был, кажется, единственный завод, где шампанское производилось по классической технологии. Километры подземных коридоров с деревянными двускатными панелями, в отверстия которых вставлены тысячи бутылок со зреющим шампанским. И каждая из них периодически поворачивается руками работников на несколько градусов и

перемещается в другие отверстия, где бутылка изменяет угол наклона. В каждой панели рядов по семь – восемь. Это значит, что каждую бутылку за год переместят из нижнего ряда, где она находится почти горизонтально, до верхнего, где она примет вертикальное положение. Да еще провернут вокруг оси не раз. И это, повторяю, тянется на километры. Начинаем осмотр. «Вот бутылки только поставили на стеллаж. Марья Ивановна, дайте гостям попробовать». Марья Ивановна в ватнике, маске для фехтования вынимает бутылку и длиннющим тесаком как гусар в кино саблей отрубает горлышко. Напиток разливают в солдатские алюминиевые кружки. Пробуем. Напиток так себе. Идем дальше. «Вот вино уже трехмесячного срока. Марья Ивановна, прошу!». Процедура повторяется. Идем дальше. «Вот вино шестимесячной выдержки, Марья Ивановна!». И это все кружками. Напиток становится вкуснее, Марья Ивановна – красивее. Девятимесячное, годовое, а вот – двухлетнее. Пьем уже как воду. Участок газации проходим быстро и – в дегустационный зал. До этого я пил шампанское разве что только на Новый Год, да и то покупалась одна бутылка, скажем, полусладкого. А в дегустационном зале

подают начиная от брjута и до сладкого, а потом надо вернуться опять к брjуту и тогда понимаешь разницу. Те, кто бывал на таких дегустациях, меня поймут, но только им наливали в тонкие стеклянные бокалы, а нам – по полной солдатской кружке. А если еще учесть коридоры... И вот в конце дегустации нам выдают еще по две бутылки с собой, мы раскланиваемся, благодарим, будете в Москве, заходите, и вдруг: «А кстати! Совсем забыли! Из отжимок винограда мы изготавливаем прекрасный портвейн 777! Марья Петровна!». Дальше помню плохо. Очнулись мы в поезде с ужасной головной болью. У меня никогда так голова не болела ни до, ни после. Почему-то стало жаль гусаров. Но помогло подаренное шампанское. Весь вагон недоумевал – возвращается компания командировочных и пьет шампанское в немереных количествах. Славный город Новороссийск.

Приехали как-то к нам профсоюзные руководители из Междуреченска с жалобой на директора шахты и с просьбой проверить шахту. Договорились, что мы подъедем к ним, посмотрим на месте что к чему, а потом решим окончательно. На том и расстались.

Месяца через два выдалось окошко в работе, и мы с Анатолием решили поехать. А это начало девяностых, полный разгул всего и всех, почти голод и новая эра металлических дверей. Да еще зима. Нашли визитки, адрес: Кемеровская обл. г.Междуреченск. Берем билеты до Кемерово и сразу обратные через пару дней. Приезжаем в Домодедово, а там не протолкнуться. Аэропорт старый, маленький, самолеты задерживают, народу тысячи, Не то что присесть, встать негде. Это, кстати была беда этого аэропорта. У нас часто летали команды через него. Помню, возвратились люди из командировки, рассказываю мне что да как и между прочим: в аэропорту видели Колю в подпитии. Я удивился – Коля в командировку отбыл дня три назад. Оказывается, рейс постоянно откладывали и он уже прижился в аэропорту. Ждем и мы. Проходит часа два, захотелось курить. Еле протолкались на улицу, там мороз трескучий. Курнули, а назад в тепло втиснуться не можем. Только помаленьку, как в переполненном вагоне метро протиснулись к стенке и так простояли несколько часов. Нам повезло, и мы все-таки полетели. Летим, выпили по маленькой перед аэрофлотовским обедом.

Обед несут сзади. Стюардесса из-за спины произносит какую то странную и непонятную фразу про руки. Мы руки кладем на столики и она мягко так бросает в них целлофановый пакет. Ловим и обнаруживаем в пакетах по два куриных яйца. Обед.

Прилетели утром в Кемерово и спрашиваем в аэропорту как нам добраться до Междуреченска. Девушка в справочной растерянно смотрит на нас и говорит, что можно самолетом, а можно поездом. Мы тоже растерялись. Пошли в буфет, взяли водки, ножек Буша и стали думать, куда мы попали. Вдруг Анатолий срывается с места и куда-то убегает. Возвращается с картой Кемеровской области. Оказалось, что область занимает площадь больше чем, скажем, Австрия. И Междуреченск - с другого совсем края. Решили ехать поездом, но поезд только вечером. Нашли недалеко от вокзала гостиницу, где сняли целиком восьмиместный номер. Просто большая комната с восемью кроватями. Выпили водки, закусили ножками Буша и проспали до вечера. Всю ночь ехали в каком-то раздолбаном поезде до Новокузнецка, с утра сели на электричку и к обеду оказались в Междуреченске. Пригласившие нас товарищи

были очень удивлены выбранному нами маршруту. А нам надо было уже возвращаться в Кемерово, так как билеты на обратно уже были. Ребята успокоили нас и как-то по своим каналам переоформили билеты на вылет из Новокузнецка. Первым желанием было помыться. На всем пути из Москвы не было шанса этого сделать, даже в гостинице в Кемерово не было душа. Просим помыться, а нам говорят, что и у них в городе нет горячей воды. Вот только что закончила мыться смена после забоя, может после них осталось. Радостные побежали туда, но осталось нам ровно по тазику теплой воды. И на том спасибо. Следующим утром поработали на шахте, а вечером нас обещали отвезти в Новокузнецк к самолету. Времени до вечера оставалось много, решили погулять, посмотреть город. Зрелище ужасное: один микрорайон из хрущевки, а все остальное – полуразвалившиеся хибары, где и живут шахтеры. Поест негде и нечего. Случайно набрали во дворах на рабочую столовую, где нам дали по куску вареного жесткого мяса. Пообедав, пошли в кино. В вестибюле градусов десять, не выше. Грелись в буфете ликером, больше ничего там не было. Вдруг заиграла музыка, на небольшую сцену

выпорхнула почти голая девушка и стала извиваться на полу. Смотреть страшно, особенно вблизи. Ей было реально холодно, вся покрылась гусиной кожей, стала синяя. Хоть пальто ее укрывай, хоть ликеру приноси. Но мучилась она, бедняга, недолго, прозвенел звонок. В зале гаснет свет, и я понимаю, что начинаю примерзать к пластмассовому стулу. Как и та девочка, долго я не продержался, и мы сбежали из кинотеатра. Вернулись в гостиницу, в буфете выпили водки, заели ножками Буша и чуть подремали. К вечеру пришла машина и поехали мы в аэропорт. А ехать, надо сказать, километров четыреста. Вообще, для сибиряков это не расстояние, а нас вымотало основательно: зима, скользкая дорога, ночь. В аэропорту выпили водки, съели по ножке Буша, в самолете – по два яйца и вот мы в Москве. В конце мая я собрал команду, включая иностранцев, и мы опять поехали в Междуреченск. Уже наученные опытом, летим до Новокузнецка. В аэропорту нас встречает автобус с занавесками на окнах. Ну, думаю, расстарались для иностранцев. Вхожу в автобус и обомлел – вдоль всего автобуса посреди салона стоит накрытый стол, сиденья спинкой к окнам. Все оборудовано как на корабле,

прижато что надо, прикручено где надо. Молодцы. А ехать те же километры, но не на джипе, а на автобусе, долго значит.

Поехали. Километров через двести, когда все уже подобрели, остановка. Съезжаем с трассы, едем километра два по тайге и выезжаем на изумительной красоты поляну. Впереди излучина широкой реки, за ней начинаются горы, а на поляне уже жарятся шашлыки. Поели, попили, кто хотел, искупался и – в путь. Иностранцы в шоке, они тоже кое что повидали, но такого - нет.

Поработали мы хорошо, заказчики были довольны и старались нам угодить как могли. Время, как говорилось, было голодное, но нас кормили в столовой для руководства. Однажды подали уху из рыбы, выловленной в местной реке. Дэвид, молодой американец, долго рассматривал рыбешку, потом отодвинул тарелку и тихо так говорит мне: «Они на меня смотрят». Бедняга, видел, наверное, до того лишь филе рыбы.

Запомнился главный бухгалтер. Это был сравнительно молодой парень – калека. В те времена на бухгалтеров ребята не учились, только если с какими – то отклонениями. У него в кабинете был всегда пустой стол и большой

сейф. Так как по работе с ним приходилось много общаться, я частенько к нему заглядывал. И каждый раз он вставал со стула, открывал сейф, доставал оттуда бутылку «Рояля» - это спирт такой продавался, и предлагал выпить. Я отказывался, он - нет и так по несколько раз на дню. К вечеру он напивался, и его уводили домой. Тоска была в этом городке. Но директора после нашей поездки сняли.

А вот совсем коротко. Спрашиваю в гостинице в Ульяновске, могут ли они погладить брюки. Можем, говорят, сейчас придет девушка, ей и отдайте. Стук в дверь, а так как брюки у меня одни, я стою в трусах и через приоткрытую дверь протягиваю в коридор брюки. Стою, стою – ничего. Осторожно выглядываю в коридор, там никого, только в дальнем конце мужик недоуменно оглядывается в мою сторону.

В аэропорту Быково жду задерживающийся рейс на Нижний. Наконец, часа на два позже, объявляют посадку. Подходим к самолету, а это небольшой АН, и видим, что у него бок целиком черный от копоти. Что это? Да так, говорят, после взлета из Нижнего двигатель задымил, назад вернулись, посмотрели, вроде все в порядке, вот – долетели.

Еще истории с самолетами. Начало девяностых, прилетаем в Киев. Подрулили к зданию аэропорта и стоим и стоим и стоим. Лето, духота, народ ропщет. Вижу в иллюминатор, как три мужика тащат к самолету обыкновенную стремянку и приставляют ее к раскрытой двери самолета. Экипаж слезает по этой стремянке, а мы сидим. Иностранцы взволновались «Экипаж покинул самолет!». Кто видел за рубежом экипаж, уходящий раньше, чем пассажиры? Оказалось, что в аэропорту просто не оказалось свободных трапов, и мы ждали очереди.

Много позже. Вылетаем из Киева. Лето, жара, а мы встали на рулежной дорожке и стоим. Народ волнуется. Вижу, едет к нам мужик на велосипеде. Подъехал к кабине, что - то орет. Поговорил таким образом с экипажем и уехал. Минут через двадцать едет грузовичок с тремя мужиками в кузове. Подъехали под самолет и вдруг: Бах!Бах!Бах! - будто кувалдой по фюзеляжу. Народ стал спрашивать у стюардесс, что случилось, а те как рыбы. И так долбали минут пять. Потом все стихло, грузовичок уехал, мужик на велосипеде приехал, поорал, поорал и тоже уехал. А мы полетели. Что это было – загадка.

Есть такой городок нефтяников Радужный. Мне надо было срочно возвращаться домой в Москву, но билетов не было. Местные уверили, что на самолет меня посадят и дали в сопровождающих какого-то парня. Приезжаем в аэропорт к последнему рейсу на Москву. Регистрация уже закончена, но парень спокоен как камень. Приводит ко мне дядьку в летной форме и тот ведет меня какими-то коридорами, закоулками и выводит на летное поле. В дальнем конце стоит самолет с работающими двигателями и задраенной дверью. Бежим к трапу, он жмет мне руку и убегает. А на трапе перед закрытыми дверями стоят еще три мужика. Мороз градусов двадцать, по полю ветрище. И тут – хлоп – и во всем аэропорту погас свет. Рейс был последним, аэропорт закрыли. Я понял, что если не проникну в самолет, буду ночевать в лучшем случае в аэропорту – такси уехали, а в худшем – на поле. Достал все деньги, которые были, и держу в кулаке. Вот дверь медленно приоткрывается, мужики что-то говорят в щель, а я просто протягиваю туда кулак. Дверь закрывается, но минут через пять я оказываюсь в самолете. Пассажиры недоуменно смотрят на меня – шиска что ли какая, так долго ждали. Но ведут

меня не к пассажирскому месту, а нос самолета. Там такой узкий коридорчик и слева отсек, грузовой. Ни кресел, ни света, ничего. И стоят в этом отсеке человек пять, я шестой. Летели стоя, у кого-то нашлось выпить, нам разрешили курить, первый класс, в общем. Так и долетел до Москвы как в трамвае.

Лечу в Нижневартовск, посадка в Тюмени. Пассажиров уже загнали в накопитель, народу на несколько рейсов. Но дверь на поле открыта, и я вышел покурить. Весна, светит солнышко, присел на скамейку, наслаждаюсь жизнью. Проходит девушка в униформе, все встают и идут за ней. Я тоже. Подходим к самолету и потихоньку проходим в салон. Сажусь на свое место, устраиваюсь, и вдруг понимаю, что вокруг нет ни одного знакомого лица. Интересуюсь осторожно куда летим. В Сыктывкар, говорят. Пулей вылетаю из самолета и чудом успеваю на свой, стоящий в другом конце поля. Человек рассеянный с улицы Бассейновой.

Трансаэро стала первой компанией, имевшей бизнес класс на внутренних рейсах. Нефтяники как - то сразу стали богатыми и на линии в их города бизнес класс был забит. Бизнес класс в самолетах уже появился, а в головах – еще нет.

Лечу в Нижневартовск поздно ночью из Москвы. Последним в отсек входит здоровенный мужчина в распахнутой дубленке, меховая шапка на боку, под глазом синяк и пьян вдрызг. С трудом устраивается в кресле и стюардесса тут же приносит пол стакана водки. Дядька молча выпивает и закрывает глаза. Видно, что пассажир знакомый и уважаемый. Через час полета он начинает ворочаться, кряхтеть, сопеть. Ему опять молча подносят водки. Пассажир сползает с кресла, разворачивается, становится на колени и уткнувшись головой в сиденье, засыпает. Спустя некоторое время к нему подходит стюардесса, что - то шепчет ему на ухо, он кивает, сползает на пол и укладывается в проходе. Так и спит до посадки. С утра бодренький и приосанившийся сходит по трапу и садится в прямо к трапу поданную машину.

Вылетаем из Алма- Аты. Утро. Явно ждем кого-то. Подъезжает черная Волга с нашим флажком, из нее выносят мужчину в галстуке и втроем грузят в самолет. «Посольский » - с уважением шепчет стюардесса.

Американские нефтяники начали работать в Сибири с американским масштабом. Ездить к ним в командировки было одним

удовольствием. Летали только на чартерах. Ездили на громадных джипах. На месторождения – только вертолетом. Кормил повар из Италии.

Первый чартер был из Чкаловска на самолете Главнокомандующего ВВС. Просторный салон с огромным столом посередине, кожаные желтые диваны, стереосистема, видак, стюардессы-красавицы. Загрузились, ждем. Подали по чуть-чуть и бутерброды с икрой. Ждем. Заходит командир и говорит, что на Урале идут учения ПВО и коридор закрыт. Оказывается у военных и гражданских самолетов были разные коридоры. Ждали часа три. Весело взлетели и весело долетели. Я в конце полета попросился в кабину к пилотам посмотреть посадку. Пилоты тоже чуть приняли и были добрыми. Это очень красивое зрелище: ночь, чистый прозрачный воздух, полоса видна издалека, посадочные огни. Фантастика. Я знал, что в кабине большой экипаж, человек пять. Но я не знал, что все они так заняты при посадке. Наушников у меня не было, поэтому из-за гула двигателей слов было не разобрать, но было видно, что все они что-то говорят все время, что-то крутят, чем-то щелкают. Работа кипит.

Чуть позже мы с женой возвращались из Лондона на British Airways. Во время рулежки к нам подходит стюардесса и говорит, что капитан приглашает нас в кокпит. Я сначала подумал, что я не понял, но это оказалось правдой. Проходим, нас усаживают в два раскладывающихся кресла, прикрепленных к задней стенке кабины. Экипаж – два человека, из них одна женщина. Приветливо улыбаются и знаками просят не разговаривать. Взлетаем, как на машине едем. Первый пилот при этом попивает кофе. Женщина явно любит небо, показывает нам на летящие в разных направлениях самолеты. Все без суеты, переговоров. И я вспомнил посадку на ТУ. Когда взлетели, зашла стюардесса и отвела нас в салон. Почему нас пригласили, почему именно нас – загадка.

А американцы стали экономить. Один раз в чартер взяли самолет, наверное, министра сельского хозяйства или геологии: весь салон был заставлен аппаратурой наблюдения за землей. Было очень интересно смотреть в разные окуляры, очень сильно приближавшие землю. Когда не было облаков, можно было разглядеть даже машины. Может ЦРУ взяло этот самолет в чартер?

Поколесил я по стране много, и писать обо всем просто нереально. Здесь были лишь некоторые картинки.

www.zviahel.ucoz.ru

Специальный факультет

В конце семидесятых в Финансовом институте создали Специальный факультет. Набирали туда учиться со всего Союза людей с опытом и готовили из них экономических советников для работы в развивающихся странах. Задумка была хорошая и учили хорошо. Направляли на учебу только по рекомендации местных партийных органов и после собеседования в ЦК КПСС.

Прорвался туда и я и опять с согласия Партии. Ну как ее не благодарить: два высших образования и оба с ее благословения. Все как положено, вступительные экзамены, банковская и финансовая группы, одни мужики. Очень хорошо давали языки – по четыре часа в день. У меня был первый английский, я взял испанский и к концу учебы довольно бегло говорил и читал. Потом несколько лет получал надбавку. Была такая практика надбавок за знание языка, если он применялся на работе. Я получал за два по 10% за каждый. С остальными предметами у меня проблем вообще не было, т.к. в основном преподавали по курсу МЭО, который я прошел всего четыре года назад. Да и преподаватели меня помнили. Ребятам с периферии было трудно – многим было далеко

за сорок, с руководящих должностей, а тут язык, незнакомые науки, да и жить пришлось в общежитии, в отрыве от семьи. Но из нашего набора вышло несколько известных людей. Парень из Прибалтики прославился тем, что перед выходом своей республики из СССР попробовал продать несколько миллиардов рублей за немного долларов. Был громкий скандал, но пронесло в связи с развалом. Другого посадили за массовую торговлю золотыми монетами Внешторгбанка, где он и работал. Учился с нами и будущий премьер министр будущей независимой республики. Правда, потом он попал в опалу.

Как-то быстро образовалось несколько групп, одна, конечно, москвичи, а остальные больше по признаку проживания по разным общежитиям. Но жили дружно. Взрослые дядьки, учатся с утра до обеда, им платят сто процентов заработной платы, ну что тут не учиться.

И москвичи загуляли. Обнаглели вконец, а преподаватели ничего поделать не могут – что можно сделать с человеком, рекомендованным ЦК КПСС? Пожаловаться? Что, Партия ошиблась? Уходили, обычно после занятий по языку, шли в кино, пить пиво, просто погулять

по ВДНХ. У нас были книжечки, как студенческие билеты и мы проходили на выставку со скидкой. Один раз только поймали «студента» из Оренбурга. Было лето, а он шел в костюме, галстуке, в очках и шляпе. Вахтерша как заорет: «Да какой ты студент, посмотри на свою рожу!» и вытолкала его взащей.

Были в группе несколько человек, которые уже поработали за границей и у них были машины. На них мы разъезжали по пивбарам, которых в Москве было всего несколько и далеко друг от друга, а в теплое время – купаться.

Вот лишь несколько зарисовок.

Учился у нас грузин. Очень хороший, дружелюбный, но несколько провинциально наивный. Мы с ним стали друзьями, переписываемся до сих пор. Он никогда не ел креветок, не пил водки и не умел плавать, но как говорил тосты! В самом начале учебы он пригласил меня сходить в ресторан. Сам он не знал в какой, но сказал, чтобы был очень хороший. Пошли мы в Москву, днем. Еще пустой зал, залитый солнцем, белоснежные скатерти, официантки в наколках в углу за столом раскладывают веером бумажные салфетки. «Дэвушки!», ноль реакции. «Дэвушки!», ноль реакции. Наконец, одна

подходит и протягивает меню. «Нэ надо. Дайте мне и моему другу свежей зелени, сыр сулугуни и бутылку Кинцмараули, пожалуйста!», правой рукой делает круговой жест и откидывается на спинку стула. «Есть салат из огурцов и помидоров, сыр пармезан, а из вина – молдавское». И смотрит как на недоумков: приперлись в ресторан, а заказывают на пять рублей. Грузин в шоке, еле его успокоил. Поклевали то, что дали.

Довольно часто мы после занятий забегали в буфеты третьеразрядных гостиниц, которых было много вокруг института. Брали с собой, а там заказывали пельмени и все это по быстрому – могла застучать милиция. Вообще, распитие своего напитка в столовой было процессом высокотехнологичным. Во-первых нужны стаканы, и тут было два варианта. По первому можно было взять компот, отпить половину и туда налит водки. Но так было невкусно и существовал риск, и такие случаи были, что нагрянувшая милиция интересовалась, а почему это такой светлый компот. По второму варианту стаканы брались сразу на мойке взамен на обещание отдать пустые бутылки, а это двенадцать копеек за штуку. Но тогда на столе скапливалось слишком большое

количество стаканов. А если взять компот, сразу его выпить, а потом налить туда водку и опять сразу выпить, то с пустыми стаканами можно было распрощаться – их сразу забирали уборщицы. Поэтому варианты со стаканами применялись в зависимости от конкретной обстановки. Садиться надо было по возможности подальше от входа и один из собутыльников всегда должен сидеть лицом ко входу. Разливать и выпивать надо быстро и быстро избавляться от пустой бутылки. Курить надо под стол и по очереди. А тут встает грузин, только-только начавший пить в тридцать лет водку, и на всю столовку начинает говорить красивый, но опасно длинный тост. Если дергать его за брюки, он обижается. Просто беда. Я научил его ходить в бани, ему нравилось.

Один из владельцев машин по неосторожности и страсти подцепил легкую болезнь и, дабы избежать любой огласки, попросил своего друга сделать несколько уколов. А тот занес ему гепатит. Так этот автолюбитель просто умолял нас распивать у него в машине: так, говорит, хорошо: народ добрый, поговорить можно.

Был в группе бывший крупный ревизор. Он считался богатыньким, у него была масса

знакомых директоров магазинов, он мог провести нас, например, в ресторан Дома писателей, не говоря уже о Доме художников. Жил он за городом и часто мы провожали его на вокзал, но не из большой любви, а потому, что на вокзале был хороший буфет и он нас там угощал. Обычно, на следующий день ревизор приходил в институт смущенным: он всегда в электричке засыпал и то терял, то у него крали сумки с продуктами, которыми его отоваривали в Москве знакомые завмаги. Но дальше все шло как шло.

И вот, наконец, деканат не выдержал наши проказы, и было велено созвать партийное собрание по поводу прогулов. Парторгом у нас был парень из банка. Я его заметил еще на вступительном экзамене по истории Партии. Все перед аудиторией лихорадочно листали толстые учебники по этой истории, а он безмятежно улыбался и хвастал, по какому учебнику он готовился. Это была тонкая книжка «История КПСС для профсоюзного работника». Там даже картинки были со скачущими всадниками Красной Армии и тракторами. За такие глубокие знания мы и избрали его парторгом. Вот ведет он собрание, перед ним список прогульщиков с количеством прогулов.

Начинает читать список, а у него самого фамилия на А, он первый в списке и прогулов у него больше всех. Но честно себя критикует и говорит, что обязуется сократить прогулы до приемлемого уровня. Следующим по списку я, тоже обещаю. Обещают и остальные. На том и порешили. Но гулять меньше не стали и деканат в конце - концов плюнул. Дело дошло до того, что при выдаче дипломов выяснилось, что один из владельцев машин вообще не сдал два экзамена за прошлый год. Не сдал не потому, что не сдал, а потому, что не сдавал, прогулял. А парторг меня как-то спрашивает с загадочным видом, не пробовал ли я из ствола у чаши. Я вообще ничего не понял, и он обещал мне показать. Приглашает меня в кино за свой счет, там предлагает покурить, а курилки были в туалетах. Потом неожиданно зовет меня в кабинку. Входим, запираемся, он достает из-за пазухи бутылку портвейна и предлагает выпить, де еще и из горлышка. Вот, говорит, ствол и показывает на горлышко, а вот – ваза, показывает на унитаз. Хотел - получи.

В конце учебы у нас была заграничная практика на три месяца. Тех, кто изучал испанский, посылали на Кубу, но меня туда не пустил первый отдел по причине секретности. Послали

меня в ГДР почему-то. Поехали мы с ревизором, который действительно учил два года немецкий.

Прилетаем в Берлин, никто нас не встречает, денег у нас нет – ехали мы по аттестатам, что это такое расскажу попозже. Надо как-то добираться до того самого Apparata советника, куда мы были командированы. И тут выясняется, что Ревизор не умеет говорить по немецки. Или умеет, но боится. Впадает в ступор и молчит. А я вообще кроме айн, цвай, драй ничего не знаю. И видно настолько мы растерялись, что нас заметил кто-то из соотечественников и подвез до этого самого Apparata. Apparatom Советника по экономическим вопросам называлось представительство ГКЭС за рубежом. А уж ГКЭСовцев я знал как облупленных. Заходим в здание и первым, на кого я натыкаюсь – знакомый из них. Пообнимались, смотрю, Ревизор приободрился. Провели нас к Советнику, представляемся: так, мол, и так, выпускники спецфака, прибыли на практику, вот командировочные удостоверения. Советник – ни сном, ни духом, знать ничего не знает и что делать с нами, не представляет. Потом разговорились, вспомнили общих знакомых, он

подобрел. Вызвал сотрудников, представил нас, определил на квартиру, велел выдать денег на первое время. Но еще раз сказал, что ума не приложит, что с нами делать, тем боле, что один вообще не знает местного языка. Про знание языка Ревизором я промолчал. Единственное, о чем нас попросили – не уезжать из Берлина без предупреждения.

Дали нам день на обустройство и подвезли до дома на машине. Жильем оказалась однокомнатная квартира с большой кухней. На кухне все есть, в комнате две кровати, тумбочки, шкаф. Я сам в Минфине принимал участие в разработке норм проживания советских специалистов за границей – все по нормам. Распаковались, выпили за приезд и пошли погулять – оглядеться. Все было замечательно: весна, солнечно, зеленый район с парком, чистенько и вокруг много наших. Как потом, оказалось, жили мы в Карлсхосте. Это почти пригород с маленькими довоенными домиками, как у Штирлица. Несколько пятиэтажек, где проживали, в основном, наши военные, рядом Дом офицеров с кинотеатром, магазин военторг. В Карлсхосте подписывали капитуляцию Германии.

Вот в первую прогулку мы и заглянули в этот военторг. Ревизор аж остолбенел, все видел, а такого – нет. Мясо - на прилавке, колбас – сосисок - сарделек пятьдесят сортов, сыры, пиво немецкое – десять сортов, пиво чешское – пять, водок - двадцать и в придачу вобла. «Вот бы где ревизором!» прошептал он. И мы не выдержали – устроили пир горой. После пира поздно вечером нас понесло опять гулять. Зачем-то сели на какой-то трамвай, уехали вообще в деревню. Языка не знаем, адреса, где живем, не знаем. А немцы ложатся спать рано, на улицах пусто. Нашли гаштет, стали интересоваться, не говорит ли кто по - русски. На наше счастье нашелся парень и объяснил по приметам как добраться обратно. На следующий день проспали до обеда, побрились, помылись, а как ехать на работу – не знаем. Я помню, что Аппарат был рядом с Посольством, а Посольство по кино – рядом с Бранденбургскими воротами. Спросили у наших, те сказали, что ехать надо на S-бане. Это как наше метро, но ходит над землей. Входим в вестибюль и начинаем наблюдать, как себя ведут местные. Есть касса, там берут билетки, потом их компостируют и проходят к поездам. Никаких турникетов. Я прошу Ревизора купить

билетики до Бранденбургских ворот, он упирается, говорит, что они этого не учили. Сююсь в кассу, произношу Бранденбург, как ворота – то я не знаю. Кассирша мотает головой – найн говорит. Наверное, думает, что я в Бранденбург на метро уехать хочу. Плюнули мы, и пошли без билетов. Кстати, понаблюдав несколько дней как работает система, мы поняли, что компостеры не меняют и, пробив билетик один раз, можно по нему ездить хоть всю жизнь. Пунктуальные немцы этого не понимали. Это напомнило мне стройотряд на Сахалине. Каждое утро мы садились в автобус, на задней стенке которого висел плакат: «Приобретайте билеты! Совесть – лучший контролер!». И каждый раз Сергей громко говорил: «Но и этого контролера можно обмануть!».

Так вот, подходят поезда, объявляют что-то по немецки, а какой поезд нам нужен, разобраться невозможно. Но не даром я владел двумя языками – услышал «Ундер дер линден». А это улица, упирающаяся в Бранденбургские ворота. Вскочили в поезд и добрались. Никто нас не хватился, долго искали место, куда нас посадить и, наконец, нашли. Это была большая комната в

подвале, предназначенная для каких – то заседаний.

И началась практика. Проходила она примерно так. Мы приходили на работу, исправно интересовались, не надо ли чего сделать, получали отрицательный ответ и уходили в свою комнату. Ревизор шел играть в домино с водителями, я читал свежие газеты из Союза. Потом шли обедать, после обеда сдвигали стулья и спали часа два. К вечеру ехали домой. Недели через две на работу стали просто заглядывать, а так целыми днями шлялись по Берлину, ходили в кино в Дом офицеров и в местные кинотеатры. Стали приглядываться к магазинам. И вот однажды Советник дал нам задание – делать обзор местной и западногерманской прессы. И мы поняли, что влипли, ведь Ревизор не только говорить не мог или боялся, он и читать не мог или боялся. А мои знания немецкого расширились до «Цвай маль гросс бир унд дабль водка, бите». Думали- думали и придумали, завернули за угол и пошли в наше Посольство. Там, как положено, представились и попросили встречи с сотрудником, занимающимся обзором прессы. Вышел молодой парень, мы ему все рассказали, пригласили вечером на пиво, и он

стал нас снабжать малой толикой тех обзоров по экономике, которые готовило Посольство. Советник был доволен. Но вскоре вернулся ответственный за это работник, и мы опять остались не у дел. Разболтались мы совсем и на работу стали захаживать изредка. Но так как на развлечения нужны деньги, а их надо экономить для покупок, получалась не жизнь, а времяпровождение – и на работе делать нечего и без нее тоже. Мы уже обошли все музеи, съездили в Дрезден, Вюнсдорф (это штаб квартира советских войск в ГДР). И решили мы поездить за счет государства. Пришли к советнику и сказали, что нам надо будет писать отчет по практике, а писать то и нечего. У нас будут неприятности, и его не похвалят. Есть предложение: темой отчета будет ход строительства атомной станции Норд (это север ГДР). Советник даже обрадовался, ему приходилось отчитываться перед Москвой по этому вопросу, но сам он полагался только на то, что ему говорили. А тут целых два ревизора. Дал он нам официальные бумаги на проверку строительства, выдали нам командировочные и мы поехали. Проверять там особо было нечего, да и долго ли умечи. Но неделя пляжей за государственный счет была обеспечена.

Вернулись загорелые, с отчетом, нам почет и уважение. И опять делать нечего. Вызывает как-то Советник и, смущаясь, просит об одолжении. У Apparata была представительская дача недалеко от Берлина и через неделю собирались туда высокие гости. А дача не ухожена – надо постричь траву, кусты, собрать листья и все такое. А сотрудников у него для этого нет и времени нет сделать все самому. Не могли бы мы помочь? Могли! Привозят нас на дачу, место сказочное. Сосновый лес, большое озеро, лодка, катамаран, рядом село с гаштетом и магазином. Было у нас дней пять. До обеда мы в удовольствие стригли, мели, прибивали. Потом шли купаться, обедали в гаштете с пивом. Потом дремали. К вечеру обычно делали шашлык, немного выпивали иплыли на рыбалку. В озере было много рыбы, особенно угрей. Из них варили уху, коптили, рыбешку жарили с собранными в округе грибами. К назначенному дню все блестело и сияло, гостям даже подали копченых угрей. Все прошло на высшем уровне и нам дали три дня отпуска на той же даче. Правда, потом оказалось, что для ловли рыбы надо было покупать разрешение, да там всякие ограничения, но нам сошло с рук.

А практика подходила к концу, и пора было делать гешефт. Надо было найти товар, который в Союзе можно было загнать с наибольшей эффективностью. Выбор пал на синтетические ковры. Мы сговорились с друзьями-шоферами и они привезли нас на двух машинах в прикормленный магазин. Мы там купили по три ковра и тайком перевезли их на квартиру. Тайком потому, что такая спекуляция не поощрялась. Денег осталось только-только, но морды мы за это время на сосисках и пиве наели будь здоров.

Нас очень тепло провожали, предлагали отвезти в аэропорт, но мы отказались – ковры. За время жизни на квартире мы перезнакомились с соседями, вместе ходили в гаштет, кино, ходили в гости. Один капитан обещал нас отвезти в аэропорт, так что проблем с эти не было.

Проблемы начались в Москве. Несколько ковров не прилетело нашим рейсом. Пришлось мотаться а Шереметьево встречать их еще раз. Но самое подлое: Союз закупил партию таких же ковров и стояли они везде, даже в хозяйственных магазинах. Сделать гешефт на них оказалось невозможным, их и просто продать было нельзя. Так окончился, не начавшись, моя карьера предпринимателя.

Сейчас люди, едущие за границу то ли работать, то ли отдыхать потеряли сладость этого слова. Ездят многие и много, видят мир, вкушают плоды цивилизации и это здорово.

Когда я работал на заводе, у меня был дружок Колька, который в шутку мечтал быть собственным корреспондентом журнала «Бюллетень по обмену жилой площади» в Сингапуре. Все смеялись не только потому, что у такого издания не могло быть такой должности, а потому еще, что никому не светило побывать в Сингапуре.

Но если ты попал в узкий круг одобренных Партией к поездкам за пределы Родины, считай, что жизнь удалась.

Каждая командировка оформлялась кучей документов: характеристиками, подписанными профкомом, комсомольской организацией, парткомом, рекомендациями, анкетами, поначалу даже вызывали в ЦК на собеседования. Сито было то еще, не говоря об органах. У меня сохранилась характеристика для выезда, где написано: «Разведен. Причины развода партийной организации известны и не могут служить препятствием для выезда за границу». Сильно?

Сильнейшей мотивацией стремиться в этот круг была корысть. За одну командировку можно было привезти богатства, которого хватало надолго. Я лично, когда мы с женой начинали новую жизнь с нуля в прямом материальном смысле, привозил, скажем, двухкассетник и на деньги от его продажи обзаводились ложками-вилками и прочим скарбом. Двухкассетник- это магнитофон, на котором можно было записать запись с одной понравившейся тебе кассеты на другую. Это как сейчас скачать из интернета нужную тебе музыку.

Для тех, кому интересно, могу немного рассказать, откуда такое богатство проистекало. В Минфине был специальный отдел по установлению зарплат и уровня командировочных для советских граждан за рубежом. Конечно, я не знал и не знаю всех тонкостей, но методика расчета оплаты был установлен еще Советом Народных Комиссаров где - то в конце двадцатых годов прошлого века. Строилась она на списке необходимого для жизни набора продуктов, товаров и услуг. Мне его показывал начальник этого отдела. Там, например, определялось, сколько можно было съесть гражданину РСФСР за рубежом определенных продуктов, сколько сносить

носков за год, костюмов и т.д. Этот список просто чуть обновлялся, а цены – корректировались по разным источникам. Как признавался начальник этого отдела, в принципе, проблем не было, за исключением маленьких деталей. Например, там предусматривалась стоимость помывки в бане раз в неделю. А бани в Европе после войны пропали – у всех появились ванны. Галоши, полагающиеся советскому человеку за рубежом на десять лет пара, тоже исчезли. Валенки тоже вышли из обращения.

Уровень командировочных был в среднем по 15 долларов в день. Поэтому из командировок все приезжали подтянутыми и стройными – мало того, что на эти деньги не поешь толком, надо было еще и экономить для гешефта.

Итак, команда для выезда определена, план проверки согласован и начинается главное согласование: кто что может достать. Все, включая женщин, берут по две бутылки водки, это не обсуждается. Список был стандартным, но с учетом особенности страны, в которую собирались ехать: хлеб, соль, перец, консервы мясные, рыбные, рис, гречка, макароны, колбаса копченая, рыба красная, икра, масло сливочное, сахар, печенье, конфеты, сыр, чай,

кофе и все, что может пригодиться для готовки в течение трех-четырех недель. Обычно, в развивающихся странах мы жили в съемных квартирах или строительных вагончиках с кухней и готовить можно было все. Поэтому на еду уже не тратились, и денег для покупок оставалось «много». Правда, выбор товаров для перепродажи был ограничен. В капстранах, где жили в гостинице, сварить кашу, естественно было нельзя, питаться консервами и колбасой было, конечно, можно, но надо было и подкупать продукты в магазинах. Так что денег оставалось совсем мало, но выбор был безграничен. В любом случае нужна была стратегия. Например, в Нигерии купить ничего было нельзя, но обратный рейс в Москву делал посадку на Мальте. Посадка была глубокой ночью, и был риск, что дьюти фри мог быть закрыт. Вот и гадай тут. Мне повезло, магазин был открыт и все сто с лишним человек купили по «Шарпу». Такие возвращающиеся из-за границы люди назывались обшарпанными. Если бы купить магнитофон не удалось, привезенная домой валюта могла быть использована с гораздо меньшей эффективностью.

Скажем, из Афганистана везли какие-то ленточки, бусинки, пуговики и прочую дребедень. Небольшую коробку тебе собирали продавцы, знавшие, что пользуется спросом. Они же давали имя покупателя. В Термезе на вокзале толклись местные торгоши. Спрашиваешь, кто из них такой-то и отдаешь ему коробку. В обмен тут же получаешь внушительную пачку рублей. Из Ирака везли тончайшую ткань. Ее помещали в вакуумную упаковку, и получался небольшой сверток. В Москве везли в определенный комиссионный магазин, упаковку вскрывали и там оказывалось сотня метров, за которые платили бешенные деньги. В Монголии было специальное управление рабочего снабжения. Мы просто писали список, что кому надо, от полотенец и костюмов до дубленок монгольского производства с пятнами от клещей. Волчьи шапки распределял профком. Дня через три привозили большие коробки, набитые импортным барахлом по ценам раза в три дешевле, чем в Союзе. Но это было только для личного потребления. В капстранах тоже можно было приборохлиться и прикупить магнитофон для продажи.

Моей первой заграничной командировкой был Афганистан. Конечно, это было событие и я с тех пор, бывая на Востоке, испытываю те же чувства, что и в первый раз: горячий воздух, запахи, шум толпы, даже цвета, все отличает Восток от Европы. Войны тогда еще не было, но повстанцы уже давали о себе знать. По пути в Афганистан я в первый раз побывал и нашей Средней Азии. Городок Термез на советско-афганской границе показался большим пыльным восточным базаром. Я купил несколько небольших дынь, которые в Москве были тогда большой редкостью. Дыни оказались незрелыми. Переход границы происходил на речном трамвайчике, таком же, что курсировали по Москве реке, но этот ходил по реке Сыр Дарья (или Аму Дарья?). На нем была гордая надпись «Среднеазиатское речное пароходство» и было таких трамвайчиков два. А так все, как положено: таможенники, пограничники. С нами проходил границу афганский парень, только что закончивший институт в СССР. У него на перевязи через плечо висело штук десять простых алюминиевых чайников. Наши его не пропускают, много, мол. Тот чуть не плачет: у меня братьев пять сестер пять, мама, папа, и так не всем хватает, и так на

меня обидятся. Меня село провожало в Союз, говорили умный приедешь, надежда наша, помощь от тебя будет, а я даже чайников не всем везу. Позор будет.» Наши пропустили, а на том берегу два чайника отобрали – у тех пограничников тоже родня есть.

Жили мы в маленьких глинобитных домиках. Это была моя первая заграничная проверка. Чтобы понять, как все это работало, необходимо сделать экскурс в политэкономия социализма. СССР оказывал техническую помощь развивающимся странам и, естественно, странам социализма. Все началось с Китая – мы там построили сотни крупнейших заводов, потом – Индия. Я в этом уже столетии был на конференции там, и подходили уже новые владельцы тех предприятий, а это были гигантские предприятия, и просили найти в России проектные институты. Пора пришла для реконструкции, а исходная документация утрачена. Потом пошел Восток, Африка, были крупные проекты и в Европе и Латинской Америке.

С политической точки зрения все было понятно. Но даже с экономической это было выгодно, если это не была безвозмездная помощь. Скажем, мы строим завод по производству

удобрений в североафриканской стране. Если посчитать наши затраты с тем, что нам платили за него, да еще в кредит, одни убытки. Но, как правило, такие проекты осуществлялись в рамках межправительственных соглашений, предусматривающих большой спектр сотрудничества. Помню, в одной из африканских стран мы проверяли строительство нефтепровода. Строить закончили уже давным давно, а соглашение об окончании нашей стороне не подписывали. По контракту мы были обязаны озеленить трассу нефтепровода с тем, чтобы там не осыпалась земля. А трасса – по пустыне. Наши держали в стране сотни людей, они поливали пустыню, а кустики не приживаются. Мы все это написали и, по существующим правилам, доложили Послу. Он понимающе покивал головой и пригласил меня в порт. Та в самом углу стояла у причала подлодка. Она стоила в три раза больше, чем весь нефтепроводный проект, а тем более его озеленение.

Кроме этого, на заработанную по убыточным проектам валюту покупали по импорту, скажем, зонтики. Их цена на внутреннем рынке была в десятки раз выше и, таким образом покрывался

бюджетный дефицит по строительству и даже образовывалась прибыль.

В Афганистане я впервые увидел восточный базар – горы овощей, фруктов, разных товаров. После более чем скромных магазинов в Москве это была какая-то вакханалия запахов, цвета и шума и гама. Продавцу нельзя было смотреть в глаза, он тебя уже не отпускал, хватал ха руки, бежал за тобой, громко крича и жестикулируя. Можно было торговаться, причем торг начинался, когда цену сбавляешь вполовину. Как они держали в голове цены на все свои товары и норму прибыли по ним, ума не приложу. В конце –концов продавец опускал голову: «Нет, бакшиш мало», но тут же с энтузиазмом начинал навязывать другой товар. Мы просто объедались копеечными дынями, арбузами, фруктами и овощами. Мясо, в основном баранину, покупали тушками и местные рабочие готовили их нам на углях. Объедение невероятное.

Мы как-то заглянули в местный общепит. Коронным блюдом там был шашлык на спицах. На них нанизываются малюсенькие кусочки мяса, которое готовится за две-три минуты. Подается сразу много таких шпажек и острый соус. Сидим, едим, я оглядываю эту чайхану и

вижу такую картину. В дальнем углу натянута занавеска, один краешек ее загнулся и видна человеческая нога, стоящая пяткой в тазу. Между пальцами ноги зажат нож, о который мелькающие руки режут мясо, падающее в таз. Так готовят шашлык. Мы бегом домой - напиться водки для дезинфекции.

Интересное зрелище - это ковровые рынки. На Востоке молодая жена стоит дешево – еще ничего не умеет. А вот когда женщина уже умеет ткать ковры, цена ее резко возрастает. Сами ковры ткются только вручную, расцветки не очень яркие, но орнамент очень красивый. Ковры на рынке лежат прямо на земле и покупатели ходят по ним не стесняясь. Нам говорили, что чем дольше ковер топчется, тем он лучше и дороже. Оказывается, таким образом закрепляются узелки и ковер становится крепче.

Я уже писал, что войны еще не было, но пошла чехарда со сменой президентов; у Генерального директора строительства за сейфом хранились портреты уже свергнутых правителей. Хранились на всякий случай. Жили мы на площадке строительства и нас несколько раз подымали по ночам по тревоге. Говорили, что вот если эта банда захватит такой-то кишлак, то

мы будем тикать. Кишлак отбивали, мы никуда не тикали, но было тревожно, особенно по ночам. Одной такой ночью мы переполошились не на шутку. В глинобитных домиках, таких, как наш, стекол не было, а оконные проемы были заложены верблюжьей колючкой. Это были своеобразные кондиционеры: из сверху прикрепленных бутылей на колючку постоянно капала вода, она испарялась и получалась прохлада. Но видеть через такие окна нельзя. И вот ночью рядом с домом послышался какой-то шум, движение. Мы перепугались, решили, что это душманы гяуров резать пришли. Выскочили во двор и видим, что через невысокий заборчик тянется что-то длинное к нашему окну. Чиркнули зажигалкой – это оказался верблюд, решивший через забор полакомиться нашей колючкой. А мы чуть не обосрались.

Обратно в Союз мы возвращались через Кабул – надо было доложить результаты Послу. Недалеко был военный аэродром Баграм и нас устроили на военный транспортный самолет. Летели мы на куче авиационных бомб, упакованных в деревянные решетчатые ящики и закрепленные в фюзеляже сеткой. Прилетаем в Кабул, сходим по аппарели вниз, но никто нас не встречает. Не встречают и бомбы. Экипаж

помаялся- помаялся, потом ногами столкали все эти бомбы вниз, и самолет улетел. Убежать, конечно, надо было, но тогда бы мы точно потерялись. Так и прождали часа два на пекле рядом с кучей бомб пока нас не забрали.

От пережитого стресса в гостинице выпили водки и пошли в офицерский клуб в кино. Посредине сеанса зажигается свет и раздается команда: «Военным переводчикам на выход!», ребята повыскакивали, оставшиеся пошухукались и сеанс продолжился. Потом опять зажигается свет, и приказывают всем немедленно по домам и носа оттуда не высовывать. Затаились мы в своей комнате, информации никакой, допиваем последнюю водку. Вдруг вдалеке бабах и еще и еще. И так минут двадцать, потом все стихло. Наутро оказалось, что поднял восстание танковый батальон, но мятеж подавили. На крупных перекрестках стояли попарно танки, улицы патрулировали военные. Слава богу, мы в этот день доложились и вечером улетели. А скоро началась война.

В Англии я был раз десять. Так что здесь воспоминания будут все в кучу. Лондон поначалу мне не понравился: мрачноватая архитектура, незнакомая и непонятная

культура, столпотворение народа разных рас, мусор на тротуарах и там же - лежащие в проемах стен бродяги, даже язык не тот, что нам преподавали. Помню, я попал в выходные на уличный рынок в ряды кожаной одежды. Иду в коридоре из пальто и курток, темновато и вдруг вижу, что навстречу мне движется не то парень, не то девушка с петушиным гребнем на голове, лицо размалевано косметикой, на теле татуировки, жуть жуткая. И бежать стыдно и встретиться вплотную боязно. Так я через стену из курток сквозанул в соседний коридор и ходу оттуда.

Но постепенно город захватывает, притягивает и манит. Те, кто учил английский, помнит наверняка урок «Прогулки по Лондону». Я эти уроки учил, кажется, в каждом классе школы и раз пять в институте и слабо надеялся, что мне это пригодится. Конечно, кое что в голове застряло. Бредешь наугад, а я люблю просто без путеводителя прогуляться по незнакомому месту, и вдруг – бах – Пикадилли. Или долго - долго идешь по какой – ни будь дороге и выходишь на площадь, на противоположном конце которой узнаешь Букингемский дворец. Которого до этого никогда не видел, а узнаешь. Поразили маленькие дети. Холодно, сыро,

родители везут их в сидячих колясках, ноги голые, одеты кое - как, из носа сопля текут, но все довольны: и родители и дети. Начинаешь привыкать к людям и оказывается, что они очень доброжелательные, если спросить дорогу, будут объяснять долго и подробно. А уж если живешь в одном месте больше недели, все становятся друзьями: в магазине спрашивают как дела, в пабе обязательно заведут разговор просто ни о чем, да и незнакомцы всегда улыбнутся, поздороваются. Очень контрастировало с каменными лицами соотечественников. Мы, почему – то стеснялись узнавать соотечественников.

Я восхищаюсь англичанами. Если найти карту Британской империи и задуматься, как эта горстка островитян смогла ее создать, ответа нет. Надо пожить среди них и только тогда появляется самая слабая надежда, как ты думаешь, что ты начинаешь их понимать. Потом понимаешь, что опять ничего не понимаешь. Они мыслят и оперируют другими, отличными от наших категориями. Мы огромная страна, вобравшая в себя множество территорий народов и культур. Они - маленький остров с двумя-тремя доминирующими и всегда конкурирующими народами и культурами,

вместе освоившими половину мира с сотнями народов и культур. Рука дернулась напечатать «завоевавшими», но усилием разума я заставил ее напечатать «освоившими». Да, было оружие. Но результат совсем другой. Я видел много стран когда-то бывших колониями. Но только в английских сохранился дух метрополии, язык остался практически общенациональным и до сих пор ходят поезда и пароходы, доставшиеся от Англии. И, главное, нет ненависти к колонизаторам. Наша империя развалилась, оставив если не ненависть, то неприязнь друг к другу бывших братьев. Быть членом Содружества – почетно и выгодно.

Сами островитяне уникальны. Занявшись здоровьем, я заявил своему английскому другу, что их традиционная яичница с беконом – просто смерть от холестерина. Он вроде и не отреагировал, а потом так тихо и искренне: «Ты подрываешь основы Империи». Как – то мы отдыхали в Средней Англии, так называются графства, равноудаленные от всех морей, окружающих Остров. Жили на территории старинного замка, окруженного полями созревшей уже пшеницы. По сложившейся традиции, хозяйка замка пригласила всех постояльцев на презентацию. Это был не очень

большой, старинный замок, переходивший по наследству уже лет триста. Последним наследником был ее муж, тоже присутствовавший в зале. В Англии есть правила, что владельцы подобных замков могут получить огромные освобождения от налогов и помощь государства в поддержании замков, если они позволяют доступ туда туристам. В этом замке был курорт высшего класса. Итак, миниатюрная женщина лет пятидесяти рассказывает нам об истории замка, его бывших и нынешних владельцах, главный из которых, ее муж, сидит рядом. Всем гостям разносят шампанское, а владельцу специальный слуга в небольшой стакан периодически подливает что-то коричневое – виски, видать. Леди Гамильтон, так зовут супругу хозяина замка, в своем рассказе периодически упоминает своего мужа – сэра Гамильтона. Тот царственным жестом поднимает свой стакан, обводит рукой всю аудиторию и, выставив кадык, выпивает. Через раз десять таких ссылок стало видно, что он, мало сказать, пьян. За все это время он не произнес ни слова, только совершал свои ритуальные действия. Это какую же надо иметь веру в мужа, не спрятать его в башне, не отправить в больницу, не отсудить

замок, и не стыдиться приводить его на такие собрания. Это достойно леди. Мы много гуляли по окрестным полям, иногда встречали ее с собакой. Завидев нас издалека, она брала собаку на поводок и первая, как мы не старались опередить ее, здоровалась и интересовалась, как нам тут живется. Сэра я встречал лишь пару раз, он так же царственно кланялся, но было впечатление, что он так же поступает и с телеграфными столбами. Кстати, у них был сын – мельник. Да, у него была водяная старинная мельница, там он сам молот муку, была таверна, где подавали чай и выпечку из этой муки. Мы для прогулки ходили туда частенько, вкусно пили чай, а он приезжал в папин замок на «Бентли» играть в гольф.

Очень запомнилась рыбалка там. Поинтересовался на ресепшн правилами рыбалки, сказали, что нужна лицензия. От замка до ближайшего городка было несколько километров и никакого сообщения кроме такси. Вызываю такси, едем туда, а на почте, где продают лицензии, перерыв. Вызов такси в город стоил 15 фунтов, из города обратно тоже пятнадцать, держать такси тоже дорого. Решили приехать в другой раз. На следующий день поехали опять, еще 30 фунтов, лицензия 20

фунтов., удочки да снасти фунтов на 30. Сережа даже неизвестно зачем купил накомарник. Наконец сели на берегу, ловим. Подходят отдыхающие, что-то спрашивают, как клюет, наверное. Ни одного слова, касающегося рыбалки я не знаю. Глупо улыбаюсь, прикладываю палец к губам, тише, мол. А тут еще местный лебедь, как только закину удочку, плывет, подлец, кормиться. Не рыбалка, а мытарства. Да и не клюет вообще – наживка – то хлебный мякиш. На следующий день пошел к местным рыбакам поспросать. Вот как на английском наживка? И я таким корявым вопросом, примерно: что вы имеете на крючке? заставил их задуматься. Позже узнал, что для рыболовного крючка в английском есть пять слов, но никак ни то, что употребил я. Пришлось попросить просто показать наживку, оказалось опарыши. Где взять? Опять отправляют в город. Поехал – еще фунты, да плюс опарыши. Но все равно не клюнуло ни разу. За эти деньги можно было сходить в дорогой рыбный ресторан или купить несколько килограмм рыбы. Вот в таких ужасных условиях живут английские рыбаки. Зарегламентировано все: на каждом дубе таблички с номерами, идешь по полям, вдруг табличка: частная собственность и от ворот

поворот. Мне знакомый англичанин рассказывал, что нельзя делать барбекю, если ветер дует в сторону соседей. В Лондоне захотелось пить, я заскочил в ближайшее кафе за бутылочкой воды, купил и на выход. Стой, говорят, у нас нет лицензии на вынос. Пришли с другом Сережей на конюшню покататься на лошадях. Нет, говорят, сейчас лошадей, хотя я вижу, что есть. Вам, говорят, нужны другие. Пришли на следующий день и нам подводят двух громадных битюгов: вот, говорят по правилам вам подходят такие. И везли же их черт знает откуда специально для нас.

А я, еще ничего такого не зная, пригласил моего друга англичанина на шашлыки в Подмосковье. Поехали в лес, по пути заскочили с черного входа в закрытый еще ресторан за коньяком. В лесу нашли хорошую поляну, завалили пару засохших берез чтобы сидеть, развели костер и далее по программе. Смотрю, он весь напряжен, оглядывается по сторонам. Спрашиваю, что не так, а он в ответ: что будет, когда нас поймают? Я недоумеваю, кто поймает и за что. В Англии, говорит, за все это положено тюрьма. За ресторан, за вход в лес, за березы, за дрова, за костер. Еле объяснили, что у нас демократия.

Про моего английского друга можно рассказывать бесконечно. Вообще-то он шотландец. Поначалу, хоть мы и учили историю Европы в школе, а в институте на уроках английского - краткую историю Великобритании, для нас понятие Юнайтед Кингдом было как Советский Союз. А в то время, согласно официальной пропаганде, у нас уже сформировалась историческая общность – советский народ. Я так и думал, что и у них тоже единая общность, английский народ. Ан, побывав там, я понял, что это далеко не так. Говорят по-разному, думают по-разному, живут по-разному. Не помню, рассказывал ли я, но, назвав эдинбургскому таксисту отель, куда мне надо было ехать, тот ответил такое, что я не понял. Хотя отель принадлежал известной международной сети. Я еще раз, он не понимает. Я высунулся из такси и спросил в толпу, говорит ли кто-нибудь по-английски. Нашлись добрые люди и объяснили таксисту, что это за отель. У нас продают виски «Шивас Ригал». Нет такого виски в Шотландии. Они производят «Страсайлс Регал». И это правильное произношение, шотландское. Я был свидетелем, когда на переговорах кто-то

спросил: «Scott?» и, получив положительный ответ, подписал контракт.

Кроме похода в лес у него было, по крайней мере, еще два культурных шока, и оба они связаны с Украиной.

Надо было открывать офис в Украине. У меня там была куча связей где надо, и мы поехали вместе с Лоренцом. Всю жизнь я ездил в Киев на поезде. Вечером сел, в вагон-ресторан сходил, поспал и утром в Киеве. Да и цена дешевле, чем самолетом. Да и привычка. А иностранцы, напуганные огромностью нашей территории, во всюду летали самолетом.

Что значило в советское время лететь в Киев самолетом? Дороговато. Ехать во Внуково на такси, как сейчас это принято, было очень дорогим барством. Лучшим маршрутом было доехать на метро до Аэровокзала на Ленинградке. Там можно было сразу зарегистрироваться на рейс, сдать багаж и вас автобусом Икарус подавали прямо к трапу самолета. Удобно, но долго. На метро час, регистрация час, Икарусом час, полет час, выгрузка час, до Киева час. Итого 6 часов без отдыха и хорошей еды, все всухомятку.

Что значило в советское время ехать в Киев поездом? Час на метро, сел в вагон, пошел в

вагон ресторан. А там подавали поджаренную свиную колбаску колечком и портвейн. С раннего утра были остановки уже на Украине с бабушками, продающими различную снедь. В 9 утра уже в Киеве.

Вот и повез я своего шотландского коллегу в Киев на поезде. Все по программе, с рестораном. Легли часов в двенадцать, а в шесть я его поднял в Конотопе, предложив на ранний завтрак купленную на платформе отварную картошечку, сдобренную нерафинированным подсолнечным маслом и укропчиком, чуть присыпанную шкварками. На второе были вареные раки и по бутылке пива. Долго потом он вспоминал.

В Киеве было много дел, мы разделились и встретились уже вечером в гостиничном ресторане. Делимся впечатлениями, и тут он мне поведал страшную историю. Он обедал с сотрудником английского консульства в Киеве: «Олег, он заказал бутылку коньяка и практически всю ее выпил за обедом!». Я не удивился, а он поражался – коньяк только после ужина вечером, у камина, мало.

Прошло время, все иностранцы пообвыкли, ничему такому не удивлялись, а некоторые и втянулись. Поначалу я их предупреждал, что

нельзя совмещать различные традиции питья: говорить тосты с водкой, а вино пить как привыкли, свободно запивая блюда. Результаты были понятные.

Возвращаясь к моему английскому другу Лоренцу. Я ему очень благодарен – он многому меня научил, можно сказать изменил мою жизнь. Уже потом, он женился на нашей женщине, своими руками построил дачу с баней и прудом. Я как-то пригласил его на рыбалку на Волгу. Мои знакомые поначалу подкалывали его, но потом зауважали: он не меньше их добывал рыбы, общался на хорошем русском, ходил с ними в баню, к месту выпивал. Еще раз выражаю уважение великим британцам!

Англичане могут быть недружелюбны по им только понятным причинам, но если они сочли тебя своим другом - это дорого стоит. Я никакой бильярдист, но бывая в командировках, в силу необходимости в бильярд играл. Естественно в русский. Там стол большой, шары равны размеру лузы, кии достойные. И вот в Лондоне в пабе, меня пригласил местный крутой сыграть с ним. А у них шары меньше лузы в два раза, стол меньше чем для пинг-понга, да и кии как указки.

Выставил он треугольник, мне бить первым. После Монголии я все шары закатил минуты за три. Напарник недоволен, что-то пытается объяснить на кокни, я не понимаю. Решили повторить, Начал он. Как-то осторожно бил один шар, потам примеривался к другому, промазал и отошел. Я добил все оставшееся за две минуты. Конкуrent махнул рукой и проставил пиво. Позже я узнал, что там другие правила. И последний штрих. Нас пригласил на ужин один из топ менеджеров крупнейшей международной компании. Начали мы в пабе двенадцатого, если не ошибаюсь, века. Это такое деревянное узкое, этажа в три сооружение, зажатое между двумя викторианской эпохи домами. Когдаходишь, то бар от двери всего в трех метрах, в комнате вмещается пять маленьких столиков. Наверх ведет узкая лестница, там тоже столиков пять, а на третьем этаже – три. Все в старинном дереве, пиво вкусное. В этот паб простым смертным вход заказан – только для старинных фамилий и их гостей. Паб находится на пути ежегодного выезда Королевы в Парламент. На места в этом пабе на это время среди членов клуба проводится аукцион. Ставки – до тысяч фунтов.

Выпили мы там с подачи члена кружек по пять. А мужику – лет шестьдесят пять. Потом поехали в бар, где подают до шестидесяти сортов пива. Пили пиво, которое знаменито тем, что варят его на севере. Потом разливают в большие бочки и везут на телегах в Лондон в течение месяца. Причем не по шоссе, а по специальным дорожкам, чтобы трясло как в старину. Потом в Лондоне оно дозревает еще месяц. Выпили тоже много. А потом он повез нас в джаз-клуб. Там было много народа, душно, громко и хозяин стал наливать себя и нас вином. Я решил сбежать – мы попросились в туалет и не вернулись. Оказалось, что этот клуб был в Сохо. Ночь, к нам пристают черные проститутки и их здоровенные сутенеры. Фильм ужасов. На следующий день мы проспали, на работу опоздали. Только приходим – звонок от нашего вчерашнего друга – срочно приезжайте, машина ждет внизу. Приехали, у него глаза горят, чуть не кричит – поехали. Опять куда – то мчимся, приезжаем к колониального вида зданию. Оказался клуб. Опять для избранных. Думаю, что с утра - то он пить не начнет. Но нет – начал. Омары, пиво, крабы, пиво, вино, омары. Часа в два перерыв. Пошли в диванную, подремали. Опять в ресторан. Бифштекс, пиво,

виски с мороженым. Мы опять ушли туалетом. На третий день звонит, но мы сказали, что уезжаем домой, хотя жить оставалось больше месяца. Разве не достойна такая нация уважения?

В начале девяностых я прожил в Лондоне месяца три, жил на квартире, на Бейкер стрит. От метро до дома можно было идти двумя путями, но и там и там нужно было проходить мимо пабов. День на третий я решил заглянуть в один из них после работы. В то время в Москве пиво пили возле ларьков из принесенных с собой пакетов из-под молока. Пакеты складывались и легко помещались в карман – очень удобно и гигиенично. Обычно носили по два – три пакета: сразу наливаешь несколько и не надо толкаться каждый раз в очереди.

Пабы заполняются часов в восемь, так что когда я зашел, народа почти не было, сел за столик, жду. Потом понимаю, что заказывать надо у стойки. Подхожу к бармену и на чистейшем английском прошу у него три лагера. Сажусь за столик, жду. Мне приносят кружку пива и говорят: «Пожалуйста, остальное пиво мы принесем, как только появятся Ваши друзья». До меня доходит, что здесь не надо заказывать

сразу несколько кружек, что сделать такой заказ мне подсказал условный инстинкт, выработанный питьем пива при социализме. Кстати, похожий случай произошел со мной и позже, на Мальте. Мы с семьей прекрасно пообедали морепродуктами, и я решил закончить рюмкой коньяка. Подзываю официанта и прошу дать мне коньяку, а он спрашивает, какой я предпочитаю в это время суток. Я так с барственной ленцой: «А какой у есть?». Официант вежливо берет меня под руку и подводит к барной стойке, а там – десятки сортов, выбирайте, сэръ. Я готов был провалиться сквозь землю.

Кстати, о еде. Любите ли вы утку так, как люблю ее я? А я ее люблю так, как Паниковский любил гуся. Золотистая корочка, пропитанная жирком гречневая каша или яблоки, а запах!

Сингапур, сидим в китайском ресторане, ждем утку по пекински. Для меня – первый раз в жизни. Наконец два официанты везут столик с двумя блюдами и кучей приамбасов. Аккуратно срезают кожицу, ломтики раскладывают на тарелки. Опытные коллеги объясняют, что делать и как есть. Вкусно! И вдруг как удар ниже пояса – оголенных уток увозят на кухню. Практически целых! Я аж

подавился, просил вернуть – не положено. Так полуголодный и ушел.

Как – то в Лондоне меня пригласили в один из самых дорогих рыбных ресторанов. Каждому приносят по блюду диаметром в полметра. Все блюдо занимает салмон толщиной в 0, 02 мм. Лазером что ли они его режут – тарелка сквозь рыбу просвечивается. Все отрезают по маленькому кусочку, смакуют, закатывают глаза и покачивают головами. Я вообще ем быстро, даже излишне торопливо. Это с армии - прощелкаешь клювом, а тут: «Вторая рота! Встать, выходи строиться!», и все, до ужина голодный. Вот я и сгреб английский кулинарный изыск в кучку и проглотил ее в два захода без пауз. Потом час сидел, любовался ужимками соседей и ушел вообще голодным.

Австрийская кухня не отличается разнообразием, особенно на лыжных курортах: гуляш да сосиски с колбасками. Через неделю захотел чего-то другого. И тут я вспомнил, как в Германии ел рульку, айсбайн, по-моему. Его надо заказывать за сутки, как-то по особенному подготавливать и получается фантастически вкусно.

Решили попробовать и здесь. Спрашиваю у официанта по английски, есть ли у них айсбайн.

Он извиняюще пожимает плечами, не понимаю, мол. Жена спрашивает по немецки, реакция та же. Опять вступаю в переговоры: швайн лэг, говорю. Швайн это по немецки свинья, лэг по английски – нога. Чушь получается. Тут жена говорит, что это не нога, а коленка и тычет себя в коленку, повторяя швайне, швайне, а я жестами показываю, что я ем и получаю удовольствие. Посетители оборачиваются. Растерянный официант вызывает старшего и что-то объясняет ему, мне кажется – собираются вызывать карету скорой помощи. А мы выразительно продолжаем изображать, что мы едим швайне коленку. И тут меня осеняет и я говорю уже старшому, что все это в Германии называется айсбайн. Старшой от радости аж заорал: А! Герштейн! (я, конечно, вру, не помню этого слова, но пусть будет герштейн). Нет, говорит, в меню нет, но для вас приготовим. Договорились на следующий день, и черт меня дернул договориться на обед.

Приходим, нас уже ждут, провожают за столик в углу и приносят по кружке пива от заведения. Ресторанчик маленький, столики впритык. Минут через десять из кухни появляется телега, маленькая, но телега, на которой возвышается гора снеди, а по краям – две двухлитровых

кружки пива. Телега между столиками не пролазит, посетителям приходится вставать чтобы ее пропустить, и так через весь зал. А посетители – лыжники, обедающие сосисками и картофелем фри. А тут волокут обед для Гаргантюа. Слышатся перешептывания со словом «Русланд». Наконец, телегу пропихнули, а на ней рулька килограммов на восемь! И где они такого хряка откопали? А к ней капуста тушенная трех сортов, свекла, репа, яблоки моченые и прочая и прочая тоже кило на пять. И стали мы есть и пить. Через десять минут мы были уже сыты, а гора не уменьшилась. Смотрю, посетители не расходятся и исподтишка подглядывают за нами, ждут, паразиты, когда же мы, наконец, лопнем. Нет, думаю, русские не сдаются! Отдохнул и опять приступил. Все, сейчас лопну. А на улице аж очередь собралась, ведь никто не уходит. Мы сдаемся, чувствуем себя ужасно, хочется лечь и не шевелиться. Народ зашушукался, стал собираться и, по-моему, давать друг другу деньги, ставки делали, видать. Остатки нам завернули с собой. Еле добрались до гостиницы. Беру ключи от номера, а портье спрашивает: «Дас ист герштейн гуд?». Я чуть не смазал его по морде пакетом с едой.

Пригласил жену на новогодние праздники в Лондон и устроил ей шикарный прием: самые вкусные продукты, шампанское, свечи. Это когда в Москве продавали только целлофановые пакеты. Потом водил по городу. Потом пошли по магазинам. Мне очень нравилось ей помогать после московских пакетов, а она вела себя очень трезво и быстро. Потом все поуспокоилось и девушка стала вникать в детали, т.е смотреть на каждый ярлык, не стесняясь просила примерить. И я стал беспокоиться. Я как покупаю - захожу и покупаю и ей так же предлагаю. Нет, не хочет. Я обучил ее пяти ключевым фразам шопинга, сам садился где-нибудь пить пиво и включался в процесс в случае крайней необходимости. Жена стала корить, мало, мол, внимания.

Сам я покупаю как ем – быстро. Будучи человеком самодостаточным, терпеть не могу, когда ко мне в магазине подходят продавцы и спрашивают, чем могут помочь. Особенно в Росси. Вот подходит пигалица и спрашивает: Чем могу помочь? Я говорю: мне нужен офисный костюм, к нему две рубашки и три галстука. И что они спрашивают? А какой у вас размер, а какие вам нужны галстуки, а... ????. Хочется надавать по попе.

Захожу в Лондоне в отдел одежды. Подходит дядька лет как мне сейчас и говорит: я заметил, что вы взглянули на вешалки деловых костюмов. Я могу вам предложить на ваш размер следующие модели. Присядьте. И тащит и тащит, и тут же подшивают, укорачивают и удлиняют. И ты ошарашено выходишь с тремя костюмами, четырьмя сорочками и шестью галстуками. И все это стоит ненамного дороже, чем ты рассчитывал. Но самое страшное, если ты оставляешь вещи на пригонку и через неделю приходишь в отдел и менеджер бежит к тебе и искренне приветствует: мистер Валериус, как мы Вас ждали!!! У меня очень хороший район. Я очень хороший покупатель, я знаю по имени всех продавщиц в ключевых департаментах. Мне шестьдесят и я помню их имена. Ни одна из них не помнит и помнить не хочет ни моего имени, ни имени моей жены. Какая - то общая абстиненция.

Вообще наша сфера обслуживания заслуживает ропота. Когда сыну было годика три, он попал под велосипед. Дело было во время отдыха на Балтийском море. В медпункте его обмазали зеленой, и он резко выделялся в толпе отдыхающих. На рынке подходим к бабушке,

торгующей клубникой: «Ой, малыш, да кто ж тебя так?!». Смущаясь, сын бормочет: «Ехал пьяный мужик на велосипеде и меня переехал». «Маленький, на тебе от бабушки еще клубнички». У прилавка со смородиной: «Бедненький, да что-ж случилось?». Уверенным голосом: «Ехал пьяный мужик на велосипеде и меня переехал». «Возьми, внучок еще смородинки, сладкая». У третьей продавщицы сын, не дожидаясь вопросов, выставил левую ногу вперед, руки – в боки и как патефон: «Ехал пьяный мужик на велосипеде и меня переехал!» за что получил еще что-то. И пошло – поехало, стал зарабатывать себе на жизнь этой жуткой историей.

Двадцать лет спустя я вернулся с дачи, и жена нашла на мне клеща. Сама его вытащила, обработала ранку, но настояла, что бы я обратился к врачу. По моим школьным познаниям я решил, что обращаться надо в санэпидстанцию. Минут сорок дозванивался до районной СЭС. Наконец отвечают: «Да!». Почему-то все в нашей стране отвечают «Да!». Так и хочется сказать: «Манда!». Я ей: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, надо ли делать что-нибудь еще?» Молчит. Минуту спустя,

совещались, видно: «Запишите телефон». Записал, звоню. «Да!». «Это кто?», спрашиваю. «Городская СЭС». «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, надо ли делать что-нибудь еще?». «Запишите телефон». Записал, звоню. «Да!». (Манда) «Это кто?», спрашиваю. «Центральная лаборатория». Я как патефон: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, надо ли делать что-нибудь еще?». «Привозите вашего клеща на анализы. Делаем два вида анализов, общая стоимость восемьсот рублей». «А какие и по чем?». «Один по полеомелиту, но в Подмосковье его нет, а другой (я уж не помню, как называется). Но можете и не привозить» и повесила трубку. Я опешил. На все это ушло еще около часа.

Жена взяла дело в свои руки и говорит звонить в нашу поликлинику. Звоним: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, надо ли делать что-нибудь еще?». «Езжайте в травмапункт!» и вешает трубку. Минут тридцать добирались до травмапункта. Спрашиваю в регистратуре: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, что надо делать?». Послали в кабинет, рядом с которым сидят люди с

переломанными ногами-руками. Удивляюсь. Вхожу к травматологу: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали». Теперь он удивляется: «А ко мне зачем?». «В поликлинике сказали». Чуть промешкался: «Покажите». Показал. «Вам к эпидемиологу надо». Пошли опять в регистратуру: «Нам бы к эпидемиологу». «Двадцать шестой кабинет». Поднимаемся к кабинету – заперто. Спускаемся в регистратуру: «Нет там никого». «А она заболела». Немая сцена. Говорит жена: «Теперь я правды добьюсь!» и повела меня в нашу поликлинику. Приходим в регистратуру: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали, что надо делать?». «Идите в травмапункт!». Тут мы стали смеяться в голос, а регистраторша обиделась. Потом отошла и повела нас к врачу. Отсидел я минут сорок под дверью, вхожу: «Вот, приехал с дачи, меня укусил клещ, его вытащили, ранку обработали». «Покажите». Показал. Выписала направление на анализ крови. На следующий день отсидел натошак час, кровь сдал. А так, как направление выписывала не мой участковый, то анализы где-то затерялись. Все ничем и кончилось.

Приезжаю как-то с дачи домой, а там половина спальни затоплено. ЖЭковцы, идиоты, без всякого предупреждения испытывали надежность трубопроводов, повысив давление в два раза. Батарею и порвало. Вызвал аварийную бригаду, явились через час, а я все собираю воду тазиками. Но они только перекрыли стояк, а дальше – как хотите! Метался я, метался – без результата. Наутро звонят из ЖЗКа и говорят, что есть у них волшебник – слесарь. Я, конечно, соглашаюсь. Часа через два звонок. Трубка говорит голосом, как некогда говорили люди определенной профессии: « Просим Вас зайти к нам в 14:00, кабинет 124, к майору Слесарчуку». Правда, на этот раз звонил слесарь. Я аж привстал по старой памяти. Помню, когда мы жили всей семьей у бабушки и к телефону подходил отец, расслабленно так, в шароварах: Алло! Потом лицо суровело, корпус вытягивался: «Да, товарищ генерал, так точно! Будет исполнено!». Слесарь работал два дня в три приема и содрал с моей безысходности сумму, которую если пересчитать на часовую ставку, то она превышала мою в два раза.

Возвращаясь к Лондону. Сижу, пиво попиваю, приходит жена и просит там с чем-то помочь.

Конечно, пошел, помог. И вот мы спускаемся по боковой лестнице, и я вижу картину: на ступеньках сидит поникшая фигура, сосущая пиво из банки. И это в дорогом магазине. Мы его так осторожно обходим и вдруг вслед: Олег! Привет! Оборачиваюсь и с трудом узнаю своего сокурсника. Я точно знал, что он с женой уже давно живут в Париже. Вот, думаю, горе какое случилось с человеком, бомжом стал. Стесняясь, спрашиваю: могу ли я ему чем помочь. А он говорит, что могу, если найти в магазине его жену (тоже нашу сокурсницу). Оказывается они приехали в Лондон на шопинг, и она пропала в этом магазине. Вот он и горюет на лестнице. По громкоговорящей связи ее вызвали, потом все это дело отметили. Я к чему - все мужики - гады, и брать их в магазин себе дороже.

Вот пример командировки в Лондон. Был кем-то придуманный порядок, что загранпаспорта выдавали накануне поездки, а суточные в СКВ выписывали на руководителя делегации, который сам их раздавал по приезду к месту назначения. Кстати, паспорта считались собственностью СССР и их надо было сдавать в консульство в замен на справку, а по возвращению домой – в отдел кадров, где они

и хранились. Вместо валюты выдавали дорожные чеки.

Прилетели в Лондон, нас разместили в гостинице и первым делом мы поехали в банк получать наличные. Приезжаем все вместе – я не хочу рисковать и таскаться по городу с такой огромной суммой денег. Заполняю все чеки, сдаю их кассиру. Через несколько минут мне в лоток кладут запаянный полиэтиленовый пакет с деньгами. Мы все кучкой отходим чуть в сторону, и я решаю поделить деньги тут же – пусть каждый отвечает за свои сам. Пакет сделан из толстущего полиэтилена и рваться никак не хочет. Каждый пытается это сделать: дай я, дай я, но ничего не выходит. Тогда я плавлю уголок зажигалкой и начинаю рвать пакет зубами. Вдруг замечаю краем глаза, что за стеклом собралась кучка работников банка и с интересом и удивлением наблюдают за нами. Наконец, пакет разорван и начинается дележ денег. Купюры не позволяют поделить как положено по норме, идем менять, потом нужна мелочь. В общем, делим деньги на виду у всех как туземцы подарки колонизаторов. Когда дележ был закончен, банкиры нам аплодировали.

Несколько раньше я возвращался из Нигерии, и моей соседкой слева оказалась местная девушка, очевидно, впервые летевшая на самолете. Когда принесли аэрофлотовский обед, она очень внимательно следила, за тем, как и что я делаю. Например, чтобы развернуть обертку на кусочке масла, надо найти красненькую полоску и потянуть за нее. Девушка скопировала. Чтобы открыть горячее блюдо, надо найти язычок на крышке из фольги и тянуть за него. Девушка скопировала. Оставался еще джем, но я не хотел его и отложил в сторону. Девушка ждала, ждала, потом стала вертеть коробочку и, не найдя решения, пустила в ход зубы. Точно как я потом в английском банке.

С собой даже, если жили в гостинице, обязательно брались из дома продукты: колбаса, консервы, печенье, сыр, все, что могло более или менее долго храниться без холодильника. Вечером после работы все, а это человек пять собираются вместе в одном из номеров. Каждый приносит что-нибудь съестное, разливается водка и начинается ужин. Вскрывается тушенка, режется колбаса и сыр, кипятильником греется вода для чая. Ужин длится долго, спешить некуда, надо успеть

лишь до закрытия бара, чтобы выпить по кружке пива. После второй закуриваем кто «Приму», кто «Дымок». Гостиницы, на которые хватало денег – это максимум три звезды, часто на два с плюсом. Комнатушка метров семь: кровать, тумбочка и маленький столик. И в ней пять мужиков жрут, пьют и курят в течение пары часов. Я как – то с утра забыл документы в номере и вынужден был вернуться. Картина маслом: дверь в мой номер открыта, задницей к ней стоит чернокожая уборщица и, зажмурившись, прыскает в дверь протянутой назад рукой освежитель в смертельных дозах. Она, видите ли, войти без этой процедуры в номер брезгует. А я ничего – спал крепко всю ночь. Правда, номер выглядит непрезентабельно: на полу сырные и колбасные шкурки, везде крошки, корки, мусорное ведро забито пустыми консервными банками и бутылками, на спинке кровати сушатся носки, а в душевой, она же туалет – рубашки. Живем- то долго, стираться надо. Через несколько дней ко мне подошел менеджер и интеллигентно так объяснил, что, мол, ужинать своими продуктами в номерах не в правилах отеля, в отеле есть ресторан, а пить спиртное вообще не принято – в гостинице есть

бар. И уборщицы зарплату получают только за то, чтобы убрать постель, пропылесосит пол и протереть пыль. А в наших номерах работы на пол - дня, и персонал просит увеличить зарплату. На что я ему тоже интеллигентно объяснил, что мы живем у них долго и нас много, да мы еще и рекомендуем этот замечательный отель своим соотечественникам (хотя рекомендовали его соответствующие органы). И если мы съедем, он потеряет клиентуру. Сошлись на том, что мы обязались не свинячить в номерах и выносить мусор на помойку.

В Англии розетки, которые я больше нигде не встречал. В магазинах продаются адаптеры, поэтому проблем с использованием приборов из других стран нет. Но наши и здесь впереди планеты всей. Один из коллег создал конструкцию, позволяющую пользоваться электричеством во всех странах и на всех континентах. Прибор представлял собой цоколь обычной электрической лампочки без баллона с припаянными к нему длинными проводами и кипятильником на другом конце. По его утверждениям, цоколи везде одинаковые: вывинтил любую лампочку, ввинтил на ее место прибор – кипятит воду хоть для чая, хоть для

супа. Раз решил он напоить нас чаем, ввинтил свой прибор, где-то что-то коротнуло и наше крыло гостиницы погрузилось во тьму. Да коротнуло так, что англичане не могли справиться с проблемой дня два.

С куревом тоже своя история. Один раз в пабе я решил купить в автомате сигареты. Выбрал марку, бросил деньги, нажал кнопку, автомат рыкнул, но ничего не произошло. Я даже не нашел окошка, куда вывалились бы сигареты. Стал ощупывать его, бесполезно. Решил долбануть его, долбанул – ничего. Бармен, увидев мои старания, подошел, снизу потянул ящичек, в котором и лежали мои сигареты. Туземщина.

Конечно, наши сигареты были крепки и вонючи для окружающих, но, кстати, ароматны для курящего. Эффект сигары. Мы с коллегой как-то провели несколько дней в одной местной компании, где нам рассказывали о ее работе. Занятия длились почти целый день, люди менялись, а мы слушали и слушали. Уже в то время в Англии не курили в офисах, но еще можно было покурить на, скажем, лестницах. Но нам, как почетным гостям, разрешили курить в кабинете. И вот раз примерно в час, я откидываюсь на спинку стула и тянусь в карман

висящего не ней пиджака за сигаретами. Англичанин с выражением ужаса на лице замирает и делает паузу – видать, ему уже рассказали. Я медленно достаю «Приму», чиркаю спичками из отеля и с наслаждением затягиваюсь, выпуская потом ароматные клубы дыма. Быстро объявляется перерыв. Если раньше сессии длились часа по полтора, теперь стали минут сорок. Потом девушка, которая сопровождала нас, спросила, почему я курю такие крепкие сигареты. Я решил разориться и купил «Мальборо». Спустя неделю опять: почему курю крепкие «Мальборо», но больше на уступки я не пошел.

Соблазнов в Лондоне было море. И сдерживала нас не только боязнь попасться, но и нехватка денег. За аморалку можно было не только лишиться загранкомандировок, но и вылететь из партии, а это полный здец. И случаи такие были, и я знал людей, попавших в такой переплет за невинный теперь визит в пип-шоу.

Однажды директор компании, которую мы проверяли, пригласил нас вечером в ресторан отметить окончание этой проверки. Не помню почему, но я не мог поехать со всеми сразу после работы, заехал в гостиницу, там переоделся и приехал к ресторану чуть позже. У

входа стоит огромный негр в ливрее и говорит, что без пиджака и галстука он меня в ресторан пустить не может. А на мне свитер и рубашка под ним. Но, говорит страж, мы можем дать Вам и пиджак, и галстук за умеренную плату. Делать нечего, надо соглашаться. И он выдает мне толстенный твидовый пиджак и какой-то галстук. Я повязываю галстук, одеваю пиджак, и моментально покрываюсь испариной: на мне рубашка с галстуком, свитер и твидовый пиджак. Как космонавт в скафандре начинаю спускаться по длинному узкому коридору куда-то вниз. Вот в конце уже виден пол зала, в который этот коридор ведет, потом – чьи – то ноги и женские тоже, потом обзор расширяется, женские ноги удлиняются, уже видны много выше колен. У меня появляется нехорошее чувство. И вот вхожу в ярко освещенный зал, и меня пробивает зрелище, как у Золя: в углу у бара стоит вся наша компашка, а вокруг нее вьются полуголые барышни. Мы ж не знали, что такое стрингеры и лифчики из ленточки. Трусы – так трусы, да еще в нашем холодном климате, лифчики – так лифчики. И барышни эти приветливо улыбаются, что-то чирикают, а мои ребята навалились локтями на стойку и выставляют в сторону барышень зады. Такую же

картину я видел на сафари в Африке: копытные, чую опасность, поворачиваются к ней задом. Если смотреть фильм, там мною снятый, то видны не зебры и антилопы, а их зады. Инстинкт травоядных проявился в минуту опасности и у нашей делегации. Подхожу к пригласившему нас директору и спрашиваю, что ж ты, мил человек, творишь? А он успокаивает, мол, это такой маркетинговый ход у них, на спиртное клиентов раскручивают, сейчас в зал пойдем, они и отвяжутся. Я в ответ резонно: это мы в парткоме будем про этот маркетинг рассказывать? Гони, говорю их отсюда. А тут уже и ко мне блондинка подходит, улыбается, спрашивает, откуда я, нравится ли мне Лондон. Я тоже занимаю оборонительную позицию, хватаю пол - бокала виски и делаю вид, что я глухонемой. Девушка, так же улыбаясь, отходит, но вместо нее подходит другая, только уже брюнетка. Решили, наверное, что мне блондинки не нравятся. Тоже очень приветливая и следов порока на лице не видно. Опять спрашивает, откуда я. Виски свое дело сделали и я говорю, почему то: «Поланд». Не любил я тогда поляков за что-то. Наконец, двигаем в зал, начинаем рассаживаться за большим столом, и к своему ужасу вижу, что

девицы рассаживаются между нами. А виски уже согрели, а пиджак на мне твидовый, да еще и свитер с рубашкой. Насквозь мокрый, я к директору: что ж ты, подлец этакий, творишь? А он – это хозяин за счет заведения для уважаемых гостей и в поддержку перестройки. Делать нечего, но начали пить тройными порциями. Девушки оказались совершенно не страшными, на колени не лезли, непристойных предложений не делали, а были простыми студентками, подрабатывающими в этом ресторане таким образом. Когда же распахнулся на сцене занавес и начался стриптиз, я подумал как в том анекдоте: «Вот теперь - пиздец».

Лондон можно любить и за его выкрутасы. Например, моюсь в душе, и внезапно кончается горячая вода. Еле домываюсь холодной, звоню хозяйке квартиры и она в ответ: «Дорогой мой, лимит горячей воды закончился», а до конца месяца дней десять. Доплатил, но потом воду экономил – ополоснулся, выключил пока намыливаешься, опять ополоснулся. И все. Вспомнил Диккенса, где в одной теплой воде мылась вся семья. Или такой случай. Спешу на работу и не могу найти туфли – как сквозь землю провалились. Рылся - рылся и

совершенно случайно нашел их в платяном шкафу. Кому у нас в голову придет ставить зимой туфли в платяной шкаф? А английской уборщице пришло – протерла пыль и поставила. В январе за последние сто лет выпал и остался лежать снег. И никто его на тротуарах не убирает. Мы нашли в подвале лопаты и в субботу стали расчищать рядом с нашим подъездом дорожку. Все удивленно оглядываются, не знают, бедолаги, что такое субботник. Потом дядька седой останавливается и спрашивает, не хотим ли мы в тюрьму. За что, удивляемся мы. Оказывается, что если мы почистили тротуар, а кто-то поскользнулся и сломал ногу, то может подать на нас в суд. Кто плохо чистит, тот и отвечает. Сажу в маленьком пабе за маленьким столиком у маленького окна. Официант приносит пиво, ставит его на столик и в это время на бокал падает лучик света. Пиво в бокале просто вспыхивает изнутри янтарным светом, пузырьки видны все до единого и белоснежная пена сверху. Официант, молодой парень, становится на одно колено, складывает молитвенно руки и, обращаясь не то к бокалу, не то к солнцу произносит: «Боже, спасибо за то, что мне довелось родиться в Великобритании!».

Париж. Мы прилетели в Париж на конференцию ближе к вечеру. Пока разместились в гостинице, уже совсем стемнело, но один из коллег, предложил прогуляться перед сном. Гостиница, конечно, так себе и район так себе. Гуляем недалеко, боимся заблудиться. Магазинов нет, улицы какие-то полутемные. Проходим мимо освещенной витрины и коллега решил заглянуть. Я остался снаружи покурить, пообещав, что помогу с языком, если что. Витрина большая, хорошо видно, что творится внутри. Видно как товарищ ходит между висящими на кронштейнах костюмами, платьями, снимает их, рассматривает, щупает и мнет. Что-то было необычным в этом магазине, да и продавец не вскочил и не подбежал к покупателю, а лишь с удивлением каким-то наблюдал за его действиями. Наконец был выбран галстук, и коллега знаками просит помочь. Захожу в магазин, и что-то его запах мне напоминает. И одежда в целлофановых чехлах. Да это же химчистка! Не зря продавец удивлялся.

Очень распространенным одно время было у нас алжирское вино – дешевое и довольно противное. Завозили его танкерами. Я сам

видел в Новороссийском порту возвращавшуюся со смены группу совершенно пьяных докеров – пришел танкер с вином. Попал я в Алжир в командировку ранней весной. Жили мы на съемной квартире высоко на горе, в первый вечер по обычаю выпили и пошли вниз на набережную. Под горочку - то хорошо. Погуляли по набережной и решили зайти в открытое кафе. Заказали какую-то мелочь и бутылку местного вина. Когда принесли счет, мы остолбенели – сумма была запредельная в нашем понимании. Оказалось, что вино в Алжире стоит бешеные деньги, страна – то мусульманская. Вверх карабкались долго, заблудились, попали в какие – то трущобы, думали, что хана. Ели выбрались далеко за полночь.

Еще запомнился еще смешной случай. Организация, которую мы приехали проверять, осуществляла геодезические работы по прокладке железнодорожной трассы через Атласские горы и дальше на юг через Сахару. При проверках был такой обычай – показывать объекты. Строят ТЭЦ, я карабкаюсь на самую верхотуру, чуть не на трубу. Строят металлургический комбинат – целый день хожу по цехам. А тут прокладывают трассу. И повезли

нас через горы. Едем, тормозим, показывают: видите колышек? Вижу. Едем выше в горы: видите колышек? Вижу. Спускаемся к Сахаре: видите колышек? Вижу. Едем километров сто по Сахаре: видите колышки? Вижу. Наконец добрались до лагеря геодезистов – три вагончика. Вечером пошли в кино в ближайшую деревушку. Шел черно - белый фильм о Дракуле на арабском. Возвращались уже затемно, по пустыне. Вдруг команда – бежим! Мы, не раздумывая, рванули к лагерю, а за нами стая собак. Еле ноги у несли. Дурота какая-то, а не поездка.

Но была и хорошая история – на выходной поехали в предгорья, где тоже был наш лагерь. Начали с шашлыков. Смотрю, а невдалеке течет небольшая речушка. Нашлись и удочки. Мы вдвоем с приятелем оставили остальных, и пошли порыбачить. Речка небольшая, но чистая и быстрая. Я устроился на бережку, а приятель был из тех, кому не сидится на месте. А мне хорошо – тенечек, пара банок пива, что еще надо. Клевало не очень, и я больше любовался видом окрестностей и гор вдаль. Мой коллега от солнца соорудил на голове тюрбан из рубашки и этот тюрбан мелькал то там, то там, а потом замер на одном месте. Ну, думаю,

наконец, уgomонился по солнцу мотаться. И видно мне действительно один тюрбан – через пригорок. Поудил с часик, а потом незаметно задремал. Проспал часа два, оглядываюсь по сторонам – тюрбан на месте. Решил сворачиваться. Кричу товарищу и он в ответ что-то, а что – не пойму. Пошел к нему и вижу картину: он лежит на пузе над водой на какой-то коряге. Забраться он на нее забрался, а слезть не может, зацепился чем-то, да и задом труднее, чем передом. Сначала, говорит, орал, помощи просил, потом решил, что без него не уедут и тоже подремал. Провисел он таким образом часа три, обгорел весь. Но уху мы сварили.

В первое утро в Алжире мы повскакивали с кроватей, думая, что объявлена воздушная тревога. Оказалось, мулла с восходом солнца начал читать утреннюю молитву, которая транслировалась через мощнейшие динамики на минарете прямо напротив нашего окна. Сама мечеть была ниже по горе. Познакомились с очень хорошим парнем из Ленинграда – врачом нашей колонии. Он жил там уже давно, у него была машина, и он показал нам много интересного и в столице и в окрестностях. Как-то мы пригласили его на ужин, а выпить нечего.

Он сходил в машину и принес спирт. В конце вечера он выписал нам рецепт на спирт, сказал, в какой аптеке его надо покупать и дал совет прикупить много глюкозы для внутривенного вливания. На следующий день мы двинулись в эту аптеку, долго совещались как себя вести, наконец, решились и вошли. За прилавком стоит огромный араб с бородой, брови хмурит, смотрит строго. Мой товарищ предлагает уйти подальше от греха. Я набираюсь мужества и протягиваю рецепт. Араб только начинает читать, расплывается в улыбке и на чистейшем русском:

- Так вы от Сергея! Как дела в Союзе? Откуда? Я в Москве с Сергеем учился, жена оттуда, двое детей: Сергей и Наташа! Вам сколько?

Я, оторопев и быстро прикинув в уме оставшийся срок, выпаливаю:

- Два литра!

Аптекарь укоризненно качает головой:

- А я, а Сергей – три! И скидка для шурави пятьдесят процентов.

Выходим из аптеки как матросы – балтийцы: в руках две сулеи со спиртом и глюкоза в пластмассовых ампулах, скрепленных между собой как пулеметные ленты. Совет: спирт надо разбавлять глюкозой для внутривенных

инъекций, тогда пьется мягко, с утра голова не болит и во рту не сушит. И перегара, кстати, нет. В Ираке я был на месторождении Западная Курна. Недавно закончилась война с Ираном, и наши компании начали потихонечку возвращаться в страну. Недалеко от нашего строительного городка было огромное поле, заставленное военной техникой: танки, пушки, бронетранспортеры, автомобили – тысячи единиц, смотреть страшно.

Когда бываешь в Сибири или летишь над ней ночью, всюду видны факелы – это сжигают попутный газ при добыче нефти. Но расположены они далеко друг от друга, так, что с земли их видишь два – три одновременно. В Ираке то ли газа больше, то ли технология добычи другая, но там эти факелы собраны в большие кусты, штук по десять факелов сразу. И кустов этих очень много. Так что ночью там светло, книгу читать можно. Потрясающее зрелище.

По преданиям Эдем располагался у слияния рек Тигр и Евфрат. На этом месте сейчас стоит засохшее разлапистое дерево – Дерево знания, есть и скульптура Евы. Арабы верят, что это действительно место, где был Рай. Один раз в выходной был устроен субботник в г.Басра. До

войны там было наше консульство, но после начала боевых действий его закрыли. И вот решили открывать вновь, нас и повезли привести территорию в порядок. Если в пустыне, где мы жили, следов войны видно не было – стороны не обстреливали месторождения, из-за которых воевали, то в городе были разрушения, в порту – несколько полузатопленных судов. Субботник закончился очень быстро: в первом же костре из мусора стали рваться патроны, все попадали на землю, дальше решили не рисковать. Пошли посмотреть город. После прогулки зашли в закусную. Была она в большом темном сарае. Накурено донельзя, все столики заставлены пустыми бутылками, народ как разбойники. Заказали шашлык и местной пальмовой водки грамм по сто. Несут поднос, уставленный бутылками. Мы к переводчику – на фиг так много выпивки? Потом присмотрелись: в каждой бутылке по сто грамм, а бутылок пять, как нас. Интересный обычай, а мы могли решить, что иракцы квасят пуще нас. Похожий случай, но ровно наоборот произошел со мной в подмосковной Коломне. До электрички в Москву оставался час, и я решил зайти в привокзальный ресторанчик перекусить.

Захожу, накурено донельзя. Сажусь за столик к двум мужикам и удивляюсь: на столе стопкой стоит тарелок пять с недоеденной серой вермишелью. Оглядываюсь по сторонам – у всех то же самое. Тут подходит официантка, беру закуску и сто пятьдесят, а она заявляет, что в связи с борьбой с пьянством к сотке водки обязательна порция вермишели, а пятьдесят по законам арифметики округляется до ста, итого две порции вермишели. Я робко протестую: закуску то я взял. Говорит: нет вермишели, нет водки. Пришлось согласиться. Если бы иракец заглянул туда, то по Ираку гуляли бы легенды об огромной любви русских к вермишели.

По пути из Вавилона мы заехали в ресторанчик. Он стоял на деревянном помосте, метров на пятьдесят уходящем от берега Евфрата. Пообедали, и захотелось по малой нужде. Заходим в туалет, а там прямо в полу выпилены две круглые дыры – внизу река. Приступили к делу, смотрю в эту дыру и вижу, как сбоку спускается в воду сетка на длинной веревке. А в сетке – тарелки и пивные кружки. Видно, мойка была через стенку. Мы срочно в машину за водкой, благо, осталась.

Сингапур, среди прочего, запомнился жарой. Гулять по улицам долго нельзя, надо

обязательно заскочить в помещение «погреться», как мы говорили, под кондиционером. Однажды так заскочили, что один из нас вышел оттуда с пятью зонтиками, так его закружили продавцы. В выходной нас на катере повезли на маленький островок купаться. На островке чистый песок, кокосовые пальмы и даже туалет с душем. Такие островки можно заказать на компанию и больше никого туда не пустят. Перед тем, как лезть в воду, спрашиваем у старика-смотрителя, есть ли акулы. Он мотает головой – нет, акул нет. Искупались, попили кокосового сока, смотрим – недалеко плавник. Мы к смотрителю, смотри, акула. Да, кивает головой, большая акула. Восток дело тонкое. В Сингапуре спиртное продают по предъявлению паспорта, записывая все данные в специальный журнал. Мы были на приеме в нашем Посольстве, а время было под флагом борьбы с пьянством, так там нашим во время приема не разрешалось даже прикасаться к бокалам и рюмкам. Но как только гости и Посол разошлись, началась вакханалия. Это мне напомнило комсомольскую свадьбу в Союзе. На столе только ситро, но гости все принесли с собой, пили в туалете, в коридоре, без закуски. Более пьяной свадьбы я не видел.

В Нигерии мы строили гигантский металлургический комбинат. Но стройка шла годами, то они нам не платили, то мы что-то не делали. Бардака было столько, что наши команды ездили туда каждый год. Я решил расширить поиск. Мы начали с заводов, изготовлявших оборудование. Одни гнали в Нигерию по плану, другие сверх плана, у третьих оборудование валялось на складах. Проверили Таллиннский порт – весь забит оборудованием. Проверили как идет отгрузка на суда. Потом сели на самолет и встретили эти же суда в Нигерии: ящики разбиты, все шарается в трюмах. Капитаны опешили – такого еще не было, что бы их жопили на двух концах рейса. А на самой площадке строительства – гектары оборудования, а там ведь и сезоны дождей каждый год. Все заржавело, вросло в землю, никто уже не знает, что за оборудование и на что оно годится. На стройке тырят все, что можно стырить. В одном цехе нам показали автоматическую линию, где выдрали все мониторы компьютеров, местные думали, что это телевизоры. А уж инструменты, дрели, болгарки, перфораторы уходили тысячами. Сел с болгаркой у дороги, и вот ты уже автомеханик, бизнесмен. Оставишь машину

без присмотра на десять минут, все, аккумулятора нет. Я сначала удивлялся: все машины и трактора всякие стоят на обочинах на небольших явно искусственных горках. Оказалось, что все ездят без аккумуляторов: топливо дешевое, моторы не глушат, а в конце дня – раз, и на горочку. С утра подтолкнул агрегат и заводи с наката. Но наша техника тоже вела себя странно. Нам дали «Волгу», которая с утра сама ни разу не завелась. Остыла за ночь, шутили мы. Приходилось прибегать к помощи местных мальчишек. Они за леденцы с радостью толкали машину, громко крича: «Аюмба! Аюмба!». По местному это значит «Человек без кожи».

Советским людям указано было быть интернационалистами. В стройке принимали участие и немцы, и французы, и итальянцы. Все они жили в огороженных охраняемых городках, а интернационалисты – душа нараспашку, заходи, кто хочет. И заходили – просто вбивают кондиционер внутрь вагончика и выносят в дырку все подчистую. К женщинам кидались.

Среди стран-участниц строительства проводились турниры по футболу. Немцы предлагали зрителям бесплатное пиво, но

потом отказались – наши стали приходиться с бидончиками. Те же немцы, узнав, что из Москвы приехала делегация, пригласили нас к себе на ужин. Сопровождали нас начальники нашей стройки, всего набралось человек десять. С собой в качестве сувениров взяли традиционный набор - «Столичная» с винтом и икра. Приходим в немецкий городок, а там чистота, газонные лужайки, все освещено. Наш же городок зарос тропической травой до крыш, у каждого вагончика малюсенькие разноперые огородики, полутемно, негры бродят. Немецкий начальник опаздывал и нам предложили скоротать время в баре. Бар – это большая освещенная площадка под огромной соломенной крышей формой, похожей на шляпу. Рядом большой бассейн. Просили не стесняться. Мы и не стеснялись. Напившись пива, решили искупаться. Поплавали и устроили соревнования, кто пронырнет весь бассейн. А в качестве награды на бортик выставляли порцию водки. Немцы пришли в восторг, поскидывали одежду и присоединились к нам. Стало весело, делались ставки. Шум, аплодисменты. Особенно радовались за одного из наших. Он был без одной руки и выпивохой. Как он рассказывал,

после войны они с мальчишками пошли играть в овраг. «Смотрю» – говорит – «Какая-то херня торчит из песка. Я по этой херне палкой как ебну, а она – хууяк! Очнулся, руки нет. Отчаянный я был!». На что получал ответ: был ты мудаком, мудаком и остался. В командировке он был постоянно пьян, ночевал где падал, постоянно терял протез, потом долго искал. А в остальном хороший был мужик, дослужился до большой должности, как говорят, допился больших успехов. Так вот ему было трудней всех нырять, его все время заносило на круг. Тогда он стал просто прижиматься одним боком к бортику и получалось прямо. И донырнул таки до водки. Немцы качали его на руках. Не помню, были ли тогда параолимпийские игры, но у нас в Нигерии были.

Потом был прекрасный ужин и расставались мы хорошими друзьями. Зам по экономике просветлел настолько, что решил, что он владеет немецким. Но говорил по русски, жестоко коверкая слова им же придуманным акцентом, как это делали немцы в послевоенных фильмах про войну. Наши немцы его понимали.

Очень интересной оказалась страна Ливия. В пустыне стоял городок наших нефтяников, недалеко было море с пляжами шириной с пустыню. Приехали мы в городок под вечер, расселились и пошли в кино. Кино – это лавки, врытые в ту же пустыню и огромный экран. Сидим, смотрим, а вокруг витает легкий такой перегар. Я уже побывал много раз на Востоке, но такого запаха не помню. И чем больше людей рассаживается, тем гуще аромат. Наваждение какое-то: в Союзе борьба с народом на этой почве, в Ливии вообще сухой закон, а за ввоз – тюрьма. После кино нас пригласил к себе в домик местный начальник. Расставил закуску и достает из холодильника бутылку с прозрачной жидкостью. Чокаемся – похоже на водку. Тост за тостом, и он рассказал все. Домики, в которых жили наши специалисты, были американскими со всей необходимой бытовой техникой. Секрет был прост. Перед уходом на работу, в стиральную машину заливается ведро воды и засыпается сахар. Машина включается и к концу работы брага готова. Потом она разливается по нескольким целлофановым пакетам и кладется в шоковую камеру холодильника. На следующий день образуются куски льда с

пузырями незамерзшего спирта внутри. Они над кастрюлькой протыкаются спицей и все дела. Говорят, что местный ливийский чекист вычислил, что наши попивают и навел его на это местный же духанщик. Тот рассказывал, что русские – странный народ: пьют сильно разведенный, но очень сладкий чай: покупают заварки в месяц, скажем, четыре килограмма, а сахара – триста. В Триполи армянин угощал нас самодельным коньяком, который невозможно было отличить от настоящего. Так что ростки цивилизации пробивались и в ливийской пустыне. Это не ода выпивке – это ода изобретательности русского человека. Он не стал мастерить самогонный аппарат, хотя и смог бы, а использовал ноу-хау на базе передовых достижений западной техники.

Монголия – моя любимая страна. Таких раздолий, горизонтов я не видел нигде. Там совершенно другая энергетика, другое отношение к жизни, другие люди. Там коровы переплывают реки. Я как-то рано утром вышел на рыбалку – солнце только встает на том берегу реки, воздух чист и прозрачен, в лучах солнца стоит огромный черный як, а на моем берегу, прислонившись к юрте, на земле сидит

старик и щурится на солнце. И тишина. Куда мы всю жизнь бежим?

Как ни покажется странным, знаменита Монголия банями. Чего мы там только не строили: и кучу домостроительных комбинатов, и фабрики и заводы. А монголы не хотели в квартиры, юрты ставили прямо во дворах новостроек, а в простаивающих ДСК устраивали концерты. Народу мы туда нагоняли тысячи, в основном из Сибири. А сибиряк без бани как без пельменей. По всей Монголии выросли бани. Мы летали на самолете на очень далекую перевалочную базу и там тоже была баня, сколоченная из ящичков, в которые было упаковано оборудование. Само оборудование стояло голое. В Улан-Баторе бани понатыкали везде. Так много я мылся только в Финляндии, где за день я побывал в четырех саунах - все считают должным пригласить тебя попариться. Но там это продолжалось два дня, а здесь - месяц. Это было какой-то банной паранойей. Однажды в выходной будят рано утром, я испугался, что опять поведут мыться, но, повели в музей Ленина. Что делал Ленин в Монголии? Тоже, наверное, в бани ходил. Вот как выглядела одна из бань. В производственном цехе в углу маленькая дверь с надписью

«Служебное помещение. Посторонним вход запрещен», за ней следующая дверь с расписанием помывок: «Первый цех – понедельник, второй – вторник» и так далее. Я спрашиваю, как в пятницу может мыться пятый цех, которого у них нет вообще. Оказывается это табличка на случай проверки, и никто в эту баню кроме начальства и дорогих гостей не ходит. Большая раздевалка с удобными диванчиками, застеленными полотном, Большой деревянный стол с лавками вокруг, холодильник, самовар, телевизор и стереосистема. В углу камин и рядом мангал. Налево - вход в биллиардную, направо – в собственно баню. Сначала попадаешь в очень большое помещение с большим бассейном, выложенным красивой плиткой и подсветкой снизу. На дне бассейна разноцветными плиточками выложена русалка, отдыхающая в зарослях водорослей. Над торцом бассейна сделан помост из дерева высотой метра полтора над уровнем воды. На помосте – шезлонги, кресла и лавки. Тут же маленький холодильник, буфет с посудой, напротив – вход в парную. Попаришься и можешь отдохнуть в шезлонге, а можешь и упасть в бассейн. Да что хочешь, то и делай. В Монголии, кто не знает,

отличное пиво и отличная водка «Архи». Пивзаводы строили чехи на источниках, а водка делается по нашей технологии из отборного зерна. Вот эти напитки помалу, помалу на помосте и подаются между заходами в парилку. Или отдохнешь и плюх к русалке. Потом все переходят в раздевалку на шашлык и прочие яства, позже – бильярд. Длится все часа три. И таких бань много- много. И все ходят чистые. Ну и напоследок о рыбалке. Некоторые удивляются, что в Монголии вообще есть вода. А там великолепные реки и озера полные рыбы, да какой: хариус, ленок и, венец всего - таймень. Монголам раньше религия вообще запрещала ловить рыбу, и особой традиции у них нет до сих пор, так что рыба там еще есть. Мне довелось ловить рыбу в Монголии много раз и летом и зимой. Я вообще - то не очень люблю зимнюю рыбалку и даже знаю почему. Давным - давно друзья пригласили порыбачить зимой на Волге. Туда ходил специальный поезд рыбака. Отправлялся он после полуночи. Сели, разместились, и весь поезд сразу начал выпивать. Мы тоже чуть выпили и спать. Будят, за окном темно, холодно. Некоторые «рыбаки» остались в поезде. Выходим в поле, недалеко Волга. Народ бывалый группками расходится по

реке, и мы увязались за одной такой группкой. Идем минут сорок, уже надоело, а те все идут и идут. Мы решили начать. Пробурили лунки, наладили снасти, ловим. Я до этого зимой ловил только на Дальнем Востоке, на море. Но помню, что было как - то не так, как сейчас. А что не так – не пойму. И ни у кого не клюет. Тут стало светать, я заглянул в лунку и увидел дно. Воды было сантиметров пять. Полтора часа коту под хвост. Стали менять место, потом места. В общем, все свелось к бурению лунок и переходам с места на место, продрогли на ветру как собаки. Так мы ничего не поймали и с тех пор на лед я не хожу.

В Монголии я ловил рыбу так: буришь лунку, ложишься животом на лед и наблюдаешь за рыбой. Вода прозрачнейшая, видно все. Вот появляется приличных размеров рыба, подводишь к ней пустой крючок, дерг - и она твоя. Как в аквариуме.

Конечно, невозможно описать все, вот лишь два примера.

Повезли нас строители поздней осенью на рыбалку. План был такой: вечером выезжает передовая группа на ночную ловлю тайменя, а утром подтягиваются все остальные. Я напросился в ночь. Нас человек пять, едем в

специально оборудованном газике – буханке. Внутри все обшито толстым войлоком, сделаны небольшие топчаны для сна, маленький столик и посередине – здоровенный радиатор от МАЗа. Приехали на место уже затемно, я получил снасти и инструкции. Ловили «на мыша», это маленькая искусственная мышка из дерева, обтянутая мехом. Таймень охотится на переплывающих реку грызунов, но по поверьям, только в безлунные ночи. Ночь была безлунной, но нельзя сказать, что выколи глаза. Если в Монголии лечь на спину, то в небе вы не увидите темного пространства – все в звездах. Млечный путь это действительно река белого света. Звезды не мигают как у нас, а светят ярко и ровно; впечатление такое, что можно упасть туда, в небо.

Разбились мы на две группы и стали ловить. Это значит, что ты стоишь на камне у обреза воды, вода под ногами ревет, плещется, а ты закидываешь этого мыша незнамо и невидимо куда, крутишь катушку и потом опять все снова и снова. Мало того, что не интересно ловить спиннингом в темноте, но все время боишься сверзиться в реку. Вдруг слева громкий всплеск, мат перемат. Мой напарник орет «Взяли! Бежим помогать!» - таймень, прежде чем

заглотить жертву, сначала бьет ее хвостом, глушит. В темноте по камням несемся в ту сторону, но все оказалось проще: неудачник все-таки упал в реку с громким всплеском и матом. С рыбалкой закончили, стали сушить его водкой, и нам досталось, легли спать. Ночью просыпаюсь в поту и панике – горим. Выскакиваю из машины, огня вроде нет. Оказалось, что этот радиатор от МАЗа выполняет роль печки, работающей от двигателя, и температуру выдает невероятную - все рассчитано на суровые монгольские зимы. Но все-таки я видел тайменя, правда, уже приготовленным. Длинной он был со стол, за которым мы сидели.

К обеду следующего дня подтянулась основная группа. Рыбалка пошла нормальная, наловили много рыбы и стали готовить обед. Страна у нас была многонациональная, по этому признаку устроили и праздник. Развели несколько костров. На одном грузины делают шашлыки, на другом армяне – люля - кебаб, узбеки и таджики – каждый свой плов, сибиряки – уху из пойманной рыбы, и отдельный костер - для монгольских боз. Дальше писать не могу – захлебываюсь слюнями.

Мой совет – побывайте в Монголии.

Начало аудита в России

В 1987 году вышли революционные, сейчас незаслуженно забытые постановления правительства о порядке создания и деятельности совместных предприятий. Они впервые разрешили доступ иностранного капитала в страну и, можно сказать, предопределили мою судьбу на следующие двадцать лет. В них и появилось впервые слово «аудит»: аудит совместных предприятий должен проводиться советской аудиторской организацией. На базе Главного управления валютного контроля, где я работал, и была создана та самая аудиторская организация под названием «Инаудит», а я был назначен начальником Отдела совместных предприятий. Так что я был первым аудитором в нашей стране.

Готовили документы по СП, я уверен, грамотные по тем временам люди, но теоретики. С нынешних высот нашего капиталистического опыта там, конечно, было много наива и ляпов. Например, СП было запрещено предоставлять отчетность и любую информацию органам иностранных государств. Это было не просто налоговая гавань для

иностранцев, для них это – был «Наутилус» Жюль Верна. Вклады в уставный фонд оценивались по соглашению между участниками, появилось понятие «ноу – хау». Я знал предприятие, куда американец одесского происхождения внес в долю электрическую пишущую машинку с английским шрифтом и «ноу – хау», - свое умение печатать на ней. Сторонами это было оценено, как и вклад нашей стороны – два этажа НИИ почти в центре Москвы.

Авторы постановлений пытались в силу своего разума «учесть» и передовой опыт зарубежных стран. Например, СП было разрешено самим устанавливать нормы амортизационных отчислений. Я, спустя несколько лет, понял, зачем и почему на Западе используется эта концепция. Но мы шли в лоб. Иллюстрацией нашей наивности может быть пример одного из магазинов беспощинной торговли. Буржуазный главный бухгалтер, увидев, что появилась ненужная прибыль, взял и увеличил амортизацию за прошедший год в два раза. Прибыль сдуло ветром.

Появилось море вопросов по бухгалтерскому учету, налогообложению, ответы на которые

давались с огромным трудом. В это же, примерно, время началась реорганизация министерств и ведомств, и понять не только этим бедным участникам СП куда обращаться, но и нам, новоиспеченным аудиторам, было трудно. Дореорганизовывались, в частности, до того, что управление бухучета осталось только в Минфине СССР, в отраслевых министерствах все сократили. Руководил минфиновским управлением очень опытный, прошедший все ступеньки карьеры от рядового бухгалтера до начальника управления в союзном министерстве пожилой уже дядька. Я частенько захаживал к нему с вопросами. У него работал тогда молодой парнишка, который вел все вопросы по совместным предприятиям, очень квалифицированный и интеллигентный. Потом он стал заместителем Министра финансов РФ. Как-то с очередным вопросом я опять пошел к начальнику управления. Так как он был начальником и подчиненные у него в кабинете не сидели, стол он поставил лицом к двери, окно сзади. Курил «Беломор», курил много - запретов на курение где угодно тогда не было. Вхожу, а он как Везельвиль – в облаках табачного дыма, да так, что против солнечного окна его и не видно.

Я ему так с порога свою маленькую просьбу и выкладываю. «Ты что! Издеваешься ! Всех в ! Да на ! Да шел бы ты со своими капиталистами в ! И сам пошел!». Я попятился к двери, а он: «Да сядь ты!». Сажусь. «Вот смотри – я в этом гребаном учете работаю лет сорок, знаю все. А вот этого – не знаю! Вот как учитывать коровий навоз при бартере на навоз куриный? А? И это я должен знать? Начальник управления, заслуженный работник Министерства финансов СССР, действительный член Французской академии экономики, заслуженный деятель!!! А ты с чем пришел – опять какую – то ...ю от иностранцев приволок? Вот задай им этот вопрос, потом я на твой отвечу!»

Потом неожиданно Горбачев издал указ «принять меры по сближению» нашего и их учета. И тут понеслось. Японцы стали вести по японскому да еще иероглифами, индусы – по индуски, евреи – по своему, арабы – тоже по арабскому. Хотя никто ничего сблизить не сблизил, да и не собирался, но неразберихи прибавилось.

Это просто описание обстановки. Совместные предприятия стали плодиться как грибы в дождливую ночь. Процентом восемьдесят –

явное жулье, я проработал в валютном контроле уже лет десять, понимал кое - что. Остальные двадцать – как младенцы: нет ни законодательства, ни процедур, ну ничего. Тем, кто жулики – раздолье, тем, кто не жулики – труба. А аудиторы – как комиссары в кожаных тужурках, руководствовались революционным правосознанием. В том же примере с нормами амортизационных отчислений тот самый бухгалтер – иностранец, скостивший прибыль, спросил, а почему нельзя так, как он сделал. Я ему говорю, что нельзя так, потому, что так не делают. А где, спрашивает, не делают? Нигде, говорю, не делают. А у вас закон такой, что можно делать. Тут я взвился да так, что он пошел на попятную. Потом опять свое: закон не запрещает, ты запрещаешь, будем судиться. Я его предупредил, что судиться он будет напрасно, только деньги потеряет и так сказал, что он исправился, а я написал в журнал, где была рубрика для СП «Работаем над ошибками» статью о недопущении таких извращений. Это была, можно сказать, моя рубрика, там было много статей полезных и наивных.

Время было угарное. Каждый час создавалось по десятку совместных предприятий по всей

стране. Москва просто гудела от презентаций. Презентовали все, начиная от самих СП, госорганы, посольства, торгпредства, торгово-промышленные палаты, все запивались, гуляли. Шампанское лилось рекой.

Первый управляющий партнер, американец, с удивлением говорил: «Олег, я вырос и живу в Техасе, нефтяной столице Америки, всю жизнь работаю в нефтянке, но я не могу позволить себе купить машины, на которых у вас разъезжают очень молодые ребята, то ли эспэшники, то ли бандиты».

В Киеве я выпивал с американцем, тайным советником власти. Тот хвастался, что ему за его советы предоставили роскошный особняк. В цокольном этаже был личный кинотеатр: «Когда я смотрю «Парк юрского периода», у меня, когда идут динозавры, пол трясется. Такие механизмы специальные!».

В одной из среднеазиатских республик особняк южнокорейского советника был возведен в заповедной зоне, чем он очень гордился и тоже зачем то хвастался.

А я – самый главный аудитор одной шестой части суши. Работать было трудно и опасно. До сих пор благодарю жену, которая вылила в водопровод Орехово – Борисово литров триста

подаренных мне коньяков, виски, водки и французских вин.

Семинаров с последующими банкетами проводилось сотнями. Я специализировался на бухгалтерском учете: сам не будучи докой в нашем учете и совершенно не зная их, призывал навести порядок в нашем, но ни в коем случае не бросаться в омут буржуазного. За это мне рукоплескали дамы – бухгалтера всего Советского Союза. С подобными лекциями и колесил по стране и за ее пределами.

Меня знали все. Например, я мог по блату пойти в ресторан «Пекин», который уже стал совместным предприятием. Приходим с женой, нас усаживают на самое почетное место, идет шоу с китайскими упражнениями, танцами, все красиво. Внезапно включается свет и от одного из столиков идет к микрофону в жопу пьяный парень и орет: «Для пацанов с Рижского рынка песню «Шоб все менты сдохли!».

В посольстве скандинавской страны дорожка к подъезду высвечена свечами, на столе стоит осетр во льду, рядом – килограммы черной икры. Мой совет – если не жаль печени, возьмите хороший кусок осетрины, на него положите большую ложку черной икры, левой

рукой налейте холодную скандинавскую водку в холодную рюмку, и - сколько сможете.

В посольствах европейских стран по окончании приемов раздают бутылки национальных крепких напитков. Выходим, заходим в «Шоколадницу», половину выпиваем. Остаток дома жена выливает в водопровод.

Открывается первый ресторан быстрого питания. Я года за полтора до этого, когда они только приняли решение выйти на наш рынок, помогал им сориентироваться в наших трех соснах. Торжественное открытие, приглашены послы, чиновники и, в том числе, трое из нашего ведомства и куратор. Сравнительно небольшой зал бывшего советского кафе, гости в галстуках, за прилавками - необычно широко для нашей действительности улыбающиеся мальчишки и девчонки. Долгие речи и всех приглашают к стойкам для раздачи блюд. Все иностранцы спокойно выстраиваются в несколько очередей и, дружелюбно помахивая своим знакомым, медленно движутся к прилавкам. Я до этого за рубежом заходил в эти заведения, да и остальные члены нашей маленькой делегации, уверен, тоже там побывали. Но поверить, что на презентации такого международного гиганта не дадут

выпить, в голову не вмещалось. Последней попыткой прояснить ситуацию был подход куратора к представительной даме, командующей на раздаче. Мы с надеждой смотрели, как он к ней ведет переговоры. В ответ – возмущенно поднятые брови и мотание головой. Облом. И тут начинаем замечать, что несколько таких же маленьких компаний тоже растерянно вертят головами – наши люди. Куратор сказал, что идет в туалет, вернулся через пять минут и потребовал с каждого по денежке. Все взбодрились. Минут через пятнадцать вошли два парня, поставили под наш столик маленький портфельчик, куратор отдал им собранное и ребята уехали. Появилась возможность превратить презентацию в праздник, но тут все гости стали расходиться – праздник у всех заканчивается, а у нас еще и не начался. Послали самого молодого за стаканами и за закуской. Зал пустеет.. Наконец появляется молодой, за ним идет та самая матрона с подносом с бутербродами и безалкогольными напитками. Оказалось, что она - внучка украинцев, уехавших в свое время за океан. Говорит по нашему, потому и прислали. Загородившись спинами от еще

оставшихся гостей, начинаем праздновать, курим под стол, все как всегда.

Что такое «аудит» не знал у нас никто. Я где-то вычитал, что происходит слово от латинского «аудио» - слушать. И все, и больше ничего. Интуитивно мы чувствовали, что это похоже на те проверки, что мы делали и раньше, но за плату. А тут к презентациям прибавились всякие конференции, симпозиумы, где участвовали и иностранцы, которые как-то странно поглядывали на нас, когда мы всем докладывали об этом «аудио». Я понял, что надо всерьез заняться этим аудитом и через закрытую подписку библиотеки Минфина заказал толстенную книгу по аудиту на английском. Через месяц книга пришла, начал ее читать – и ничего не понимаю. Дал другим – тот же результат. Решили отдать на перевод в Торгово-промышленную палату за деньги, на которые можно было купить машину. Месяца через два принесли перевод. Читаю – ничего не понимаю, абракадабра какая-то. Даю другим – тот же результат. Деньги на ветер.

А народ из СП требует аудита. Совместным предприятием №1 был ресторан индийской кухни на Красной Пресне. Создавался он в рамках межправительственного соглашения, и

поэтому отношение к нему было особое. Я проверял все, что можно было проверить: выполнение нархозпланов, стройки по всему миру, транспорт, морские порты, парохводства и пароходные компании, железнодорожный транспорт, зарубежные компании, ввод импортного оборудования, ввоз зерна, торговлю, производство батареек, минеральных удобрений, техпомощь зарубежным странам, и даже - Телеграфное агентство Советского Союза. Список можно продолжать еще страницу. А вот рестораны не проверял. Думали мы, гадали и решили взять на работу специально обученного человека. А где взять? Рекрутинговых агентств не было, знакомых в ресторанной среде – тоже, хотя очень статные с золотом на сосисочных пальцах леди этого бизнеса мне иногда шевелили бровями. Пошел в наше КРУ (контрольно – ревизионное управление), а там ребята и посоветовали: прямо напротив Минфина был вход в Роспотребсоюз.

Роспотребсоюз был гигантской организацией в сельскохозяйственной сфере. Если отъехать от любого города – там начиналась территория Роспотребсоюза: закупки, продажи, рынки, гостиницы при них, магазины, столовые – все.

Мои родители после первой командировки в Монголию купили кооперативную квартиру на юге Москвы почти у Окружной. Отец по выходным ездил на велосипеде в совхоз Коммунарка, километрах в десяти от дома за «можайским» молоком. Это было молоко в особых бутылках с пивными пробками. Считалось очень полезным и редким в продаже. Но в совхозе в магазине Потребсоюза оно всегда было. В том же магазине продавались самые-самые новейшие модные товары, но только членам этого союза. В Москве еще только мечтали о сапогах-чулках, а в автобусе «Коммунарка – Москва» уже ехали девчонки в этих самых сапогах. Если уж хотелось купить там что-то, нужно было подождать у входа в магазинчик местного выпивоху – члена союза, и по его членской книжке купить вещь. Комиссионными была бутылка водки. Вот что такое Роспотребсоюз. Пошел сразу к начальнику ихнего КРУ, тот сказал, что и сам бы пошел в аудиторы, дело новое, интересное, но, говорит, недавно сел на эту должность, дело тоже интересное, тоже за деньги, ну, понимаешь. Но посоветовал парня: умница, проверял общепит и по англиски шпрехает. Встретились, действительно

нормальный, без закидонов человек. Я пригласил его к себе, через две недели он пришел, захватив с собой по моей просьбе инструкции по общепиту.

Надо сказать, что как только создали мой отдел, со всех сторон посыпались просьбы о трудоустройстве знакомых и знакомых знакомых. Еще раз напомню, что рекрутеров не было, народ надо было набирать, и я не считал и до сих пор не считаю, что брать на работу знакомых знакомых знакомых плохо. Во-первых, мальчишки или девчонки, выросшие в семьях твоего круга, как правило, лучше подходят к занятиям этого круга. И не потому, что они лучше или умнее других, просто родители дали сколько могли для существования в этом кругу. Во вторых – все друг-друга знают, иногда поколениями и дорожат этими отношениями. Попросил, дите подвело и репутации урон. Устраивали и ко мне, причем я не всегда мог сказать «Да» или «Нет». Но процентов восемьдесят были достойные ребята, а остальные, сами поняв, что не их это дело, просто уходили. Не надо думать, что был повальный блат – просто в хороших семьях вырастали хорошие дети. Уже работая а международной компании я «устроил по блату»

несколько детей знакомых. И ни разу никто не пожалел – ни я, ни мои партнеры, ни эти самые «блатные». Это форма внутривидовой взаимовыручки, которой сейчас чураются, боясь ответственности даже за хорошо знакомого человека, такая своеобразная форма импотенции. Именно поэтому у нас в бизнесе нет ни взаимных обязательств, ни взаимной ответственности. Исчез институт «сватовства» в деловых отношениях. Ну да бог с ним.

Как маленький толстой я опять отвлекся, но не зря. В помощь Сашке из Роспотребсоюза был придан тоже Сашка, но уже «блатной». Умница, недавно закончивший институт и порекомендованный свыше.

Вот такая команда и пошла проверять ресторан. Прошло недели две, ребята приносят акт проверки. Сейчас, если кто-то из знающих прочтет эти строки, засмеется. Я просмотрел, практически мало что понимая, поправил стилистику и мы пошли согласовывать этот акт. Дальше просто попытка передать атмосферу первой в истории отечественного аудита встречи аудиторов и руководства иностранной компании.

В небольшой комнате еле уместились пять человек: двое моих, индус с переводчицей и я.

Действующие лица: Александр – бывший ревизор Роспотребсоюза;

Сашка – младший аудитор;

Директор ресторана, Индус, он же главный повар;

Переводчица;

Я.

Беседа через переводчицу на английском языке.:

Я: - Мы хотели бы обсудить результаты проверки вашего ресторана.

Индус: - Давайте.

Я: - Александр, доложите.

Александр: - Руководствуясь Инструкцией Роспотребсоюза, мы нашли в процессе проверки существенные нарушения в деятельности ресторана

Индус: - ?

Александр: - На предприятии не разработаны и, соответственно, не применяются нормы закладки продуктов в блюда.

Индус молчит минуты три, потом: - И что?

Я Александру: - И что?

Александр: - Если нет таких норм, то создаются предпосылки кражи пищевого сырья.

Переводчица: - Что такое пищевое сырье?

Сашка: - Ну, мясо там тырят...

Индус после перевода: - Кто?

Сашка: Да я просто так.

Александр: - На предприятии существуют предпосылки хищений.

Индус: - Что значит хищения?

Сашка: - Есть возможность украсть.

Я не в обиду индусам, но они бывают разные: есть темнолицые, есть светлолицые, есть другого цвета лица.

Индус от светлолицего меняется к темнолицему: - Воруют у нас каждый день пожарники, санитарные врачи, проверяющие, налоговики. Каждого напои, накорми да еще с собой заверни. Но зачем мне – то у себя воровать?

Сашка: - А нам почему знать?

Александр: - На любом предприятии общественного питания нашей страны в меню, в соответствии с инструкциями, указаны нормы закладки продуктов в блюда! Пример: 100/50/30: картошка 100гр., 50 – мясо и 30 – соленый огурец.

Индус, возвращаясь к первоначальному цвету лица: - Я повар в пятом поколении, моя семья держит сто ресторанов у нас на родине, сто в Америке и сто – в Азии. И потому наши уважаемые правительства оказали моей семье

честь открыть первый индийский ресторан в вашей великой стране. Ни я, ни мои предки не знали, сколько надо класть чего в наши блюда. Рецепты передаются по наследству и это большая тайна. Но во всех странах мира в наши рестораны ходят миллионы людей, и им нравится, то, что мы им предлагаем!!!! Представьте себе меню, где будут указаны все составляющие наших блюд – сотни! Никакого меню не хватит в ширину даже!

Сашка: - А как же наши люди? Они привыкли к нормам в меню. А нормы в соответствии с Инструкцией...

Индус медленно валится вбок.

Минут пять все растеряно молчат – чего он так расстроился?

Александр: - Пункт второй. На предприятии не приходится и, соответственно, не используются должным образом отруба.

Так по английскому и сказал: otruba. Тут даже я обалдел.

Спрашиваю шепотом: - Это что еще?

Александр шепчет: - Все, им пиздец, а то развели тут демагогию.

Я сделал каменное лицо, предоставив переводчице выкручиваться самой.

Та, конечно не справилась с переводом, и началось объяснение жестами. Сашка младший изобразил из своей ноги кусок мяса и стал его ладонью резать на куски, спрашивая у индуса, понимают ли он. Тот не понял. Тогда он стал показывать резку мяса на ноге индуса. Тот испугался и спрятал ногу под стол. Кое- как объяснили ему, что после разделки мяса остаются всякие обрезки, жилы, хрящи.

Индус, опять меняясь лицом: - А зачем их приходить?

Сашка: - Украдут

Индус: - Кто?

Сашка: - Сотрудники.

Индус: - Зачем?

Сашка: - Чтобы съесть!

Индус: - Так они ж несъедобные!

Александр: - В соответствии с инструкцией часть отрубов должна после оприходования добавляться в блюда.

Индус, опять медленно валясь вбок: - Так они же несъедобные...

Александр: - Есть и съедобные и их можно добавить, например, в котлеты.

Индус как с того света: - Так они же несъедобные...

Сашка: - Да никто и не заметит.

Индус: Не делаем мы котлет....

Александр: - А несъедобные отруба должны
комиссионно списываться.

Переводчица: - А что такое комиссионно?

Сашка: - Ну ... это приказом по предприятию
должна быть создана специальная комиссия по
списанию отрубов....

Индус медленно встает и пошатываясь, идет к
двери

Александр ему в спину: - А в валютном зале
имеется потертость коврового покрытия.

Заменить надо! И мне: - Как мы его, а?

Давно уже нет этого ресторана.

Эрнст

Моя активность на всяческих семинарах и тусовках привлекла, очевидно, внимание международной бухгалтерской общественности. Стали приглашать за рубеж. Сейчас можно смеяться, но в то время в мире не было синхронистов, специализирующихся на переводе бухгалтерских терминов с русского и обратно. Они просто были не нужны. Слушая переводы на конференциях, я приходил в ужас: это были разговоры слепых с глухими. Пришлось опять выписывать словарь через закрытую подписку Минфина и учить эти самые термины. Я не скажу, что я стал профессиональным переводчиком, но какое-то время в этой узкой отрасли меня хоть понимали и могли общаться. Англичане сделали проще – они наняли парня – филолога, специалиста по русской классической литературе и научили его бухгалтерскому учету. Так что в стране было два человека, способных внятно общаться на профессиональные темы: я и Ричард.

Я уже говорил, что стоял на позициях защиты родного бухучета, хотя толком не понимал почему. Поездки за рубеж стали обычными. Очень запомнилось турне по Канаде. Мы

исколесили всю страну, искренне призывая канадских капиталистов вкладываться в нашу страну и расписывая прелести нашего законодательства (а это было одно постановление Правительства). Все вежливо хлопали, а мы не понимали, что с их точки зрения все ужасно: экономика рухнет, политические риски неимоверно высоки, законов по иностранным инвестициям нет. Но мы как соловьи распевали о прелестях, их ожидающих у нас. А те их них, кто все-таки пытался втолковать нам наши проблемы, воспринимался как враг революции.

Иногда доходило до анекдотов. Где – то наверху решили, что надо сколотить группу из разных ведомств, которая бы выступала везде, где можно с уже подготовленными и одобренными речами. Включили и меня с темой «Курсы иностранных валют, применяемые во внешнеэкономической деятельности совместных предприятий, действующих на территории Советского Союза». Помню первую поездку с этой группой в Париж и Марсель. Я выступал в конце. Текст привожу дословно: «Совместные предприятия применяют в своей деятельности курс, устанавливаемый Государственным банком

СССР». Конец выступления. В теме выступления было четырнадцать слов, а в выступлении – десять. Если сначала назвать тему, а потом произнести речь, получалось двадцать четыре слова. Но суточные платили исправно.

Весь мир аплодировал перестройке, перепадало и мне. Иностранцы стали приглашать за свой счет, да еще и платить. В Финляндии, например, подарили два спортивных костюма с начесом. Я потом замучался с ними. Чекист все выпрашивал, за что это мне такие подарки. Костюмы эти я, как было и положено, сдал. Потом заседала специальная комиссия и решала, можно ли мне их отдать, или обратить в доход бюджета. Отдали, в конце концов.

Один раз пригласили в Бремен выступить с лекцией о советском бухучете. Я написал на английском листов десять текста и поехал. Платила принимающая сторона: пролет первым классом, номер люкс в пятизвездочном отеле. В Шереметьево приглашают в лодж первого класса – я тогда еще не знал, что это такое. Бесплатно наливают. Первый раз в жизни лечу первым классом, да еще Люфтганзой. Бесплатно наливают. Пересадка во Франкфурте, там в лодже сам себе бесплатно наливаешь.

Самолет до Бремена первым классом, бесплатно наливают. В двухкомнатном люксе отеля, где мебель обита белой кожей, табличка на минибаре «За счет отеля».

На следующий день привезли в зал заседаний, там человек двести. По программе я где – то в конце. Слушаю и удивляюсь: ленивые люди эти иностранцы, говорят минут по пять – семь. Вышел я на трибуну и зачитал им десять листов. Когда поднял глаза, половина дремала. Но хлопали долго, под перестройку. Вечером прием в местной ратуше. Все во фраках, а я в светлом костюме – лето все – таки, да и фрак дома забыл. Меня поразила организация вечера. Сначала речи, легкий треп, потом все рассаживаются за столы, живой оркестр. А зал огромный, стены и потолок – в резных старинных деревянных панелях, огромные люстры. Вдруг в стене открывается дверей десять и из них под аккомпанемент оркестра цепочкой выходят официанты. У каждого стола замирает человека по три, и одновременно начинают раскладывать блюда. До этого самое выдающееся, что я видел - это были практически голые официантки в одном из первых кооперативных ресторанов в Москве. Вам нравится есть рядом с голыми бабами? В

общем, поездка мне очень понравилась, да еще и выписали чек на пятнадцать тысяч долларов, который я, конечно, сдал.

И вот однажды приходит письмо, что с нами хочет встретиться одна из крупнейших в мире аудиторских компаний. Приехало в Москву человек десять, дня два просто знакомились, говорили на общие темы, так, ознакомительный визит. Месяца через два пишут, что хотели бы поговорить о сотрудничестве с нами и присылают двух человек для переговоров. Я выбил денег на представительские и мы, человек пять с нашей стороны, стали демонстрировать заморским гостям русское гостеприимство: рестораны, экскурсии, поездка в Сергиев Посад, рестораны, музеи, рестораны. Они, бедолаги, пытались сесть не за ресторанный стол, а за стол переговоров, но в силу буржуазного воспитания настойчивости им не хватило. Один раз мы выкроили часик и поговорили по существу. Как они потом мне рассказывали, они вернулись в Лондон опухшими и единственное, что могли сказать по делу – в СССР существует дебет и кредит. Потом мы ездили к ним, они к нам, все как – то тягуче все было. Тянул резину хороший дядька, в ведомстве которого толком не знали, что

можно, что нельзя – время было смутное. Помню он, допытывался, зачем я подарил иностранцам книжку по бухгалтерскому учету. Нам иностранцы все что – то дарили по мелочам, а у нас – ничего нет в ответ. Вот я и купил на свои в магазине эту книжку и подарил. Говорю, мол, ведь не секретные же это материалы, да еще и на русском, замучатся переводить, я уже пытался. Но он остался недоволен. Так мы эту резину тянули – тянули, и дотянули до того, что наши партнеры заявили, что уже угрохали чертову кучу денег на нас и создают совместное предприятие с другими. И создали, а меня пригласили туда на работу. Потом я узнал, что Инаудит все же сделал СП с иностранцами, но оно приказало долго жить – назначенный с нашей стороны директор первым делом стал создавать там партийную организацию.

Начинали Эрнст с одной комнаты на ВДНХ, позже появилась еще одна на Садовом. Стал набирать людей, постепенно обрастали мясом, появились клиенты. Я открывал офисы в Украине, Казахстане, Белоруссии. Постепенно стал понимать этот бизнес, его культуру.

Честно признаться, меня долго коробило одно обстоятельство. Раньше, работая в сфере

валютного контроля, я был совершенно независим в своих суждениях по поводу деятельности проверяемых. Мне платило государство, а я проверял организации. И мне комфортно было их дрючить, я от них не зависел. А тут клиент платит деньги тебе, а кто платит, как известно, тот тебя и танцует. Есть, конечно, теории, правила и процедуры, но это противоречие неразрешимо. И примером тому могут служить многочисленные скандалы – но это лишь то, что всплыло. На практике все сложнее. Есть клиенты важные, архиважные, есть так себе. И уровень «взаимопонимания» между клиентом и аудитором объективно зависит от количества мани. В России же это достигает, как и во всем, гипертрофированных размеров.

Вообще, тема российского аудита – тема отдельная. Аудит возник в Англии в период промышленной революции, в частности начало было положено при создании акционерных обществ по строительству железных дорог. Одному или паре предпринимателей было не под силу аккумулировать капитал для осуществления столь грандиозных проектов. Акционерное общество позволяло собрать необходимое количество денег с тысяч

акционеров. И аудиторы были необходимы как независимые эксперты, поясняющие как эти деньги работают. В России же все большие бизнесы были созданы путем приватизации или залоговых аукционов, т.е. практически бесплатно. И на кой фиг владельцу такого бизнеса аудитор? Да еще если сам владелец, как крупного, так и другого любого бизнеса чтобы выжить так закрутил, наворотил, укрыл и вывел, что и сам порой забывает где что лежит. И что, ему нужен кто-то, что бы пришел и вывел все на чистую воду? Глупо. А государство говорит: ты обязан пригласить такого доку! Да еще и денежки ему дай. Закон есть закон, и приходят доки и за маленькие денежки подписывают не глядя. Главное риска никакого. И все делают вид, что все цивильно.

Я начинал писать закон об аудите, когда кроме этого слова ничего и не было. Постепенно пришел к однозначному выводу:

Обязательный аудит отменить. Просто, предприятие, не проводящее аудит, дает сигнал рынку: у меня рыльце в пуху. Но тогда ни кредитов не получишь, ни клиентов, ни партнеров не привлечешь. Колупайся как хочешь.

Деньги за аудит должны платиться в специализированные фонды как страховые платежи в проценте, скажем от оборота. А оттуда – уже аудиторам. Механизм – это детали.

Работа в Янге как мультинациональной и мультикультурной организации дала бесценный опыт работ с крупнейшими международными корпорациями. Я лет десять был членом комиссий по аудиторской деятельности. Сначала эта комиссия была при Президенте, потом при Правительстве, потом спустили до Минфина. Работая в этих комиссиях, много общался с нашими аудиторами. Потом довелось поработать и в одной из ведущих российских компаний. Мне жалко их за то, что не знают и не хотят знать, как это работает во всем мире. При этом гонора не занимать, опять ломимся по обочинам. Многие застряли на уровне нашего аудита индийского ресторана. Но с другой стороны, мой опыт дает и обратный эффект. Трудно выносить некомпетентность, чванство, да и просто глупость и тупость.

Возвращаясь к Янгу. Началось все с регистрации. При регистрации предприятия в различных государственных органах требовалось записать, например, следующее:

«Совместное советско – итальянское предприятие Интертранс». Янг зарегистрировал компанию – участника нашего предприятия на Каймановых островах. Это обычная практика, но с точки зрения русского языка это был геморрой. «Из какой страны ваш иностранный участник?» - спрашивает меня чиновник. «С Каймановых островов». Во - первых никто не знал, что такое Каймановы острова, а во – вторых, начиналось: «Так, пишем: советско – каймановское... , каймано – островское... Островное... Как, черт побери, пишется это название?». Как у Зошенко про пять кочерег. Собирались сотрудники, спорили, предлагали, и так во всех кабинетах. Потом начались известные события. Во время путча ГКЧП все иностранцы уехали из страны, я остался на хозяйстве один. Мы на ксероксе размножали листовки против путчистов, потом какие – то ребята забирали их. Поздно вечером пришли три молодых человека, показали корочки и очень интересовались ксероксом. Позже вызывали на беседу, но пронесло. Когда случились события с Белым домом, многие тоже уехали, но пару молодых иностранцев остались, отнеслись они к нашей беде как к

представлению, бегали туда смотреть и один получил пулю в мягкое место.

Для многих это может быть неожиданным, но мы по результатам аудита заставляли многих перечислять в бюджет миллиардные платежи. Жаль, что я не вел статистики – можно было бы претендовать на какую – никакую медальку. Вот один из примеров. Когда сын был подростком, он, как и все поколение, любил продукцию одного из ресторанов быстрого питания. Я частенько по пути домой заезжал в это заведение по его просьбе. Там висело объявление о наборе молодежи и перечислялись всяческие достоинства работы, включая бесплатное питание. И вот года два спустя меня попросили проревьюировать файлы по аудиту этого клиента. Его вел иностранный партнер, но в это время он был в отпуске. Просматривая налоговую секцию, я вспомнил про бесплатное питание, но не нашел материалов, касающихся уплаты налогов на него. Попросил менеджера проверить еще раз, тот вообще удивился, что там есть бесплатное питание. Но, в конце – концов все прояснилось: предприятие проводило питание как брак в производстве и не платило налоги. Я написал свое мнение, прикинул налоговые

обязательства, которые составили несколько млн.долларов, а если взять за последние три года, да штрафы и пени, получилась сумма, которую страшно произносить. Через день ко мне в офис заходят бледный партнер по этому клиенту, срочно вызванный из отпуска, и управляющий партнер: это наш клиент номер один по всему миру, десять лет мы его проверяли, а тут вылезла такая бяка – скандал будет международный. А если еще выяснится, что они так поступают и в других странах... Надо как – то выходить из ситуации. Я сказал, что свое профессиональное мнение я выразил, менять его не собираюсь, а если еще кто – то узнает, что они своих сотрудников кормят бракованными продуктами – мало не покажется. Дело вышло на самый высший уровень, наше международное руководство встречалось с их начальством. А потом мне сказали, что самый большой начальник в Америке вспомнил меня еще по тем временам, когда я помогал им налаживать бизнес у нас в стране и дал команду платить – Олегу он верит. И случаев таких, правда, менее масштабных было очень много.

Еще один интересный, по крайней мере для меня, пример. Были на одном из крупнейших

ЦБК в стране. Как всегда, сначала походили по территории, посмотрели. Поразила высоченная, метров пятьдесят гора бревен. Их привозили составами, потом специальным транспортом перемещали на верх этой горы. Я спросил сколько же там кубов, а сопровождающий, ничего не подозревая сказал: - а ...й его знает! Каждый нормальный аудитор знает как важно знать запасы. Потом спросил уже у начальников, ответ тот же. Я сказал, что никакого отчета они не получат пока не проведет инвентаризацию этой горы. А как? С этим лесом как с бензином: отгружают в кубах, а в производство отпускают в тоннах, нужны коэффициенты перевода в зависимости от вида древесины, ее влажности и т.д. Да ко всему прочему там оказался и госрезерв. я думал - думал и решил обратиться в наш офис в Канаде – там леса много. Да, отвечают, у нас есть специальная контора, которая этим и занимается. В общем, пригласил я их. Приезжает три человека, дня два мерили, считали и выдали результаты, которые на треть расходились с учетом ЦБК, а это, если протянуть цепочку к результатам – миллионы долларов, но уже убытков. Руководство предприятия в панике, но после недельных споров

согласилось. Пока я там с ними бился, всплыла еще одна проблема. Курить на территории нельзя и было лишь одно место – на высоком берегу реки. Такие комбинаты строятся у воды, т.к. для производства бумаги ее надо немерено. Стоим, курим, и вижу внизу горы полусгнивших бревен. Спрашиваю ради любопытства, что это за горы. Оказывается, раньше лес доставляли не по железной дороге, а плотами по воде. Был даже специальный огромный затон для приема этой прорвы леса. Потом перешли на железную дорогу, а затон бросили. Приехав в Москву, я позвонил в Росприроду, или что – то вроде этого и поинтересовался размерами штрафов за такого рода нарушение экологического законодательства. Потом прикинули и нарисовалось еще несколько миллионов потенциальных штрафов. Так впервые в стране было выпущено аудиторское заключение с going concern оговоркой. Начальников разогнали, акционеры благодарили, но я потом отказался от этого клиента.

Кстати, я стал первым российским партнером компаний Большой четверки в стране.

Послесловие

Прочел то, что накропал, и осталось странное впечатление. По жизни я много и долго работал. Примерное количество мест в СНГ, где я побывал в командировках - около пятидесяти, во многих из них неоднократно. Когда была шестидневка, я уже работал. Будучи в командировке в Сибири, почувствовал, что хромаю при ходьбе. Смотрю, а у меня на одной ноге зимний ботинок, а на другой – офисный. Перед отъездом в аэропорт так замотали дела, что прервался процесс переобувания.

А здесь так много места занимает рыбалка и прочие увеселения.

Поэтому я счастлив. У меня есть моя жизнь, моя семья, включая тех, кто в море. И это мое беспокойное нажитое.

Искренне Ваш,
Олег Валериус, Эсквайр

Из вежливости титул Эсквайр дается всем лицам образованным и принадлежащим к хорошему обществу

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

www.zviahel.ucoz.ru